

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.Л. Беспрозванных

ТИБЕТО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В XVII–XVIII ВЕКАХ

Учебное пособие

Волгоград 2005

ББК 63.3(54) + 63.3(5Кит) 5

Б53

Рецензенты:

канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории ВГПУ

А.Я. Серебряный;

канд. ист. наук, ст. преп. каф. новой

и новейшей истории ВолГУ *В.А. Горелкин*

Печатается по решению Ученого совета
факультета истории и международных отношений ВолГУ
(протокол № 4 от 28.12 2004 г.)

Беспрозванных, Е. Л.

Б53 Тибето-китайские отношения в XVII–XVIII веках
[Текст] : учеб. пособие / Е. Л. Беспрозванных ; ВолГУ. –
Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 120 с.

ISBN 5-9669-0009-4

В сжатой форме излагаются основные сведения по проблеме тибето-китайских отношений в XVII–XVIII веках. Данная проблема подробно рассматривается в одноименном спецкурсе, а также затрагивается в курсе лекций по истории стран Азии и Африки в Новое время. В работе содержатся основные внешнеполитические концепции императорского Китая и традиционного Тибета, выделяются узловые моменты отношений двух стран на протяжении рассматриваемого периода, дается хронология тибето-китайских отношений.

Главная цель пособия – способствовать лучшему пониманию студентами истории стран Центральной Азии в целом и в частности истории Тибета и Китая.

Предназначено для студентов-историков, специализирующихся в рамках кафедры новой и новейшей истории.

ББК 63.3(54) + 63.3(5Кит) 5

ISBN 5-9669-0009-4

© Е. Л. Беспрозванных, 2005

© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2005

В В Е Д Е Н И Е

История отношений Тибета и Китая насчитывает более 14-ти веков (VII–XX вв.). В течение этого огромного исторического периода тибетский и китайский народы торговали и воевали, заключали разного рода договоры и соглашения, обменивались культурными и техническими знаниями и т. п. Случалось, что тибетские войска захватывали столицу Китая, а в другие времена тибетская столица оказывалась в руках китайских воинов. Затем вновь наступали периоды мира и спокойствия на границах. В эти процессы, обычные для истории любого народа и государства, активно вмешивались другие страны и народы Центральной Азии, выступая в качестве союзников или противников той или другой стороны.

Развитие Тибета шло в тех же общих рамках, что и развитие других государств центральноазиатского региона. В то же время Тибет имел ряд особенностей, связанных с природными и географическими условиями, которые придавали его развитию уникальный характер. Страна снегов (как называют свою родину сами тибетцы) обладала скудными природными ресурсами, сравнительно небольшим населением. Холодный климат тибетских высокогорий и своеобразные фауна и флора определили оригинальный уклад жизни тибетского населения, во многом повлияли на архитектуру и ремесла. Тибет подвергался различным культурным влияниям: китайскому, монгольскому, индийскому, иранскому. Наиболее важным оказалось индийское влияние, способствовавшее проникновению в Тибет буддизма и преобразованию его здесь в особую форму, часто называемую ламаизмом.

Тибетский буддизм (ламаизм) стал основой духовной жизни Тибета и во многом повлиял на его политическое развитие. Отсюда тибетские формы буддизма (в виде различных сект) распространились на Непал, Бутан, Сикким и Ладак. Страны, входившие в «монгольский мир» (Южная Монголия и Халха, Кукунор и Джунгария, Бурятия и Калмыкия), приняли тибетский буддизм в форме, проповедовавшейся сектой Гелугпа. Превращение Тибета в центр северного буддизма и идеологическое

влияние, шедшее оттуда на монгольские страны, делало Тибет желанной добычей для любого завоевателя, мечтавшего подчинить себе монгольские народы. В XVII–XVIII вв. две крупнейшие державы региона – Джунгарское ханство и Цинская империя, – претендовавшие на гегемонию в Центральной Азии, стремились контролировать Тибет, исходя именно из этих соображений.

Однако до 40-х гг. XVII в. Тибету удалось сохранить свою независимость, чему способствовала международная обстановка в регионе (борьба между китайцами, монголами и маньчжурами, отвлекавшая их внимание от Тибета). Установлению иностранного господства в Стране снегов способствовала религиозно-политическая борьба, охватившая Тибет в первой половине XVII в. Введение в XVII в. хошуутского, а в XVIII в. китайского протектората означало утрату Тибетом своей независимости. Лишь на сравнительно короткий срок – с 1911 по 1950 г. – Тибету удалось вернуть суверенитет.

Современная тибетская эмиграция, возглавляемая Далай-ламой XIV, категорически отрицает право Китая владеть Тибетом, настаивая на том, что между двумя странами в XVII–XIX вв. существовали отношения добровольного религиозно-политического союза, конкордата, но не зависимости и подчиненности. Китайские официальные круги, в свою очередь, утверждают, что Тибет являлся вассальной страной при нескольких китайских династиях, а при Цинской династии окончательно вошел в состав империи. Согласно этой точке зрения, нынешние руководители Китая являются правопреемниками китайских императоров, а тибетский народ рассматривается как национальное меньшинство Китая.

Поскольку обе стороны – тибетская и китайская – в своем споре аргументируют собственные позиции с помощью исторических фактов (зачастую одних и тех же), существует настоятельная необходимость проанализировать тибетский и китайский подходы к различным вопросам международной политики, выявить причины расхождений в оценке исторических фактов, сопоставить тибетские и китайские взгляды на взаимоотношения с внешним миром и т. п.

История императорского Китая традиционно рассматривается по годам правления соответствующих императоров той или

иной династии. В Тибете же XVII–XVIII вв. чередовались периоды светского правления и теократии, причем нередко смена форм правления происходила на фоне иностранного господства. В связи с этим, наиболее целесообразным приемом при изучении проблемы тибето-китайских отношений является деление тибетской истории по периодам деятельности тибетских лидеров. Роль лидера, «сильной личности» в переломный момент истории могла быть весьма значительной, даже если конкретный лидер не обладал всей полнотой власти.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И ТИБЕТА

I. Внешняя политика Китая

Внешняя политика Китая с древнейших времен и до начала XX в. была политикой традиционной, базировавшейся на нескольких взаимосвязанных концепциях. Эти концепции, практически не менявшиеся в течение ряда столетий, образовывали стройную внешнеполитическую теорию, которой руководствовались государственные деятели Китая при всех династиях.

Концепция «Китай — варвары»

Одним из основополагающих моментов китайской внешнеполитической теории было представление о делении мира на две части — «цивилизованный» Китай и «варварскую» периферию. Между этими двумя частями существовало принципиальное различие: «варвары», в отличие от китайцев, не знали этических норм, были склонны ко злу, вследствие чего и не могли создать цивилизацию, пребывая в состоянии хаоса и неустойчивости. Картина мира в глазах китайцев выглядела моноцентристской: в центре — «цивилизованный» Китай, а вокруг него концентрическими кругами расположены «варварские» земли, причем по мере удаления от центра хаос возрастал.

Концепция «Китай — варвары», часто называемая также концепцией китаецентризма, тесно смыкается с концепцией китайской монархии.

«Мироустроительная» монархия

Хаотический, «неупорядоченный» внешний мир, расположенный вокруг Китая, побуждал китайских правителей к преобразованию «варваров». Эту задачу выполнял китайский монарх, который, благодаря непосредственным контактам с Небом, обладал сверхъестественной силой «дэ». Эта сила имела не только космогонические, но и политические функции.

Ключевые моменты концепции мироустроительной китайской монархии таковы: 1) власть китайского императора — един-

ственная; 2) власть эта – универсальная; 3) для императора нет в мире «внутренних» и «внешних», «ближних» и «дальних».

Благотворное императорское влияние «дэ» распространялось подобно кругам по воде (в связи с китаецентристской картиной мира) – сначала на «ближних», то есть китайцев, затем на «дальних» – варваров. Распространение благотворного влияния приводило к глубокой внутренней трансформации «варваров»: они переходили в новое состояние – «обращались» или «предавались искренности».

ПРИЕЗД «ВАРВАРОВ» К ИМПЕРАТОРСКОМУ ДВОРУ

Одним из основных признаков «преображения» было стремление «варваров» приехать в Китай, ко двору императора, и поднести дань.

Для китайских правителей приезд «варваров» ко двору был важен в нескольких аспектах: 1) в сакральном смысле он означал, что процесс установления порядка в мире идет нормально; 2) в политическом смысле приезд «варваров» был демонстрацией эффективного контроля Китая над окружавшими его народами.

Если мистическая сила «дэ» почему-то не оказывала должного влияния на «варваров», следовало принять другие меры – от посылок к ним дипломатических миссий, убеждавших явиться ко двору, до применения оружия. Непокорных «варваров» следовало «усмирять» или даже уничтожать, так как они противились императорскому влиянию, которое символизировало волю Неба.

ВАССАЛИТЕТ

Все «варварские» страны и народы считались зависимыми от Китая, а их правители – вассалами императора, обязанными приезжать ко двору с данью. Вассалы делились на две главные категории: внутренние (фань) и внешние (шу). Земли внутренних вассалов либо управлялись имперской администрацией, либо там находился имперский наместник. Земли внешних вассалов не входили в состав империи и управлялись местной администрацией.

Современное китаеведение именует указанные выше типы вассалитета «реальным» и «номинальным». Реальный вассалитет был связан с постоянным контролем китайских властей над внеш-

ней политикой вассальной территории, а также с определенными ограничениями во внутривнутриполитической жизни. Благополучие местной (неханьской) администрации прямо зависело от ее лояльности императорской династии Китая.

Номинальный вассалитет практически не затрагивал внутренней и внешней политики государства-вассала и сводился к чисто внешним признакам зависимости от Китая (принятие китайского календаря, проявление местными правителями своей «зависимости» в дипломатической переписке, наконец, в присылке в Китай периодически посольств с «данью»). По сути дела, номинальный вассалитет не являлся зависимостью данной страны от Китая, а был просто негласной сделкой, выгодной обеим сторонам.

ДАНЬ И ТОРГОВЛЯ (ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Представление дани было одним из краеугольных камней китайской внешнеполитической теории. Дань, как и проезд вассалов ко двору императора, означала признание данниками своей зависимости от Китая. Тем самым повышался престиж династии среди китайского населения, так как проезд данников свидетельствовал о благосклонности Неба к правящему дому.

Иноземные послы, приезжавшие в Китай с данью, обязаны были представлять в качестве дани «местные произведения или продукты» (предметы роскоши и драгоценности, оружие, дорогую посуду и др.). Императорский двор, в свою очередь, вознаграждал данников, выдавая им шелковые и хлопчатобумажные ткани, серебро, нефрит, лекарственные растения. Ответные китайские дары превышали по стоимости привезенную дань, что означало откровенный подкуп некитайских правителей (номинальных вассалов).

Приоритет политических целей перед экономическими проявлялся и во внешней торговле Китая. Китайские правители не раз заявляли, что торговля Китая с «варварами» должна рассматриваться как знак императорского благоволения к последним, так как сам Китай ни в чем не нуждается. Китайские власти придавали торговле с «варварами» более политический, чем экономический характер и нередко использовали ее как орудие экономического шантажа, закрывая приграничные рынки и затем диктуя политические условия «варварам».

Одной из форм политического контроля над приграничными «варварами» была система, включавшая в себя два понятия – «тусь» и «цзими». Термином «тусь» (туземный вождь) именовался любой местный (неханьский) лидер, контролировавший приграничный район и находившийся под контролем китайских властей. Территория, контролировавшаяся китайцами при помощи «тусь», называлась «цзими» («обузданные земли»). Главной задачей этой системы была постепенная ассимиляция некитайского населения и установление прямого контроля китайской администрации над данной территорией.

В цинскую эпоху правители Китая, не отменяя указанной выше системы, дополнили ее системой буферных территорий. В их число вошли соседние страны, покоренные Китаем в XVII–XVIII вв. (Монголия, Джунгария, Восточный Туркестан и Тибет). Эти территории, получившие общее название «внешние владения», интересовали Цинов в плане военном, экономическом и др. Но главной задачей «внешних владений» было создание своеобразного заслона, буферной зоны на пути потенциального агрессора, из какой бы части Азии он ни явился. Собственно Китай (18 провинций) и «внешние владения» (буферные территории) составляли одно целое – Цинскую империю.

2. Внешняя политика Тибета

С V по VII в. происходило становление тибетской государственности: тибетцами управляли 32 полулегендарных цэнпо (царя) из династии Ярлунг. В этот период тибетская народность была расселена в основном в своих этнических границах и не вела активной внешней политики.

В период существования в Тибете централизованного государства (VII – середина IX в.) внешняя политика Тибета стала экспансионистской. Тибет активно раздвигал свои границы, присоединяя чужие территории к своему государству либо превращая их в вассальные, устраивал набеги на соседние страны ради получения военной добычи. Тибетская экспансия шла во всех направлениях, но особо следует выделить борьбу Тибета с Китаем.

К середине IX в. внутренние процессы (в том числе и религиозные разногласия) привели к ослаблению некогда могущественного государства. Завоевательные потенции Тибета были исчерпаны, и он начал терять свои окраинные территории.

Начиная с VII в. во внешней политике Тибета были разработаны определенные внешнеполитические приемы, использовавшиеся в соответствии с международной ситуацией.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ ТИБЕТА

К международным договорам Тибета относились договоры союзные (не всегда оформлявшиеся письменно) и мирные.

Союзные договоры в период существования тибетского централизованного государства заключались с различными странами и народами. Они носили временный и тактический характер и теряли значение после проведения соответствующей военной кампании.

Мирные договоры являлись весьма важными дипломатическими актами, поскольку помимо приращения военных действий и провозглашения мира они включали в себя ряд других вопросов: о границе, приграничных рынках, дани. Весьма важным моментом было оформление договора. Тибет, как правило, настаивал на равенстве партнеров по договору и на том, чтобы этот момент нашел отражение в тексте договора. Текст договора высекался на каменных стелах, которые устанавливались на рубеже двух государств.

МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ

Междинастические браки – известная в мировой истории форма укрепления связей между государствами с монархической формой правления. В Тибете данный внешнеполитический прием использовался в период существования централизованного государства. Правители Тибета охотно брали жен из вассальных или завоеванных стран, тем самым становясь «родственниками» местных правящих домов, укрепляя свои позиции в этих странах. Несколько иначе обстояло дело с Китаем. Танская династия преследовала те же цели, выдавая китайских принцесс за «варварских» правителей: став «императорским зятем», местный правитель был в какой-то степени зависимым от Китая. Но в случае с Тибетом этот расчет не сработал: женитьба тибетских правителей

Сронцзана Гамбо (613–649) и Тридэ Цугтэна не изменила независимой и агрессивной внешней политики Тибета.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Посредничество являлось одной из традиционных форм тибетской внешней политики. Вначале этот политический прием использовался исключительно внутри страны, в случае каких-либо внутренних столкновений, но постепенно сфера применения посредничества расширилась и приобрела международный характер.

Посредничество всегда осуществлялось высшими буддийскими священнослужителями, независимо от того, к какой секте они принадлежали. Существовало три вида посредничества: 1) посредничество между тибетцами; 2) между тибетцами и иностранцами; 3) посредничество тибетского священнослужителя между двумя иностранными противниками. Договоренность, достигнутая через посредников, не означала позорной капитуляции, поэтому слабая сторона в конфликте, соглашаясь на невыгодные условия, не «теряла лица».

Посредничество между тибетцами и иностранцами часто помогало остановить продвижение чужеземцев вглубь тибетской территории или хотя бы избежать лишних жертв.

Высокий авторитет тибетских посредников, их нейтральность и добросовестность были широко известны вне Тибета, поэтому соседние буддийские страны нередко использовали тибетское посредничество для решения своих внутренних или международных проблем.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ «ЛАМА — МИЛОСТЫНЕДАТЕЛЬ»

Политическая раздробленность Тибета (середина IX — середина XIII в.) сопровождалась также религиозной раздробленностью. Временное усиление древней религии Бон и гонения на буддизм в Центральном Тибете привели к возникновению обособленных буддийских монастырей и сект на окраинах страны. Их взаимоотношения с верующими — будь то отдельный мирянин или местный феодальный клан — строились по формуле «лама — милостынедатель». «Лама», то есть отдельный монах, собиравший милостыню (а в более широком смысле — любое

религиозное учреждение), должен был наставлять верующих и молиться за них. «Милостынедатель», то есть отдельный мирянин (а в более широком смысле – любая группа верующих), должен был оказывать материальную помощь монахам, что рассматривалось как богоугодное дело и религиозная заслуга.

До середины XIII в. формула «лама – милостынедатель» использовалась исключительно внутри Тибета. В середине XIII в., после покорения Тибета монголами, отношения «лама – милостынедатель» были установлены между монгольскими хаганами и сектой Сакьяпа, то есть стали внешнеполитическим приемом. Воцарение в Китае монгольской династии Юань привело к тому, что Тибет стал протекторатом, входившим в состав Юаньской империи, куда входили также Китай и монгольские земли. Иерархи Сакьяпы, прикрывавшиеся формулой «лама – милостынедатель», стали, по сути дела, ставленниками монголов в Тибете. С ослаблением династии Юань в Китае соответственно уменьшилось и влияние Сакьяпы в Тибете, а в середине XIV в. в Тибете начался процесс установления власти новой династии – Пхагмоду.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТИБЕТЕ
И ОТНОШЕНИЯ ТИБЕТА С КИТАЕМ И МОНГОЛИЕЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV — НАЧАЛО XVII в.)

Ликвидация теократического правления Сакьяпы и почти одновременное падение монгольской династии Юань в Китае позволили тибетскому народу восстановить свою независимость. К власти в Китае пришла китайская династия Мин (1368–1644).

В Тибете же за время правления династии Мин сменилось несколько местных династий. С середины XIV в. страной правила светская династия Пхагмоду. В 1481 г. режим Пхагмоду был сменен династией Ринпунг, правившей до 1565 г. и, в свою очередь, смененной династией Цзанба. Первая из перечисленных династий опиралась на столичную провинцию Уй; базой двух других была провинция Цзан. Как правило, усилившийся местный феодальный клан, рвущийся к власти в Тибете, бывал тесно связан с какой-либо из буддийских сект, доминировавшей в данной местности; эти связи могли быть родственными, дружескими, а также установленными по схеме «лама – милостынедатель». Буддийские секты, обязанные

морально поддерживать своих «милостынедателей» из феодальных кланов, постепенно политизировались, проникались политическими воззрениями своих светских покровителей и проявляли враждебность к буддийским сектам, поддерживающим конкурирующие кланы. Среди сект, наиболее враждебно настроенных друг к другу, особенно выделялись секты Кармапа и Гелугпа.

Кармапа являлась ответвлением секты Кагьюдпа и делилась на две подсекты, формально различавшиеся по цвету головных уборов: красношапочную и черношапочную. Именно в секте Кармапа (черношапочной линии) возник институт перерожденцев (тулку), впоследствии признанный многими сектами Тибета. После падения теократии Сакьяпы руководство Кармапы постепенно стало расширять свою поддержку феодалов из провинции Цзан – сначала Ринпунгов, а затем сменивших их Цзанба (цзанских царей). Основным политико-религиозным противником Кармапы стала секта Гелугпа.

Возникновение секты Гелугпа тесно связано с именем великого религиозного мыслителя и реформатора Цзонхавы (1357–1419). Цзонхава, прошедший религиозное обучение в нескольких монастырях различных сект, разработал собственную теорию о «степенях пути» (ламрим), который необходимо пройти каждому верующему под руководством особого наставника – ламы. Это означало, что, помимо обычного почитания «трех драгоценностей» (Будды, дхармы и сангхи), верующий непременно должен обращаться за помощью и наставлением к монахам, без чего он не мог надеяться на «спасение». Необыкновенно возросшее значение монашества требовало и соответствующей монашеской дисциплины, которая во многих сектах начисто отсутствовала: монахи могли жениться, носить светскую одежду, употреблять спиртные напитки и т. п. Поэтому Цзонхава особое внимание уделял монашеской дисциплине, ввел обязательное безбрачие, регулярные общие богослужения, пышную обрядность и музыкальное сопровождение (для привлечения верующих).

Новая секта, основанная Цзонхавой, получила название Гелугпа («Закон добродетели»); из-за цвета монашеских головных уборов она часто именуется «желтошапочной» или просто «желтой». Секта Гелугпа активно использовала учение о перерождении (реинкарнации), издавна применявшееся в индийской ре-

лигиозной философии и затем развитое сектой Кармапа. Пере-рожденцы (тулку, хубилганы, хутухты) считались земным воплощением одного из будд, бодхисаттв, святых и т. п. и, таким образом, от рождения и до смерти обладали особыми религиозными качествами, недоступными обычным смертным.

Следует отметить, что, несмотря на нововведения, осуществленные Цзонхавой, и на различные толкования священных текстов, способы обучения и обрядность, – между сектами Кармапа и Гелугпа не было принципиальных различий. Ни одна из упомянутых сект (как, впрочем, и других сект Тибета) не могла считаться «правовой» или «еретической». Таким образом, враждебность между сектами вызывалась прежде всего причинами политического характера.

Гелугпа быстро укреплялась, пользуясь покровительством феодалов из дома Пхагмоду, а после утраты ими власти – других феодальных кланов провинции Уй. Монастыри Гелугпы возникли в Центральном Тибете (в Уе), а также в Каме и Амдо. Особенно известными были монастыри, возникшие в районе Лхасы: Галдан (1409), Дрепунг (1416) и Сэра (1419). Но в Цзане, традиционном оплоте Кармапы, Гелугпа особым влиянием не пользовалась. Только в 1447 г. Гелугпе удалось построить там крупный монастырь Ташилунпо, но его место нахождения нельзя было назвать удачным: монастырь находился близ провинциального центра Шигацзе, где сначала располагалась резиденция Ринпунгов, а затем сменивших их Цзанба.

Укрепление секты Гелугпа и рост числа ее последователей совпали по времени с началом борьбы между цзанским кланом Ринпунг и династией Пхагмоду. Согласно тибетским источникам, победившие Ринпунги начали преследование Гелугпы и ее приверженцев: монастыри Гелугпы преобразовывались в монастыри Кармапы, в зоне влияния Гелугпы строились чужие монастыри, захватывались монастырские поместья; наконец, с 1498 по 1518 г. монашеству Гелугпы было запрещено участвовать в крупном религиозном празднестве Монлам, введенном еще Цзонхавой. В XVI в. против Ринпунгов выступила другая цзанская группировка – Цзанба, которая также являлась приверженцами Кармапы. Для Гелугпы, таким образом, смена династии не означала улучшения ее позиций в стране: сфера ее влияния постепенно, но неуклонно сужалась.

Внешняя политика Тибета во второй половине XIV – начале XVII в. носила чрезвычайно пассивный характер из-за постоянных внутренних распрей и вызванной ими слабости государства. Хотя связи дипломатического, торгового и религиозного характера между Тибетом и внешним миром сохранялись, но эти связи были случайными и не имели характера целенаправленной политики.

Отношения Тибета с Минским Китаем можно разделить условно на две категории – официальные и приграничные.

Официальные тибето-китайские отношения сводились к добровольным поездкам иерархов из различных тибетских сект и монастырей в Китай, что в Пекине рассматривалось как признание Тибетом своей зависимости от династии Мин. Минские императоры щедро раздавали почетные титулы и дары мнимым вассалам, не обращая внимания на то, что ни одна из сект не смогла установить в Тибете теократический режим, наподобие того, какой был во времена теократии Сакьяпы. Таким образом, официальные тибето-китайские отношения строились на основе обычной китаецентристской схемы и не выходили за рамки номинального вассалитета. С тибетской стороны эти отношения могли восприниматься как отношения по формуле «лама – милостынедатель», но, поскольку эти отношения со стороны Тибета носили частный характер, они не могут служить основанием для утверждения о зависимости Тибета от Китая.

Главная цель минской политики в отношении Тибета была наиболее четко сформулирована китайским сановником Лю Чунем: «Тибет лежит на далеком западе. Нравы там в высшей степени дикие. Для умиротворения и приобщения к цивилизации (тибетского населения) там учреждены четыре должности фа ванов («князей учения»). Им (разрешен) приезд с данью ко двору (все это сделано) исключительно ради того, чтобы заставить их поддерживать мир в своих владениях и не причинять беспокойства (нашим) границам»¹.

Помимо официальных (межгосударственных) отношений, существовали приграничные тибето-китайские отношения. Граница между Минским Китаем и Тибетом не была четко обозна-

¹ Цит. по: Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М.: Вост. лит., 1978. С. 60.

чена: существовала линия укреплений и караулов от Таочжоу до Сунпани, которая, в зависимости от обстановки, могла отодвигаться на запад или на восток. Поэтому целесообразнее говорить не о границе, а о пограничной зоне, населенной тибетскими племенами («фаньской периферии»). Политика Минов в пограничной зоне представляла собой сочетание системы «тусь» и религиозных учреждений (буддийских монастырей), которые использовались для управления тибетским населением. Светская знать и высшее духовенство тибетских племен приграничья получали минские должности и почетные титулы и были обязаны представлять «дань» к императорскому двору.

Но, помимо подкупа верхушки тибетских племен, каковой являлась практика ответных подарков за принесенную «дань», Минская династия использовала также экономические средства контроля за поведением тибетцев на границе. Одним из таких средств был обмен китайского чая на тибетских лошадей. Этот взаимовыгодный обмен рассматривался Минами в первую очередь с политической точки зрения – как возможность в любой момент «наказать» непокорных тибетцев закрытием обменных пунктов и лишением их такого существенного элемента питания, как чай.

Отношения Тибета с Монголией во второй половине XIV – начале XVII в. носили характер эпизодических контактов. Межгосударственные отношения по типу «лама – милостынедатель» закончились с падением династии Юань в Китае и теократии Сакьяпы в Тибете. В Монголии наступил период длительной феодальной раздробленности, в Тибете – борьба за власть между сильными кланами, перешедшая в религиозно-политическую борьбу. Были, разумеется, контакты на рубежах Тибета и Монголии, но, поскольку монголы еще не были буддистами, две страны мало интересовались друг другом.

Впервые за много лет интерес к Тибету проявил крупный южномонгольский феодал Алтан-хан (1507–1582). Стремясь к объединению разрозненных монгольских владений под своей властью, Алтан-хан захватил Кукунор и приблизился к северо-восточным рубежам Тибета. Создавая централизованное монгольское государство, Алтан-хан, несомненно, нуждался в такой религии, которая готова была бы сотрудничать с государственной властью. Тогдашний монгольский шаманизм на эту роль не го-

дился; буддизм же, известный монголам с середины XIII в. и даже получивший некоторое распространение среди монгольской верхушки, казался более подходящим.

Алтан-хан направил несколько писем главе секты Гелугпа Соднаму Чжамцо (1543–1588), пригласив его посетить ханскую ставку в Кукуноре. Для иерархов Гелугпы, чьи позиции в Тибете становились все более шаткими из-за натиска династии Цзанба и секты Кармапа, было жизненно необходимо приобрести сильного союзника, хотя бы и вне Тибета.

Летом 1578 г. Соднам Чжамцо прибыл в Кукунор, где в урочище Цабчил, в ставке Алтан-хана, были проведены переговоры. Было решено распространить в Монголии буддизм при активном содействии секты Гелугпа; были установлены права и привилегии буддийских священнослужителей, запрещены шаманистские обряды и жертвоприношения. Монгольский правитель и руководитель Гелугпы особо подчеркивали, что их союз заключается на том же основании, что и союз Юаней и секты Сакьяпа в XIII–XIV вв., то есть по формуле «лама – милостынедатель».

Соднам Чжамцо и Алтан-хан поднесли друг другу богатые подарки и обменялись почетными титулами: хан получил титул «Царь учения, великий Брахма среди богов», а Соднам Чжамцо – «Великий лама, чья мудрость безбрежна, как океан» (по-монгольски «Далай-лама»). Двум предшественникам Соднама Чжамцо на посту главы секты Гелугпа титул «Далай-лама» был присвоен посмертно, так что Соднам Чжамцо стал Далай-ламой III.

В течение 10 лет после этой встречи Далай-лама III занимался распространением буддизма в Монголии, освящением буддийских монастырей, возникавших там, посвящением монгольской молодежи в ламы и т. п. Он неоднократно принимал на себя роль посредника между враждовавшими монгольскими князьями, благодаря чему Гелугпа сохранила свои позиции в Монголии даже после распада державы Алтан-хана (1586). Другие тибетские секты, в том числе и враждебные Гелугпе, также начали вести религиозную пропаганду в монгольских степях, но их влияние было гораздо слабее, чем у Гелугпы.

После смерти Далай-ламы III его преемником (перерожденцем) стал Йонтан Чжамцо, внук Алтан-хана. Тот факт, что монгольский аристократ стал Далай-ламой IV (1589–1617), свиде-

тельствовавал о стремлении иерархов Гелугпы сохранять и укреплять религиозно-политический союз с монголами. Новый Далай-лама до 12 лет оставался с родителями в Монголии, где прошел курс первоначального религиозного обучения при помощи тибетских учителей. В 1601 г. в сопровождении конного монгольского отряда Йонтан Чжамцо прибыл в Лхасу и был официально интронизирован как Далай-лама IV. Дальнейшее религиозное обучение Далай-ламы IV прошел в монастыре Дрепунг под руководством ученого ламы Лоцзана Чосгьяна, специально вызванного из монастыря Ташилунпо.

Далай-ламе IV пришлось провести свою короткую жизнь в обстановке религиозно-политической борьбы, еще более обострившейся в Тибете в начале XVII века. Обстановка в стране была столь накалена, что достаточно было любого повода для новой вспышки насилия. Сторонники Гелугпы нападали на приверженцев Кармапы, постепенно проникавших в столичную провинцию Уй; в ответ на это цзанские войска шли карательным походом на Лхасу. В 1605 г. войскам династии Цзанба удалось изгнать из Тибета отряд монголов, прибывших в качестве эскорта Далай-ламы IV.

В 1617 г. Далай-лама IV скончался в возрасте 28 лет. Приверженцы Гелугпы обвиняли в его смерти цзанского правителя Карма Пунцок Намчжала (1611–1621). Вероятно, для таких подозрений были основания, так как этот представитель династии Цзанба настолько ненавидел руководителя Гелугпы, что после его смерти официально запретил ему перерождаться. Этот запрет на практике означал, что малолетний перерожденец мог быть убит врагами Гелугпы. Только после настоятельной просьбы Лоцзана Чосгьяна, которому удалось избавить цзанского правителя от серьезной болезни, запрет на перерождение был отменен.

ДАЛАЙ – ЛАМА V
НГАГБАН ЛОВЗАН ЧЖАМЦО

В 1619 г. специальная комиссия, посланная на поиски преемника умершего Далай-ламы IV, сообщила в Лхасу и Ташилунпо, что перерожденец найден. Им оказался мальчик, родившийся в 1617 г. в местности Чонгяс (провинция Уй). Соднам Чоспел, помощник покойного Далай-ламы IV, и Лоцзан Чосгьян, его бывший учитель, лично отправились в указанную местность, чтобы убедиться в правильности сообщения. Ребенок, появившийся на свет в Чонгясе, был признан истинным перерожденцем прежнего Далай-ламы.

Религиозно-политическая ситуация в Тибете в конце второго десятилетия XVII в. была довольно сложной. В 1618 г. цзанские войска атаковали Лхасу, перебили многих приверженцев Гелугпы, а монастыри этой секты силой преобразовали в монастыри Кармапы. В Уе было установлено постоянное военное присутствие цзанцев. В 1619 г. в Тибет вернулись монгольские отряды, изгнанные из Лхасы в 1605 г. цзанским правителем. С их помощью Гелугпе удалось восстановить свои позиции в столичной провинции, но ее враги отыгрались на монастыре Ташилунпо, расположенном в провинции Цзан: они всячески притесняли и даже убивали тамошних монахов.

Неустойчивость политической обстановки в стране вынуждала руководство Гелугпы не спешить с интронизацией малолетнего перерожденца; его местонахождение тщательно скрывалось. Только с приходом к власти очередного цзанского правителя, Карма Тенкионг Вангпо (1622–1643), когда напряженность в стране временно ослабла, юный перерожденец был переведен в монастырь Дрепунг и объявлен Далай-ламой V (1617–1682).

На протяжении 20-х и в начале 30-х гг. XVII в. между сектой Гелугпа, с одной стороны, и монгольскими (в том числе и джунгарскими) племенами – с другой, стали все более укрепляться связи по типу «лама – милостынедатель». Монголы и джунгары прибывали в Уй в качестве паломников, привозя богатые дары и получая соответствующие духовные наставления. Цзанский правитель с завистью наблюдал обогащение монастырей Гелугпы,

но не решался на военное вмешательство, опасаясь противодействия монголов.

В первой половине XVII в. неустойчивое перемирие, сохранявшееся в Тибете около 10 лет, пришло к концу. Причиной этого стали миграционные процессы среди монголов, вызванные завоевательными походами маньчжуров. В 1632 г. в Кукунор перекочевал со своими подданными Цогт-тайчжи, крупный чахарский (южномонгольский) феодал, приверженец «красношапочного» буддизма. Появление в Кукуноре нового режима, враждебного Гелугпе, не осталось незамеченным в Тибете: Карма Тенкионг Вангпо немедленно установил контакт с Цогтом-тайчжи. Третьим противником Гелугпы (как и буддизма вообще) выступил феодал из Восточного Тибета, Доньо Дорчже, бывший приверженцем старой религии Бон. Хотя каждый из трех врагов Гелугпы преследовал собственные цели, между ними наметился альянс.

Растущая угроза со стороны правителя Цзана и его союзников заставила высшее руководство секты Гелугпа (к которому относились прежде всего Далай-лама V, настоятели монастырей Сэра, Галдан, Дрепунг и Ташилунпо) искать помощи за пределами Тибета. Такую помощь могли предоставить только «милостынедатели», то есть монголы и джунгары. Северомонгольские «милостынедатели» были отрезаны от Тибета маньчжурскими завоеваниями, южные монголы – захвачены маньчжурами, либо, как Цогт-тайчжи, были приверженцами враждебных сект. Оставались только джунгары. Поэтому было решено отправить специальную делегацию в Джунгарию, где с 1616 г. распространялся буддизм «желтошапочного» толка и где имелось немало «милостынедателей».

В 1633 г. глава тибетской делегации Соднам Чоспел встретился с джунгарскими феодалами. Глава племени хошоутов Гуши-хан изъявил желание выступить «в защиту веры» и помочь Гелугпе. Видимо, к такому решению Гуши-хана подтолкнули не только религиозные чувства, но и миграционные процессы, происходившие в джунгарском обществе. Будучи опытным полководцем Гуши-хан решил сначала лично оценить военно-политическую ситуацию в Кукуноре и Тибете и отправился в Лхасу в 1635 г. под видом паломника. Встретившись во время этой поездки с Арсаланом, сыном Цогта-тайчжи, который вел десяти тысячное войско для соединения с правителем Цзана, Гуши-хан не

только узнал от своего попутчика ряд сведений военного характера, но и убедил Арсалана не воевать с Гелугпой.

Результатом разведывательной поездки Гуши-хана стало решение вторгнуться сначала в Кукунор: в этом случае хошоутский вождь и выполнял свое обещание и приобретал прекрасные новые пастбища. В 1636 г. Гуши-хан внезапно напал на Кукунор, разгромил войска Цогта-тайчжи и подчинил коренное тибетоязычное население (тангутов). Затем в захваченную страну из Джунгарии переселились племена хошоутов и частично торгоутов. Затем власть хошоутов распространилась на весь Амдо (северо-восточный Тибет).

В 1638 г. Гуши-хан прибыл в Лхасу в качестве паломника, где получил почетный титул «Царь религии и хранитель веры». Тем самым Далай-лама V выражал свое удовлетворение деятельностью Гуши-хана в Кукуноре и устанавливал с ним официальные отношения «лама – милостынедатель». Судя по всему, глава Гелугпы, заручившись поддержкой сильного союзника, надеялся сохранить в Тибете равновесие сил, когда хошоутская власть сохранялась бы в Кукуноре и на северо-востоке Тибета, а цзанский правитель, опасаясь вмешательства Гуши-хана, ослабил бы свой нажим на Гелугпу.

Но эти надежды оказались необоснованными. Карма Тенкионг Вангпо не только мобилизовал большую армию, но и договорился с Донью Дорчже, правителем Бэри, о совместном ударе по Гелугпе. Одно из писем противников Гелугпы было перехвачено, и Гуши-хан решил нанести упреждающий удар. В 1640 г. было разгромлено владение Бэри, а затем хошоуты захватили весь Кам. В следующем году хошоутские войска двинулись на Цзан через провинцию Уй. Карма Тенкионг Вангпо, опасаясь, очевидно, не справиться с хошоутами, обратился с просьбой о посредничестве к Лоцзану Чосгьяну из монастыря Ташилунпо. Но предложенные Гуши-ханом условия (добровольная капитуляция и отказ от власти) не устраивали цзанского правителя. В результате хошоуты вошли в Цзан и осадили главный город Шигацзе. Шигацзе представлял собой мощную крепость, которую кочевники сразу взять не смогли; тогда они блокировали город и стали ждать, пока голод заставит защитников Шигацзе сдаться. Но и сами кочевники среди враждебного цзанского населения чувствовали себя не очень-то уютно. Ситуация сложилась довольно

неопределенная, и все зависело от того, кто из соперников получит помощь от тибетцев.

Далай-лама некоторое время колебался, вероятно, не решаясь открыто поддержать чужеземцев. Затем, осознав, что восстановить нарушенное равновесие сил уже нельзя, он призвал всех приверженцев Гелугпы оказывать помощь войскам хошоутов любыми способами: продовольствием, фуражом для лошадей, поставкой оружия и боеприпасов. Для скорейшего взятия Шигацзе была построена гигантская катапульта. Непосредственно в боевых действиях участвовали не только сторонники Гелугпы, но и приверженцы секты Нинмапа, которую Далай-ламе V удалось привлечь на свою сторону.

В начале 1642 г. Шигацзе был взят. Карма Тенкионг Ванпо был брошен в тюрьму; но затем, опасаясь, как бы свергнутый правитель не стал лидером оппозиции, Гуши-хан приказал утопить его.

После разгрома цзанского режима Гуши-хан пригласил Далай-ламу V в Цзан. В апреле 1642 г. в монастыре Ташилунпо была проведена торжественная церемония, на которой Гуши-хан объявил, что передает Далай-ламе V власть над всем Тибетом. Эта верховная власть понималась как власть духовная. Гуши-хан, объявив себя защитником буддийской веры, сохранил в своих руках военную власть. Хотя он удержал за собой Кукунор, но, как и опасался Далай-лама V, не ушел из Тибета: он поселился на равнине Дам, в восьми днях пути от Лхасы. Для непосредственного руководства административными делами Гуши-хан назначил специального чиновника, который выполнял функции премьер-министра и носил титул «дэсрид». Первым дэсридом был назначен ближайший помощник Далай-ламы V, Соднам Чоспел.

Таким образом, в 1642 г. в Тибете был установлен хошоутский протекторат (впервые после монгольского протектората и подчиненной ему теократии Сакьяпы). Формально хошоутский протекторат вполне укладывался в традиционную буддийскую схему «лама – милостынедатель» и именно так секта Гелугпа преподносила своему населению факт присутствия в стране чужеземцев. Несомненно, что подобное религиозное обоснование зависимости Тибета от иностранцев оказывало определенное влияние на массы верующих; в то же время ряд сект и принадлежащих к ним феодалов выступили против Гелугпы и хошоутов.

В этой связи присутствие хошоутских войск в Тибете объективно способствовало становлению нового теократического режима.

До появления хошоутов Тибет мог называться государством только условно: в стране существовало множество феодальных владений при отсутствии общепризнанной центральной власти. Династия Цзанба, при явном доминировании в стране, все же не контролировала всей территории (постоянная борьба с Гелугпой в Уе, наличие самостоятельных княжеств, вроде Бэри). Из-за длительной религиозно-политической борьбы и феодальной анархии хозяйственная жизнь страны была дезорганизована. Государство, по сути, нужно было создавать заново. Эту историческую миссию взял на себя Далай-лама V.

Несмотря на разгром цзанского правителя, в стране существовала серьезная оппозиция Гелугпе, и прежде всего – со стороны приверженцев Кармапы. Глава секты Чойинг Дордже организовал несколько крупных восстаний против новой власти, но благодаря помощи хошоутских войск Далай-лама V сумел подавить их. Чойинг Дордже бежал в Китай, и оппозиция, лишившись своего духовного лидера, распалась. Монастыри Кармапы и поддерживавших ее сект были преобразованы в монастыри Гелугпы, на светских оппозиционеров были наложены крупные штрафы.

Но Далай-ламе V явно не были присущи ни чувство мстительности, ни религиозный фанатизм: Чойинг Дордже был прощен и вернулся в Тибет; ни одна из оппозиционных сект не была запрещена. В то же время, являясь главой доминирующей секты (которая со временем стала отождествляться с тибетской церковью вообще), Далай-лама V был вынужден заботиться о развитии прежде всего собственной секты. До него главы Гелугпы считались просто перерожденцами предыдущих руководителей секты; но Далай-лама V впервые объявил себя (а следовательно, и всех бывших и будущих Далай-лам) перерождением бодхисаттвы Авалокитешвары (по-тибетски Ченрецзи). Своего духовного наставника Лоцзана Чосгьяна (1570–1663), настоятеля монастыря Ташилунпо, он объявил перерождением будды Ами-табы и даровал ему звание Панчен-лама («Великий учитель»). Эти нововведения были признаны всеми тибетскими сектами и населением тех стран, где распространился северный буддизм (ламаизм). Престиж Далай-ламы V повысился как внутри Тибета, так и за его пределами.

Поскольку Далай-лама V являлся религиозным главой Тибета, считалось, что ему не пристало лично заниматься сугубо мирскими делами, которые находились в ведении дэсрида. При жизни Далай-ламы V пост дэсрида (главного администратора) последовательно занимали пять чиновников, которых формально назначали хошоутские ханы. На самом же деле выбор подходящего человека оставался в руках Далай-ламы V; в отдельные периоды он сам, не избирая нового дэсрида, непосредственно управлял страной.

Внутренняя политика Далай-ламы V может быть охарактеризована как централизаторская. Он последовательно подчинял провинции и области Тибета центральной власти, не останавливаясь даже перед разрушением замков непокорных феодалов. Столицей страны была объявлена Лхаса, а свою резиденцию Далай-лама V решил построить в центре Лхасы, на том месте, где когда-то стоял дворец Сронцзана Гамбо. Постройку этого дворца, названного Потала, начали в 1645 году.

Значительным шагом на пути создания централизованного государства стало реформирование государственного аппарата. Далай-лама V ввел в действие разработанный им табель о рангах для чиновников и соответствовавшую каждому рангу форменную одежду национального образца. Под его руководством были основаны две академии: одна — для чиновников-монахов, другая — для светских чиновников. В обеих академиях, помимо религиозных и управленческих дисциплин, преподавались астрология, санскрит, основы стихосложения, а для светских чиновников дополнительно — стрельба из лука и верховая езда.

Наладив работу чиновничьего аппарата, Далай-лама V организовал перепись населения. На основе результатов переписи была введена новая налоговая система: уплата налогов стала обязательной для всех, и никто не мог от нее уклониться. Сведения о порядке сбора налогов и его размерах были зафиксированы в специальных книгах. Для развития сельского хозяйства Тибета глава государства всячески поощрял заселение пустовавших земель; там же строились новые монастыри, игравшие роль культурных и хозяйственных центров. Важным событием стало издание уголовного кодекса, содержавшего точные определения различных преступлений и соответствующих наказаний. Законы были

весьма суровы, но дороги Тибета стали безопаснее для купцов, и торговля возросла.

В Тибете постоянно строились новые монастыри Гелугпы и ремонтировались старые; в середине XVII в. в стране было 750 монастырей Гелугпы с 50 800 монахами. Полубожественный статус Далай-ламы V и огромное количество монастырей постепенно превратили Тибет в «святую землю», куда устремлялись тысячи паломников из стран Азии.

Внешняя политика Тибета в период правления Далай-ламы V была довольно четко ориентирована по сторонам света. Самым спокойным было северное направление: находившиеся к северу от Тибета Восточный Туркестан и Джунгарское ханство были отделены от Тибета горным хребтом Куэнь-лунь и пустынями Такла-макан и Цайдам. С Джунгарским ханством поддерживались отношения религиозного характера, а с мусульманским населением оазисов Восточного Туркестана имели место редкие торговые контакты. Известен лишь один случай косвенного вмешательства Далай-ламы V в религиозно-политическую борьбу, развернувшуюся в Восточном Туркестане в 70-х гг. XVII века. Далай-лама V попросил джунгарского хана Галдана помочь одной из мусульманских группировок, в результате чего Восточный Туркестан попал в зависимость от Джунгарского ханства.

В южном направлении Тибет действовал более активно: по отношению к пригималайским странам — Непалу, Сиккиму и Бутану — где население либо частично, либо полностью было буддийским, — Тибет выступал и как торговый партнер, и как крупнейший центр буддизма, и как союзник или враг в военных конфликтах. Отношения с Индией сводились в основном к редким посольствам и торговле.

Наиболее тесными были отношения Тибета с маленьким Сиккимом, который был номинальным вассалом Тибета. Отношения с Непалом сводились к взаимному паломничеству и торговле, пограничные конфликты случались редко. Наиболее сложными были тибето-бутанские отношения; на протяжении XVII в. между двумя странами произошли довольно серьезные столкновения, которые удалось прекратить лишь с помощью посредничества.

Во время одного из тибето-бутанских конфликтов на стороне Бутана выступило маленькое государство Ладак, распола-

гавшееся на западных рубежах Тибета. Тибетская армия разбила ладакцев, и в 1683 г. Ладак признал себя номинальным вассалом Тибета.

Особого внимания заслуживает «восточная» политика Далай-ламы V, которая включала в себя отношения с монголами и Китаем.

По отношению к монгольским странам, включая и Кукур-нор, Тибет выступал как центр буддизма, а Далай-лама V – как высший религиозный и моральный авторитет. Посещение тибетских святынь и лицезрение Далай-ламы было для верующего монгола тем же, чем для мусульманина – посещение Мекки. Это положение позволяло Далай-ламе V взять на себя роль арбитра в сложных или конфликтных ситуациях, периодически возникавших как в монгольских землях, так и на монгольских границах с Китаем. Посредническая и миротворческая политика Далай-ламы V в монгольских странах была выгодна монголам, так как позволяла им сохранить силы перед лицом постоянной китайской угрозы.

Влияние буддийской церкви на воинственных монгольских кочевников давно уже учитывалось в Китае; к тому же Тибет граничил непосредственно с китайскими провинциями Сычуань и Юньнань. Император Фу Линь (1644–1661) направил Далай-ламе V приглашение посетить Китай, и тибетский первосвященник, заинтересованный в сохранении религиозных контактов с монгольскими подданными Цинов, принял это приглашение. В 1652 г. Далай-лама V прибыл в Пекин, где ему был оказан пышный прием и вручена инвеститура в виде золотого альбома с титулом «Далай-лама, наблюдающий за буддийской верой на земле, великий благожелательный самосуществующий Будда Западного Рая» и соответствующей печати. Далай-лама V в свою очередь преподнес императору почетный титул и подарки.

С точки зрения Цинов, у империи появился новый вассал; с тибетской же точки зрения, между двумя правителями были установлены отношения «лама – милостынедатель». Визит Далай-ламы V в Китай по-разному оценивается историками: одни считают, что он признал себя вассалом цинского императора, другие полагают, что он продолжал считать себя независимым от Цинов правителем. Так или иначе, отношения двух стран были установлены, и до самой смерти Далай-ламы V они носили в

целом дружественный характер. Вопрос же о зависимости Тибета или его суверенности не ставился ни тибетской, ни китайской сторонами.

Вероятно, следует говорить о наличии двух подходов к тибето-китайским отношениям: тибетского («лама – милостынедатель»), когда отношения двух стран рассматривались в религиозных терминах, и китайского («сюзерен – вассал»), при котором отношения Китая и Тибета трактовались в чисто политическом смысле. Эти два подхода существовали как бы параллельно, без противоречий; на определенном этапе такое положение было выгодно обеим сторонам, так как позволяло решать многие проблемы мирным путем.

В 1682 г. Далай-лама V скончался. К моменту его смерти Тибет стал страной, покончившей с бесконечными религиозными войнами, феодальной анархией, неопределенностью во внешней политике. В стране сложился своеобразный феодально-теократический строй при формальном сохранении хошоутского протектората. Влияние хошоутов на внутреннюю и внешнюю политику Тибета было сведено к минимуму. Во всем этом была несомненная заслуга Далай-ламы V, которого тибетцы с полным основанием называли «Великим Пятым».

В последние три года жизни Далай-ламы V пост дэсрида (главного администратора) занимал Санчжай Чжамцо (1653–1705), выходец из тибетского аристократического рода. Он должен был сообщить тибетцам и иностранцам о кончине «Великого Пятого», после чего, по тибетской традиции, высшая церковная власть временно переходила к Панчен-ламе II, который должен был руководить отысканием перерожденца покойного Далай-ламы, его обучением и посвящением в монашеские стелени, назначить регента на период несовершеннолетия нового иерарха и т. д.

Однако дэсрид Санчжай Чжамцо пошел на беспрецедентный шаг: он скрыл смерть Далай-ламы V, не объявив о ней ни в Тибете, ни за его пределами. Вместо этого он заявил, что Далай-лама V решил стать отшельником, уединившись в особом помещении дворца Потала и погружившись в медитацию. Известие об этом не вызвало никакого удивления в Тибете, поскольку отшельничество практиковалось в стране на протяжении многих веков.

В то же время дэсрид не нарушил религиозной традиции Тибета: перерожденец покойного иерарха был соответствующим образом обнаружен в Монгюле. В 1688 г. ребенок был тайно перевезен в Нанкарцзе, где его обучением занялись специальные учителя, назначенные дэсридом. Будущий Далай-лама подрастал, и через несколько лет он должен был взойти на престол в Потале. Все 15 лет, прошедшие со дня кончины Далай-ламы V до момента интронизации Далай-ламы VI, дэсрид Санчжай Чжамцо правил страной от имени якобы здравствовавшего иерарха.

Ряд историков (особенно китайских) рассматривают Санчжай Чжамцо как беспринципного интригана, обманом удерживавшего верховную власть. Между тем сам дэсрид в одном из писем цинскому императору объяснял свое поведение желанием избежать беспорядков в стране, вполне вероятных в период междоусобия. Следует сказать, что Санчжай Чжамцо удалось сохранить в течение 15 лет мир и стабильность в Тибете; однако его внешняя политика была не столь удачной. В период его правления (от имени покойного Далай-ламы V) между Тибетом и Китаем произошло резкое обострение отношений.

Как уже говорилось, до самой смерти Далай-ламы V между лидерами Тибета и Китая не возникало серьезных разногласий. Что же изменилось после 1682 года? Прежде всего следует отметить, что с захватом в 1683 г. Тайваня завершилось завоевание маньчжурами Китая; теперь династия Цин могла начать широкую внешнюю экспансию. Речь шла о создании на рубежах Собственно Китая пояса буферных территорий, к числу которых должны были относиться Северная Монголия, Кукунор и – в более далекой перспективе – Тибет. Но и на первом этапе, до прямого захвата Тибета, эта страна уже играла значительную роль в великодержавных цинских планах. Тибетская буддийская церковь должна была помогать цинской монархии покорять, а затем удерживать под контролем монгольское население. Но, к неудовольствию цинских правителей, препятствиями на пути цинской экспансии явились собственные внешнеполитические устремления тибетских лидеров и военная активность джунгарского хана Галдана.

Галдан (1644–1697) был шестым сыном знаменитого джунгарского правителя Эрдэни Батура-хунтайчи. В возрасте шести лет Галдана отправили в Тибет для посвящения в монашество и обучения буддийской теологии. Однако ему пришлось отказаться от духовной карьеры в связи с династическими распрями в Джунгарии. Сняв духовный сан, Галдан вернулся на родину и стал ханом. Удачный набег джунгаров на Алашань, завоевание ими Восточного Туркестана и тесные связи с теократической верхушкой Тибета сделали Галдана Бошокту-хана заметной фигурой в Центральной Азии. Цины почувствовали в нем возможного конкурента, но до середины XVII в. джунгаро-китайские отношения имели мирный характер.

Непосредственным поводом для ухудшения джунгаро-цинских отношений стало стремление джунгарского хана Галдана и цинского императора Сюань Е подчинить себе Северную Монголию (Халху).

Ханства и княжества Северной Монголии к началу 80-х гг. XVII в. были практически независимы; влияние здесь цинского двора являлось довольно слабым (номинальный вассалитет). Начиная с 1661 г. в Северной Монголии развернулась борьба двух феодальных группировок, лидерами которых были Тушету-хан и Дзасакту-хан. Цинский император Сюань Е, считавший себя

вассалом халхасов, должен был выступить в качестве арбитра в этой междоусобице. Но вынесение решения в пользу одной из группировок неминуемо привело бы к недовольству и обиде другой группировки, что при слабости цинского влияния в Халхе могло привести к нежелательным последствиям. С целью выйти из этого щекотливого положения, император Сюань Е обратился в Лхасу с просьбой прислать специального представителя, который помог бы примирить халхаских феодалов.

После прибытия из Тибета посредника Галдана-ширету в 1686 г. был созван примирительный съезд в Хурин-Билчире, на котором враждовавшие феодалы пообещали прекратить усобицу. Но формальное примирение, достигнутое на съезде, оказалось непрочным, и вскоре вражда возобновилась. Кроме того, в халхаскую смуту вмешался хан Галдан, выступивший на стороне Дзасакту-хана и обвинивший Тушету-хана и его брата Чжэбцзун-Дамба-хутухту в «неуважении» к Далай-ламе.

Весной 1688 г. 30-тысячная джунгарская армия вторглась в Халху. Ополчение местных феодалов было полностью разгромлено джунгарами. В поисках спасения халхасы бросились на юг, во Внутреннюю Монголию, теряя во время бегства свои стада и другое имущество. Ханы и князья Халхи, будучи номинальными вассалами Цинов, надеялись получить от них помощь и защиту. Но цинские караулы не пропустили беженцев в Южную Монголию под тем предлогом, что они сначала должны стать подданными императора. Обсудив ситуацию, халхаские ханы, князья и тайчи, при полном одобрении своего первосвященника Чжэбцзун-Дамба-хутухты, решили просить о принятии в цинское подданство. Именно так, по мнению цинского императора, и должны были вести себя лидеры буддийской церкви – помогать Цином подчинять и контролировать монголов при помощи своего религиозного авторитета.

Получив официальную просьбу халхаских феодалов о принятии их в цинское подданство, император Сюань Е начиная с осени 1688 г. стал прилагать все усилия к тому, чтобы вынудить джунгаров уйти из Халхи. В этот период Цинская династия была отвлечена вооруженным конфликтом с русскими в Приамурье, поэтому не была заинтересована в войне с джунгарами. Сюань Е в своих письмах убеждал Галдана помириться с халхасами, и еще раз обратился в Лхасу с просьбой прислать посредника. Но

уже в начале 1690 г. отношение цинского двора к джунгарскому хану резко изменилось: Китай подписал с Россией Нерчинский договор 1689 г. о мире и мог сосредоточить все силы на монгольском направлении. К тому же в Китае стало известно о династическом перевороте, совершенном в Джунгарии племянником Галдана, Цэван-Рабданом.

В 1690 г. в Китай прибыл тибетский посредник Чжирун-хутухта, чьей задачей было примирить хана Галдана с халхасами. Однако император Сюань Е занял уже более жесткую позицию в отношении Галдана: он хотел либо его ухода из Халхи, либо подчинения Китаю, и миссия Чжирун-хутухты должна была развиваться в этом направлении. Не ставя в известность тибетского посредника относительно своих намерений, император Сюань Е в сентябре 1690 г. внезапно двинул свои войска на лагерь Галдана при Улан-Бутуне и разбил его. От полного разгрома Галдана спасла лишь уловка, подобная той, к какой прибегал и император: он отправил тибетского посредника с сообщением, что готов сдать-ся, а сам незаметно бежал из лагеря. Чжирун-хутухта в данном случае действовал лишь как посредник и мог даже не подозревать, что «покорность» Галдана — всего лишь уловка с целью выиграть время. Но бегство Галдана и его уцелевших воинов вызвало гнев императора не только в адрес ловкого джунгарского вождя, но и в адрес Чжирун-хутухты. Император прямо обвинил его в пособничестве Галдану, что бросало тень и на все тибетское руководство.

В июне 1691 г., сообщая Далай-ламе V о принятии халхасов в цинское подданство на Долоннорском съезде и поражении Галдана при Улан-Бутуне, император упомянул и о «подозрительном» поведении Чжирун-хутухты. Осенью того же года Сюань Е в очередном письме в Тибет выдвинул обвинение в стоворе между Галданом и некими неназванными лицами из тибетской администрации. С этого момента отношения двух стран стали ухудшаться.

С 1691 по 1695 г. хан Галдан и остатки его армии скитались на западе Халхи, не имея возможности вернуться на родину из-за происшедшего там государственного переворота. Император Сюань Е вел постоянную переписку с Галданом, убеждая его подчиниться Китаю. Для того чтобы повлиять на Галдана с помощью авторитета буддийской церкви, император направил в Тибет просьбу о приезде в Китай Панчен-ламы II. Но этот второй по

значению тибетский иерарх не приехал, что вызвало новые подозрения у Сюань Е. Получив сообщение от хошоутского Далай-хана, что поездке Панчен-ламы II в Китай воспрепятствовал Санчжай Чжамцо, император решил, что дэсрид находится в сговоре с Галданом, а Чжирун-хутухта действовал по его указке.

В июне 1696 г. произошло сражение между цинскими и джунгарскими войсками в местности Цзун-Мод. Джунгары были полностью разгромлены, несколько сот человек попало в плен, но Галдан Бошокту-хан с небольшим отрядом сумел скрыться. От пленных джунгаров император узнал, что Далай-лама V давно умер (в Тибете это перестало быть секретом с 1694 г., когда дэсрид провел официальный молебен в память покойного иерарха) и, следовательно, внешняя политика Тибета проводилась Санчжаем Чжамцо. В сентябре того же года император Сюань Е написал резкое письмо на имя Санчжая Чжамцо, прямо обвиняя его в сговоре с Галданом и в проведении антикитайской политики. В письме содержалась угроза направить цинские войска в Тибет.

На сколько обоснованными были цинские обвинения в адрес тибетских властей? Стремление Галдана воссоздать монгольскую империю, включавшую в себя Джунгарию, Восточный Туркестан, Халху и, возможно, Южную Монголию, без сомнения, было бы выгодно тибетской церкви, поскольку во главе этой гипотетической буддийской империи стоял бы человек, тесно связанный с Лхасой – «милостынедатель» и «опора Учения». Но никаких реальных фактов, подтверждавших единство действий Галдана и Санчжая Чжамцо, император привести не мог. Его обвинение в «подрывных» действиях Чжирун-хутухты не выдерживает критики: тибетский посредник действовал как добросовестный и нейтральный арбитр, а не как подданный или слуга императора. Другое обвинение сводилось к тому, что, скрыв факт смерти Далай-ламы V, Санчжай Чжамцо нарушил церковные традиции и узурпировал власть. Император Сюань Е, понимая, что его претензии на сюзеренитет по отношению к Тибету весьма шатки, предпочел встать в позу оскорбленного «милостынедателя», «защитника буддизма».

В ответном письме дэсрид отверг все предъявленные ему обвинения и заявил, что не предпринимал никаких антицинских действий.

В начале 1697 г. перерожденец Далай-ламы V был интронизирован в Потале как Далай-лама VI Цаньян Чжамцо (1682–1706). Официальные извещения о смерти Далай-ламы V и интронизации нового иерарха были направлены во все монгольские земли и в Китай.

В мае того же года император Сюань Е получил сообщение о самоубийстве Галдана, и напряженность в тибето-китайских отношениях сразу же ослабела. Цинским правителям нужно было поставить под контроль Северную Монголию, а на очереди был Кукунор. Все это требовало значительных усилий, расходов и времени. Поэтому неприятный период в отношениях двух стран был «забыт». Император послал в Тибет диплом и печать для Далай-ламы VI, а также богатые подарки.

События, связанные с присоединением Северной Монголии к империи Цин, заставили императора сделать два вывода относительно буддизма: о желательности установления контроля над тибетской церковью (что предполагало установление контроля над самим Тибетом) и о необходимости создания местных буддийских церквей, контролируемых не Лхасой, а Пекином.

К моменту вхождения в состав империи Северная Монголия имела свою церковную организацию, во главе которой стоял Чжэбцун Дамба-хутухта. На Долоннорском съезде 1691 г. цинские власти подтвердили его права как главы церкви в Халхе. Его резиденцией стал монастырский комплекс Их Хурэ (в районе нынешнего Улан-Батора). В Южной Монголии особой церковной организации не было, поэтому император Сюань Е объявил на Долоннорском съезде, что управление южномонгольским духовенством поручается Чжанчжа-хутухте I. Он заслужил доверие императора своим участием в примирительном съезде 1686 г. и особенно тем, что сумел склонить кукунорских князей к принятию цинского подданства. Летней резиденцией Чжанчжа-хутухты стал монастырь Шара-сумэ в Долонноре, зимней – монастырь Юнхэгун в Пекине.

Итак, одна из поставленных задач была успешно решена. На выполнение же другой задачи – подчинение тибетской буддийской церкви – у династии Цин ушло не одно десятилетие. На какое-то время внешняя угроза Тибету была снята.

Но в самом Тибете было не все спокойно. В конце XVII – начале XVIII в. начинает постепенно усиливаться внутренняя на-

пряженность в тибетском обществе, связанная с личностью Далай-ламы VI. Его образ жизни весьма расходился с нормами поведения, обязательными для духовенства: он хорошо ездил верхом, метко стрелял из лука, любил стихи и песни и сам сочинял лирические стихотворения, увлекался спиртными напитками и женщинами. Такие качества характера и привычки для светского аристократа были бы вполне приемлемы, но от церковного иерарха требовался иной стиль поведения. Некоторые историки объясняют поведение Далай-ламы VI тем, что, будучи некоторое время «тайным» Далай-ламой, он избежал строгого и сурового монастырского воспитания, положенного будущему понтифику. Увещевания дэсрида и Панчен-ламы II на него не действовали, и в 1702 г. он официально снял с себя монашеский сан. При этом в глазах верующих он продолжал оставаться Далай-ламой, так как независимо от наличия духовного сана он являлся перерожденцем всех прежних Далай-лам и сохранял в себе часть божественной природы бодхисаттвы Авалокитешвары.

Однако политические последствия отказа Далай-ламы VI от монашества были для Тибета крайне негативны. В 1703 г. правителем тибетских хошоутов стал Лхавзан-хан, вокруг которого сгруппировались противники дэсрида Санчжая Чжамцо и Далай-ламы VI, которого считали ставленником дэсрида. Оппозиция стала открыто возмущаться поведением Далай-ламы VI, и дэсриду пришлось уйти в отставку, передав свой пост своему сыну Нгавану Ринчену.

В 1704 г. обострилась борьба за власть между группировкой экс-дэсрида Санчжая Чжамцо (к которой, хотел он того или нет, относили и Далай-ламу VI) и группировкой Лхавзан-хана. Фактически решался вопрос: кто будет править страной – тибетцы или хошоуты; но формально разногласия двух группировок сводились к выяснению «истинности» или «неистинности» Цаньяна Чжамцо как прерожденца Далай-ламы V.

Противостояние двух группировок было чревато серьезными междоусобицами в стране. В начале 1705 г. в Лхасе собралось совещание высших иерархов Тибета, решивших положить конец затянувшемуся конфликту между Санчжаем Чжамцо и Лхавзаном. На совещании явно преобладали сторонники Санчжая Чжамцо и те лица, которым не нравились нападки Лхавзан-хана на поведение Далай-ламы VI. Совещание постановило предъявить ульти-

матум Лхавзану: он должен был уйти в Кукунор к своим соплеменникам-хошоутам и оттуда осуществлять свои функции «милостынедателя». Хошоутский хан, не располагавший в тот момент достаточными силами для сопротивления, сделал вид, что подчиняется этому решению. Однако, не дойдя до Кукунора, Лхавзан собрал хошоутскую армию и вернулся в Центральный Тибет. Близ Лхасы произошло сражение между хошоутскими войсками и тибетским ополчением, спешно собранным бывшим дэсридом. Тибетцы были разбиты, потеряв убитыми 400 человек. Санчжай Чжамцо, получив гарантию личной безопасности, капитулировал. Он должен был выехать в фамильное поместье, но по пути туда был схвачен хошоутами и казнен. Население Тибета сожалело о гибели дэсрида и обвиняло Лхавзан-хана в нарушении данного Санчжаю Чжамцо обещания.

Так закончилось правление дэсрида Санчжая Чжамцо, одного из интереснейших деятелей Тибета конца XVII – начала XVIII века. Санчжай Чжамцо в основном продолжал и развивал те же тенденции во внутренней и внешней политике Тибета, которые были намечены «Великим Пятым». За время его пребывания на посту дэсрида отношения между Тибетом и Китаем претерпели определенные изменения, причем в худшую сторону. Серьезной ошибкой дэсрида было сокрытие смерти Далай-ламы V, что позволило цинскому императору критиковать Санчжая Чжамцо с ортодоксально-религиозных позиций.

К просчетам политики дэсрида следует отнести и недооценку степени хошоутского могущества в Тибете. Начавшееся во времена «Великого Пятого» оттеснение хошоутских ханов от власти создало иллюзию ослабления хошоутского протектората в Тибете. Однако военные возможности хошоутов были все же более значительными, нежели у тибетцев, что и доказала гибель Санчжая Чжамцо.

Л Х А В З А Н – Х А Н

Гибель Санчжая Чжамцо привела к восстановлению хошоутской власти в Тибете. Хошоутский протекторат над Тибетом был установлен во времена Гуши-хана. После смерти Гуши-хана в 1655 г. его 10 сыновей разделили между собой захваченные хошоутами территории: 9 сыновей во главе с Даши-Батуром стали владеть Кукунором, а Тибет достался Даяну Очир-хану (1658–1668), которому наследовал его старший сын Далай-хан Ратна (1671–1701). Разделение хошоутских феодалов на две ветви – кукунорскую и тибетскую – привело к определенному обособлению этих линий, однако полного разрыва не произошло. Тибетские ханы рассматривали Кукунор как территорию, откуда могла поступать военная помощь и где можно было найти убежище на случаи неурядиц в Тибете. С другой стороны, кукунорские феодалы, связанные с тибетскими хошоутами родством, полагали, что Тибет должен оставаться под хошоутским протекторатом даже в случае пресечения династии тибетских ханов, поскольку это обеспечивало хошоутам особое место в монгольском мире.

Присутствие хошоутов в Тибете обосновывалось буддийской формулой «лама – милостынедатель», но на практике страна попала в зависимость от чужеземцев. Однако такой тонкий политик, каким был Далай-лама V, сумел постепенно свести к нулю влияние хошоутских ханов на тибетскую администрацию, и два преемника Гуши-хана не оставили заметного следа в тибетской истории.

Отношения тибетских ханов с Китаем могут быть охарактеризованы как отношения номинального вассалитета. До конца XVII в. хошоутские ханы приравнивались Цинами к другим тибетским «вассалам» (Далай-ламе, Панчен-ламе), но никогда не рассматривались как самостоятельные правители страны. С другой стороны, тибетские хошоуты расценивали пожалованные им из Пекина звания и печати не как инвеституру, а скорее как обмен дипломатическими любезностями.

В 1701 г. умер хошоутский Далай-хан Ратна, и на престол вступил его старший сын Даньцзинь-Ванчжал. Правление его было недолгим; он, в отличие от своего младшего брата Лхавзана, был равнодушен к политике и ничем особенным себя не проявил. Даньцзинь-Ванчжал умер в 1703 г. (по словам тибетского

хрониста, «был убит ядом»²), и пост главы тибетских хошоутов занял его брат Лхавзан. Именно Лхавзану, властному и честолюбивому человеку, была выгодна смерть Даныцзинь-Ванчжала.

В 1704–1705 гг. развернулась ожесточенная борьба за власть в Тибете между Лхавзан-ханом и его единомышленниками, с одной стороны, и группировкой Санчжая Чжамцо, с другой. Борьба закончилась поражением и гибелью экс-дэсрида, в результате чего Лхавзан остался единственным правителем страны. Однако он не мог чувствовать себя спокойно до тех пор, пока был жив воспитанник покойного Санчжая Чжамцо, Далай-лама VI. Хотел того Цаньян Чжамцо или нет, но он оставался в глазах верующих законным Далай-ламой VI и главой антилхавзановской группировки.

Неподчинение Лхавзан-хана решению высшего духовенства Тибета о высылке его в Кукунон и коварное убийство Санчжая Чжамцо вызвали неприязнь к нему в монастырях Гелутпы. Путем щедрых подарков Лхавзан смог заручиться расположением Панчен-ламы II, но три великих монастыря Гелутпы сохраняли скрытую враждебность к новому правителю.

В этих условиях Лхавзан-хан решил заручиться поддержкой за пределами Тибета: помня о той неприязни, которую проявлял император Сюань Е к «изменнику» Санчжаю Чжамцо, он сообщил в Пекин о событиях, происшедших в Тибете, особо акцентировав внимание на «неистинности» Далай-ламы VI. Цинский двор получил желанную возможность вмешаться во внутренние дела Тибета. В Тибет были направлены цинские представители – генерал Си Чжу и канцлер Шу Лань, доставившие Лхавзан-хану почетный титул «Поддерживающий Учение, послушный хан». В императорском послании рекомендовалось сместить Далай-ламу с его поста и выслать в Пекин.

Лхавзан-хан, опасаясь негативной реакции духовенства, не решился действовать столь прямолинейно. Весной 1706 г. он собрал совещание, на котором присутствовали высшие священнослужители и аристократы, и потребовал решить вопрос о том, является ли Далай-лама VI истинным перерожденцем Далай-ламы V. Совещание приняло половинчатое решение: с одной сторо-

² Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета. Новосибирск, 1991. С. 49.

ны, Цаньян Чжамцо был признан истинным перерожденцем; с другой стороны, его разгульный образ жизни свидетельствовал, по мнению иерархов, что он утратил «дух просветления» («бодхи»).

Хотя предложений о смещении Далай-ламы VI на совещании не было сделано, Лхавзан решил выполнить рекомендации императора Сюань Е. Он поместил Далай-ламу VI под домашний арест в пригороде Лхасы; горожане, в знак протеста, закрыли все лавки в столице. 27 июня 1706 г. китайский посол Си Чжу передал Далай-ламе VI императорский приказ прибыть в Пекин, и в тот же день иерарх, охраняемый хошоутами, двинулся в путь. Большая толпа тибетцев сопровождала изгнанника, несмотря на все старания охраны отогнать их. Когда отряд проходил мимо монастыря Дрепунг, множество монахов, вооруженных палками и камнями, напали на хошоутскую охрану и отбили Цаньяна Чжамцо. Через день войска Лхавзана окружили монастырь и открыли по нему артиллерийский огонь. Цаньян Чжамцо, опасаясь неизбежного кровопролития, добровольно сдался хошоутам, и отряд продолжил свой путь.

14 ноября 1706 г. Далай-лама VI умер в дороге, на границе между Тибетом и Кукунором. По официальной версии, смерть наступила от водянки, но тибетцы резонно полагали, что свергнувший иерарх был отравлен.

После устранения Далай-дамы VI Лхавзан-хан всенародно объявил, что Цаньян Чжамцо не был истинным перерожденцем Далай-ламы V и что должен быть найден настоящий преемник. Этим преемником стал молодой монах из медицинского центра Чагпори, по имени Бадкар Цзинба, который был в 1707 г. интронизирован в качестве Далай-ламы VI Нгагбана Ешея Чжамцо. Активное участие в утверждении кандидатуры нового Далай-ламы и его интронизации принял Панчен-лама II, которого Лхавзан-хан подкупил богатыми земельными пожалованиями. Но широкие слои тибетского населения — и монахи и миряне — рассматривали нового иерарха как марионетку хошоутского хана и китайского императора и не испытывали перед ним благоговения.

Тибетские события вызвали негодование в Кукуноре, где местные князья считали, что хошоутский протекторат является общим делом всех потомков Гуши-хана. О своем возмущении действиями Лхавзана кукунорские князья сообщили в Пекин, поставив тем самым императора в трудное положение, так как он уже одобрил и санкционировал сделанное Лхавзан-ханом. Сюань Е, не желая вы-

зывать недовольство ни той, ни другой стороны, решил опереться на мнение Панчен-ламы II, который уже признал Бадкара Цзинбу «истинным» перерожденцем «Великого Пятого». Но стовор Лхавзан-хана с Панчен-ламой II был совершенно явным, и недовольство кукунорских князей сохранилось. Это хорошо понимали и при цинском дворе, и потому момент был сочтен подходящим для усиления китайского влияния в Тибете. Полагая, что Лхавзан-хан обеспокоен как внутренним брожением в стране, так и враждебностью кукунорцев, император Сюань Е направил в 1708 г. в Тибет чиновника Хэ Шоу, получившего титул «администратора по делам Тибета».

В том же году в Литане родился мальчик, в котором ламы местного монастыря признали перерожденца покойного Далай-ламы VI Цаньяна Чжамцо. Когда новость достигла ушей Лхавзан-хана, он был вынужден направить специальную комиссию для выяснения вопроса о литанском ребенке. Вернувшись, ламы заявили, что не имеется твердых доказательств, что литанский ребенок — перерожденец. Тем не менее слухи расходились по Тибету и монгольским землям как круги по воде, и положение Лхавзана становилось сомнительным.

Император Сюань Е, знавший о тибетских событиях, не спешил официально признавать марионеточного Далай-ламу Бадкара Цзинбу. Направив в Тибет своего чиновника Хэ Шоу, император сделал первую попытку поставить под свой контроль не тибетскую церковь, а непосредственно Тибет; фактически, это была попытка установить в Тибете китайский протекторат вместо хошоутского. Однако Сюань Е переоценил слабость Лхавзана: не пользуясь любовью народа и не сумев поладить со всей верхушкой Гелугпы, Лхавзан в то же время сумел склонить на свою сторону часть тибетских аристократов и часть духовенства во главе с Панчен-ламой II. С помощью армии он мог контролировать всю страну, в то время как прибывший из Китая Хэ Шоу не мог опереться на военную силу и был полностью зависим от доброй воли Лхавзана. Убедившись, что установить мирным путем контроль над Тибетом не удастся и что китайский резидент не играет в стране никакой роли, император Сюань Е в апреле 1710 г. отозвал своего представителя. Одновременно он послал инвестицию марионеточному Далай-ламе.

Видя, что, вопреки своему титулу, Лхавзан не такой уж «послушный хан», да к тому же не пользуется популярностью в Тибете, император Сюань Е решил сделать ставку на Панчен-

ламу II — человека, который казался более «покладистым» и в то же время пользовался несомненным влиянием среди верующих. Ему был пожалован почетный титул «Панчен Эрдэни» и инвеститура. Это событие стало началом долгосрочного курса Пекина на создание двух центров религиозной власти в Тибете, которые должны были взаимно ослаблять друг друга и тем самым способствовать усилению там цинского влияния.

Ситуация в Тибете после отъезда имперского эмиссара Хэ Шоу внешне выглядела вполне спокойной. Тем не менее факт одновременного существования двух Далай-лам — религиозный курьез, невиданный прежде в Тибете, — порождал беспокойство и в Лхасе, и в провинциях. В 1714 г. Лхавзан-хан послал в Литан своих людей для убийства предполагаемого перерожденца, но родители ребенка, заранее извещенные о грозившей опасности, сумели перебраться в Кукунор.

Съезд кукунорских князей, собравшихся по этому поводу, решил оказать защиту перерожденцу и обратился в Пекин с просьбой об официальном признании его как кандидата в Далай-ламы. Император оказался в затруднительном положении, так как он уже официально признал Далай-ламой Бадкара Цзинбу. После довольно напряженной переписки было решено, что резиденцией малолетнего перерожденца станет монастырь Гумбум, где он и поселился со своей семьей в августе 1715 года. Таким образом, будущий Далай-лама остался на цинской территории (в Кукуноре), не имея официального статуса и находясь на положении почетного пленника. Он прибрегался и кукунорскими хошоутами, и Цинами как козырь в большой игре, ставкой в которой было господство в Тибете.

Правление Лхавзан-хана в Тибете не было ознаменовано какими-либо крупными событиями. Лхавзану не удалось наладить дружественных отношений с великими монастырями Гелугпы, которые не простили ему ни убийства Санчжая Чжамцо, ни высылки и отравления Далай-ламы VI. Еще более раздражало буддийских священнослужителей хорошее отношение правителя к католическим миссионерам, прибывшим в начале XVIII в. в Тибет. Лхавзану удалось лишь обеспечить поддержку Панчен-ламы II и тибетских аристократов, по отношению к которым он проявлял большую щедрость.

Внешняя политика Лхавзан-хана была довольно пассивной: если не считать тибето-бутанской войны 1714 г., Тибет сохранял добрые отношения с соседними странами. Отношения с Цинс-

кой империей были внешне нормальными: император Сюань Е посылал милостивые указы своим тибетским «вассалам», а Лхавзан отправлял в Пекин посольства с подарками («данью»). Тем не менее после провала китайской попытки поставить в Тибете своего резидента (1708–1710) и цинский император, и хошоутский хан проявляли определенную настороженность.

Особое место во внешней политике Тибета занимали отношения с Джунгарским ханством. Между правящими домами Тибета и Джунгарии существовало родство, а в 1714 г. джунгарский хан Цэван-Рабдан (1697–1727) предложил еще более укрепить междинастические связи, женив Галдан-Даньцзиня, старшего сына Лхавзана, на Бойталак, своей дочери. Лхавзан-хан колебался, опасаясь, очевидно, негативной реакции Пекина на этот брак, поскольку отношения Цинской империи и Джунгарского ханства вновь стали очень напряженными. С другой стороны, Лхавзан-хан был заинтересован в союзнике на тот случай, если бы Цины решились силой овладеть Тибетом. Наконец, Лхавзан согласился, и Галдан-Даньцзинь отправился в Или к своей невесте.

Примерно в это же время руководство великих монастырей Гелугпы тайно обратилось к джунгарскому правителю с просьбой о «защите религии», то есть об отправке войск в Тибет с целью свержения Лхавзана. Поводов для этого, по мнению оппозиции, было более чем достаточно: насилие в отношении Санчжая Чжамцо и Далай-ламы VI, интронизация «фальшивого» Далай-ламы, преследование литанского перерожденца и, вероятно, симпатии к христианству. Осторожные тибетские хронисты пишут, что Лхавзан-хан «совершил нечто неверное в отношении установившейся системы взглядов»³.

Таким образом, Цэван-Рабдан должен был стать новым Гуши-ханом, «спасителем» буддийской церкви от узурпатора Лхавзана, человеком, который восстановил бы на троне в Потале законного Далай-ламу. Неизвестно, насколько искренним был Цэван-Рабдан, предлагая Лхавзану устроить брак их детей; но в любом случае возможность захватить Тибет перевесила все остальные соображения. Галдан-Даньцзинь, прибывший в ставку джунгарского хана, был арестован и казнен по вымышленному обвинению, причем Лхавзан оставался в неведении насчет этого события.

³ Пагсам-джонсан. С. 49.

Военная экспедиция в Тибет готовилась очень тщательно. В связи с тем, что в 1715 г. вспыхнула джунгаро-китайская война в районе Хами-Турфан, джунгарский правитель не мог послать для борьбы с Лхавзаном большое число войск, но он сделал все возможное для успеха этого похода. Войска, предназначенные для тибетского похода, были разделены на два отряда: один отряд должен был пойти обычной и знакомой дорогой из Джунгарии в Кукунор, захватить в Гумбуме малолетнего перерожденца и доставить его в Тибет. Другой джунгарский отряд (численностью в 6 тыс. человек) под командованием Цэрэн-Дондоба должен был пройти трудным и малоизвестным путем через Восточный Туркестан и далее через хребет Куэнь-Лунь и появиться в Северо-Западном Тибете. В Джунгарию в качестве проводников прибыли из Тибета несколько молодых монахов, которые должны были облегчить джунгарам тяжелейший путь.

В ходе экспедиции джунгары активно применяли дезинформацию противника, прикидываясь то союзными тибетцам войска-ми, то почетным эскортом, якобы сопровождавшим молодоженов. Когда же обман был раскрыт, джунгары уже далеко продвинулись в направлении Центрального Тибета. Теперь они открыто заявили, что прибыли в Тибет не как захватчики, а лишь с целью отомстить за убийство Санчжая Чжамцо и Далай-ламы VI, сместить незаконного Далай-ламу и возвести на трон литанского перерожденца. Эта пропаганда имела большой успех среди тибетского населения.

Лхавзан-хан не мог ожидать помощи даже от своих сородичей из Кукунора; ему оставалось надеяться лишь на свою армию, наиболее боеспособной частью которой были хошоутские конники. Сам Лхавзан, будучи храбрым человеком, талантом полководца явно не обладал, и потому допустил несколько серьезных просчетов, позволивших джунгарам взять инициативу в свои руки. Следует отметить и деморализующее влияние джунгарской пропаганды, которая активно поддерживалась и распространялась ламами. В результате тибетская пехота сражалась вяло, а хошоутская конница Лхавзана оказалась слабее, чем конница джунгаров. Несмотря на дельные советы, полученные Лхавзан-ханом от командующего тибетской пехотой, аристократа Полханаса, хан решил отвести всю армию в Лхасу, защищенную глубокими рвами и каменными стенами. В то же время Лхавзан обратился с просьбой о посредничестве к Панчен-ламе II, надеясь прийти к мирному соглашению; но старания

иерарха помирить Лхавзан-хана и Цэрэн-Дондоба успеха не имели. В начале ноября 1717 г. тибетские войска отошли к Лхасе.

Джунгарские войска некоторое время оставались на равнине Дам, ожидая прибытия в Тибет другого отряда, отправленного для захвата и доставки в Лхасу литанского перерожденца; но этот отряд был остановлен на подступах к Кукунору и свою задачу не выполнил. Получив известие о поражении второго джунгарского отряда, Цэрэн-Дондоб решил скрыть этот факт как от собственных воинов, так и от тибетцев, поскольку именно восстановлением на троне «истинного» Далай-ламы оправдывалось, с точки зрения тибетцев, появление в стране джунгарских войск. Он заявил, что Далай-лама VII освобожден и вскоре будет доставлен в Тибет. После этого джунгарское войско двинулось к Лхасе, куда и прибыло к концу ноября.

Тибетские войска, собранные в столице, подвергались постоянной проджунгарской пропаганде, исходившей из окрестных монастырей Сэра, Галдан и Дрепунг, что привело к их полной деморализации. Боевой дух сохраняли лишь хошоуты, связанные с Лхавзаном племенной общностью, но их было слишком мало для обороны столицы. В связи с этим командующий пехотой Полханас посоветовал хану уйти через Кам в Кукунор и вернуться с китайской армией. На это Лхавзан не согласился (возможно, опасаясь враждебно настроенных к нему кукунорских князей), но отправил в Китай послание, в котором просил цинского императора о военной помощи.

Современная тибетская религиозная эмиграция пытается истолковать обращение Лхавзан-хана к императору Сюань Е в духе отношений «лама – милостынедатель». Но, как уже говорилось, духовенство Гелутты считало «милостынедателем» джунгарского хана Цэван-Рабдана, и именно его просило о «защите религии» от Лхавзана. Лхавзан, будучи мирянином, никак не мог представлять тибетскую церковь и обращаться от ее имени. Его письмо к цинскому императору – это обращение вассала к сюзерену, что представляло Пекину исключительно удобный случай для захвата Тибета.

Появление джунгаров близ Лхасы вызвало взрыв энтузиазма у местных монахов: они радостно приветствовали чужеземцев, несли им еду, оружие и снаряжение, а молодые монахи во множестве присоединялись к джунгарской армии, существенно увеличив ее численность. Джунгары окружили Лхасу, установи-

ли связь со своими сторонниками внутри города, и 30 ноября 1717 г. начали штурм столицы. Изменники внутри города открыли северные и восточные ворота, спустили со стен лестницы, и джунгары, сломив сопротивление защитников, овладели Лхасой. Город подвергся безжалостному трехдневному грабежу.

Лхавзан-хан с семьей и несколькими придворными укрылся в Потале, резиденции Далай-лам. Панчен-лама II вновь выступил как посредник и попытался спасти жизнь хана, но джунгары требовали капитуляции без всяких условий и личного прихода хана к Цэрэн-Дондобу. Тогда был разработан план побега: Лхавзан-хан с двумя офицерами должен был бежать в одну сторону, его сын Сурчжа – в другую; жена хана и его малолетний сын Цэбдан, которые не могли участвовать в побеге, были оставлены в Потале. Лхавзану и его спутникам не удалось уйти далеко: они были настигнуты джунгарами и все погибли в бою.

Сын Лхавзана Сурчжа и двое придворных сумели прорваться на северо-восток, в Кийд-сод. Там они попросили убежища у местного губернатора Да-цзебы, однако тот, надеясь на награду, выдал их джунгарам.

Джунгары штурмом захватили Поталу, арестовали жену хана и его сына и разграбили дворец. Панчен-лама II пытался убедить джунгарского полководца освободить если не князя Сурчжу, то хотя бы вдову хана с младенцем, но добился лишь того, что всем им была сохранена жизнь. Семью Лхавзана под сильной охраной переправили в Джунгарию, где она и оставалась несколько десятилетий.

Таким образом, джунгарское нашествие положило конец хошоутскому протекторату в Тибете. Пренебрежение церковными традициями в теократическом государстве дорого обошлось Лхавзану: духовенство Гелугпы фактически отвергло его в качестве «милостынедателя» и обратилось за помощью к Цэван-Рабдану, точно так же, как в первой половине XVII в. оно обратилось за помощью к предку Лхавзана Гуши-хану. Не пользуясь популярностью среди тибетского населения, Лхавзан-хан вынужден был искать поддержки за рубежом, чем немедленно воспользовался цинский двор. Хотя попытки Цинов поставить под контроль тибетские церкви и государство были при жизни Лхавзана неудачны, они ознаменовали собой начало нового этапа тибето-китайских отношений – этапа открытого китайского вмешательства во внутренние дела Тибета.

КАНЧЕННАС

После разгрома тибетских хошоутов и убийства Лхавзан-хана джунгары должны были завершить «войну за веру» смещением «ложного» Далай-ламы и интронизацией «истинного». Марионеточный Далай-лама Бадкар Цзинба был смещен с престола и возвращен в монастырь Чагпори, где он обитал прежде. Но главного требования тибетцев – водворения в Потале «законного» Далай-ламы – джунгары выполнить не могли, поскольку кукунорский претендент оставался для них недоступен. Разумеется, джунгары могли править страной при помощи оружия, так как в Тибете не было серьезной военной силы, способной противостоят им, но в случае вмешательства Китая настроение местного населения могло сыграть решающую роль.

В связи с этим джунгары решили продемонстрировать тибетцам свою религиозность: ряд монастырей сект Нинмапа и Кармапа были либо разрушены, либо переделаны в монастыри Гелугпы; были убиты крупные священнослужители этих сект. Однако меры, предпринятые джунгарами для ослабления неортодоксальных сект буддизма, имели двоякий эффект: высшее духовенство Гелугпы было, несомненно, удовлетворено; но среди простых тибетцев, мало разбиравшихся в тонкостях теологии и одинаково почитавших всех лам, возникло серьезное недовольство. Враждебность населения возрастала и в связи с грабежами и насилиями, чинимыми джунгарами: кочевники, не уверенные в прочности своего положения в Тибете, часто вели себя не как освободители, а как оккупанты.

Наиболее враждебно отнеслось к джунгарам население Западного Тибета, где сохранились пограничные войска прежнего режима и чиновники, назначенные еще Лхавзан-ханом. Здесь сопротивление захватчикам возглавил Канченнас, губернатор провинции Нгари. Даже после падения хошоутского режима и гибели Лхавзан-хана Канченнас продолжал оставаться на посту губернатора: вероятно, новые правители не хотели раздражать население Нгари назначением нового чиновника из Лхасы. Но если джунгары рассчитывали, что Канченнас, оставленный во главе провинции, будет вести себя лояльно по отношению к новой власти, то вскоре им пришлось разочароваться: Канчен-

нас четко определил свою позицию, когда напал на джунгарский отряд, конвоировавший в Джунгарию бывших чиновников Лхавзана, и уничтожил его. С этого времени путь, ведущий из Нгари на север, стал для джунгаров небезопасным: и отдельные гонцы, и небольшие джунгарские отряды, посылавшиеся в Тибет из Джунгарии, попадали в руки Канченнаса.

Действия Канченнаса, наносившие серьезный урон захватчикам, все же не могли привести к освобождению страны: и сам Канченнас, и другие антиджунгарски настроенные тибетцы главные надежды возлагали на помощь Цинской империи.

Император Сюань Е получил письмо Лхавзан-хана с просьбой о помощи в марте 1718 года. Незамедлительно началось формирование экспедиционной армии, которая была вскоре двинута в Тибет и осенью того же года достигла р. Нагчу. Однако командующие этой армии, Эрентай и Церен, не учли настроений тибетского населения: тибетцы в тот момент еще верили в освободительную миссию джунгаров, китайцы же воспринимались как незваные гости. После нескольких сражений китайская армия попала в ловушку, была окружена и в конечном счете уничтожена.

Разгром экспедиционной армии вызвал разногласия при цинском дворе. Часть придворных советовала императору Сюань Е не посылать более войска в Тибет. Однако император, не собиравшийся оставлять Тибет в руках Цэван-Рабдана, решил в очередной раз разыграть «буддийскую карту». Заняв привычную позу «защитника буддизма», он, действуя через монгольского иерарха Чжэбцзун-Дамба-хутухту, потребовал от джунгарского хана объяснения: на каком основании джунгары бесчинствуют в Тибете? Цэван-Рабдан, претендовавший, в свою очередь, на роль защитника религии, осенью 1716 г. сообщил в Пекин свою версию событий. Он объяснял вторжение своих войск в Тибет преступлениями, совершенными Лхавзан-ханом против религии и церкви, которые требовали соответствующего наказания.

В Пекине решили подыграть джунгарскому правителю: его объяснения были приняты к сведению, а в Тибет была направлена представительная делегация, которая должна была разведать обстановку в стране, настроение населения и попытаться убедить джунгарского командующего увести свои войска из страны. В состав делегации вошли не только цинские чиновники, но

и представители перерожденца из Гумбума, что, с точки зрения буддистов, придавало этой миссии особую значимость. Делегация вступила в контакт не только с джунгарами, но и с тибетским марионеточным правительством, назначенным Цэрэн-Дондобом, с высшим духовенством главных монастырей Гелугпы и т. д. Результатом цинской миссии, побывавшей в Тибете в конце 1718 – начале 1719 г., было выяснение двух важных вопросов: 1) джунгары не намерены добровольно покинуть Тибет; 2) все тибетцы – и настроенные проджунгарски, и антиджунгарски – признают гумбумского претендента своим законным духовным лидером.

Исходя из результатов миссии, император Сюань Е начал планировать свою политику в отношении Тибета. В своем эдикте от 7 ноября 1719 г., обращаясь к цинским сановникам, император сообщил о результатах миссии и приказал, чтобы гумбумскому претенденту были вручены диплом на имя Далай-ламы и соответствующая печать; в будущем же году его следовало переправить в Тибет для занятия трона. Далее в эдикте приказывалось собрать князей Кукунора для извещения о решении императора доставить Далай-ламу в Тибет, а также выяснить, желают ли они принять участие в тибетском походе.

27 апреля 1720 г. первый сын императора, принц Юн Ли, вручил новому Далай-ламе золотой диплом и печать, на которой была вырезана надпись: «Печать Далай-ламы VI, лидера всего сущего, распространителя Учения». Пекинский двор проигнорировал то обстоятельство, что порядковый номер «Шестой» носили Цаньян Чжамцо и ставленник Лхавзан-хана; было очевидно, что Цины поставили крест на живом еще Бадкаре Цзинбе, официально признанном Пекином в 1710 году.

Съезд кукунорских князей полностью одобрил императорское решение и обратился в Пекин с просьбой о позволении хошоутам сопровождать Далай-ламу в Тибет. В Пекине, без сомнения, были довольны тем, что кукунорские хошоуты будут участвовать в борьбе с джунгарами, поскольку это увеличивало шансы на победу. Вместе с тем император опасался, как бы кукунорские князья не стали претендовать на восстановление своего протектората над Тибетом, ликвидированного джунгарами. В связи с этим круг лиц, сопровождавших Далай-ламу, был значительно расширен: к светским и духовным феодалам из Куку-

нора присоединились крупные религиозные деятели, чиновники и аристократы из Халхи, Южной Монголии и Китая. В результате хошоутские князья из главных покровителей Далай-ламы, каковыми они были с 1714 г., превратились в рядовых участников грандиозного мероприятия, устроенного императором.

Второй цинский поход в Тибет начался в конце мая 1720 года. Учитывая печальный исход предыдущего похода, Цины значительно увеличили число войск: одна армия, которой командовали Гарби и Юэ Чжунци, должна была двигаться в Тибет южным путем, из Сычуани; другая, под командованием Ян Синя, должна была идти более легким путем — из Кукунора. Далай-лама ехал в обозе армии Ян Синя, о чем быстро стало известно тибетцам. Местное население стремилось увидеть и приветствовать своего духовного главу. Цинское командование мастерски использовало религиозные чувства тибетцев, связанные с появлением Далай-ламы: населению раздавались прокламации, в которых говорилось, что те, кто признает нового Далай-ламу, должны присоединиться к китайским войскам, которые сопровождают иерарха, и выступить против джунгаров. В результате большинство тибетцев перешло на сторону цинской армии и активно содействовало ей в изгнании джунгаров.

Генерал Гарби, добравшись через Литан и Батан до Чамдо, набрал в помощь своей армии ополчение из тибетцев численностью в 7000 человек и вступил в бой с джунгарским командиром Чуньпилэ. Южная группировка джунгаров была разбита. Тем временем армия генерала Ян Синя нанесла несколько поражений северной группировке джунгаров во главе с Цэрэн-Дондобом; было убито и взято в плен 1000 человек. Джунгары, утратив поддержку тибетского населения, вынуждены были уйти в Джунгарию тем же путем, каким в свое время явились в Тибет.

В октябре 1720 г. победители вошли в Лхасу и расправились с проджунгарскими элементами (членами марионеточного правительства и ламами джунгарского происхождения, находившимися в монастырях Гелугпы). Далай-лама Ешей Нгагбан Чжамцо (он же Бадкар Цзинба), поставленный на свой пост Лхавзаном и смещенный джунгарами, казался китайцам лишней помехой. Он был выслан под конвоем в Пекин, где и находился до самой своей смерти. Прибывший же из Кукунора литанский перерожденец той же осенью был интронизирован под именем Далай-

ламы VII Галсана Чжамцо. Китайцы некоторое время именовали его «Шестым», пытаясь тем самым игнорировать двух предыдущих, свергнутых Далай-лам, но тибетцы в конечном счете вынудили цинского императора признать его «Седьмым», то есть перерожденцем убитого Цаньяна Чжамцо.

Канченнас, вызванный из провинции Нгари приказом китайского командующего, находился в Лхасе в момент интронизации. Но в созданное первоначально временное правительство он включен не был, хотя и сохранил свой пост губернатора. Весной 1721 г. временное правительство было распущено и создано постоянное, состоявшее из одних тибетцев и носившее традиционное название Кашаг (Совет министров). В Кашаг входили четыре калона (министра): Канченнас (главный министр), Наподба, Лумпанас и Бьярраба. Первые трое были светскими аристократами и, являясь министрами, одновременно занимали посты губернаторов провинций, а последний был казначеем Далай-ламы VII и представлял в Кашаге интересы церкви. В работе Совета министров на неофициальной основе также принимали участие отец Далай-ламы VII, Соднам Доргай, и Полханас, который был формально включен в Кашаг в 1723 году. Пост дэсрида был ликвидирован, поскольку, по мнению китайских властей, сосредоточение слишком большой власти в одних руках было опасным.

В столице Тибета был поставлен китайский гарнизон, командир которого мог следить за деятельностью тибетского правительства и вмешиваться в случае необходимости. В 1721 г. часть Восточного Тибета (провинция Кам с княжествами) была изъята из управления Лхасы и передана под контроль губернатора китайской провинции Сычуань. В 1724 г. территория Амдо (Северо-Восточный Тибет) была присоединена к Сининскому наместничеству. В результате под контроль китайских местных властей в Синине и Сычуани перешел весь Восточный Тибет, населенный в основном этническими тибетцами. Таким образом, Цины не только установили в Тибете китайский протекторат вместо хошоутского, но и отторгли от Тибета значительную часть его территории. Отметим и то обстоятельство, что с самого начала китайского присутствия в Тибете власть Далай-ламы VII была ограничена, так как созданное китайцами правительство было не церковным, а светским.

Из всех четырех министров Канченнас, являвшийся в прошлом крупным чиновником Лхавзан-хана, да к тому же боровшийся с джунгарами с оружием в руках, пользовался особым доверием Цинов. Китайцы всячески подчеркивали свое благоволение к нему: ему был дан маньчжурский титул «бэйсэ», пожаловано еще одно поместье, а его старший брат был назначен на должность помощника губернатора провинции Нгари.

Младший министр Бьярраба, хотя и не был духовным лицом, но, будучи казначеем Далай-ламы VII, все же был связан с церковью. Имел личные связи с церковью и Лумпанас, женатый на сестре Далай-ламы VII; он, как и его коллега Наподба, был не только министром, но и одновременно губернатором провинции. Между министрами Кашага довольно скоро наметился разлад, поскольку Канченнас, а позднее и присоединившийся к нему Полханас твердо придерживались прокитайской ориентации. Остальные министры, а также отец Далай-ламы VII Соднам Доргай мечтали о возвращении страны к прежнему теократическому правлению, «золотым веком» которого были времена «Великого Пятого». Эта группа объективно противостояла Полханасу и Канченнасу, служившим китайцам не на страх, а на совесть. В Совете министров существовала и определенная психологическая несовместимость: Канченнас был крутым, надменным человеком, не склонным искать компромисса при разногласиях с коллегами. Лумпанас и Наподба завидовали его высокому положению и о любых его промахах сообщали в Пекин. Но конфликт в Кашаге развивался медленно и, благодаря присутствию цинских войск в Лхасе, не выходил за рамки личной неприязни.

Одной из первых задач нового тибетского правительства была ликвидация последствий джунгарского нашествия, в том числе и восстановление разрушенных джунгарами монастырей сект Нинмапа и Кармапа, которые были не только религиозными центрами, но и крупными хозяйственными единицами. Но когда Полханас, известный своей веротерпимостью, выступил на заседании Совета министров с предложением оказать помощь за счет казны для восстановления монастырей, то против этого высказались как Далай-лама VII, так и командиры цинского гарнизона в Лхасе. Далай-лама VII Галсан Чжамцо (1708–1757), выросший в кукунорском монастыре Гумбум и воспитанный монахами Гелугпы, не мог питать таких симпатий к чужой секте,

как тесно связанный с Нинмапой Полханас. По традиции, шедшей еще от «Великого Пятого», Далай-лама VII не вмешивался в деятельность неортодоксальных сект, но и не возражал бы против их «естественного» ослабления. Цинские же командиры, чьей задачей было поддержание в Тибете порядка и спокойствия, считали своим долгом поддерживать лишь доминирующую, «официальную» секту, а не те, что казались им оппозиционными. В конечном счете было решено, что восстановление разрушенных монастырей должно происходить за счет самих сект.

Другим важным мероприятием правительства Канченнаса было наведение порядка в области финансов и налогов. Хаос в налоговой и финансовой сферах был прямым следствием джунгарского вторжения и последовавшей за ним китайской оккупации. Грабежи и разрушения, учиненные джунгарами в Центральном Тибете (то есть в провинциях Уй и Цзан), привели к обнищанию простонародья и обеднению феодалов, вследствие чего владельцы поместий стали вводить новые, более тяжелые налоги. В этих злоупотреблениях были замешаны даже министры нового правительства. Кроме того, китайские войска, пришедшие в Тибет для борьбы с джунгарами, перед походом получили жалованье серебром за несколько лет вперед, в расчете, что на полученные деньги они будут закупать все необходимое на месте, в Тибете. Приток в Тибет огромного количества серебра привел к падению его стоимости, и лишь под угрозой наказания тибетское население принимало китайское серебро в качестве платы за товары и услуги. Было и еще одно обстоятельство, осложнявшее жизнь народа и связанное с присутствием в стране китайцев: цинские командиры в принудительном порядке налагали на тибетцев обязанность содержать и кормить китайских лошадей и мулов, которые, будучи непривычными к климату Страны снегов, погибали в большом количестве. Китайцы же, в случае гибели животных, требовали равноценной замены, что было тибетцам не под силу.

В конце 1722 г., суммировав все жалобы, поступившие от населения Уя и Цзана, Канченнас решил, что необходимо навести порядок в сфере налогообложения. В начале следующего года, по поручению Канченнаса, Полханас провел ревизию департамента налогов: архивные материалы по налогообложению были собраны в 500 томов (дэбтэр), налажена работа департамента,

четко установлены нормы ежегодных налогов, определены функции сборщиков налогов и т. д. Усилия правительства способствовали некоторому облегчению положения населения.

Одной из важнейших своих задач правительство Канченнаса считало подготовку Тибета к обороне от возможного вторжения джунгаров. В этот период Цинская империя находилась в состоянии затяжной войны с Джунгарским ханством; военные действия шли с переменным успехом, поэтому не исключалась возможность повторного джунгарского рейда в Тибет. В начале 1721 г. отряд тибетских войск совершил поход в Нагцан и, пробыв там около года, вернулся в Центральный Тибет. В 1722 г. рейд по северным рубежам, открытым для джунгарского вторжения, был повторен. Учитывая, что собственных тибетских сил для отражения возможного джунгарского нападения было бы недостаточно, император Сюань Е держал в Тибете 3500 китайских солдат, из которых 1900 человек были сосредоточены для охраны почтовых станций, созданных по приказу китайских властей.

В 1722 г. умер цинский император Сюань Е. Новый император Инь Чжэн (1723–1735) решил несколько изменить китайскую политику в Тибете. По предложению Государственного секретариата он приказал вывести почти все войска из Тибета, оставив лишь гарнизон в Чамдо, который должен был контролировать коммуникации в Восточном Тибете. Это решение обосновывалось заботой о тибетцах, для которых пребывание в стране китайских войск действительно было дополнительным бременем. Подлинная же причина вывода цинских войск из Тибета состояла в том, что имперская казна несла громадные убытки в связи с многолетней войной с Джунгарским ханством, и в Пекине искали способы сокращения непомерных расходов.

Получив весной 1723 г. императорский приказ о выводе войск из Тибета, цинские командиры сообщили об этом Канченнасу, находившемуся в тот момент в провинции Нгари, и начали готовиться к отбытию. Но еще до своего отъезда они получили два письма от Канченнаса, который положительно оценивал вывод китайских войск с экономической точки зрения (уменьшение налогов и реквизиций, исчезновение повода для недовольства у тибетского населения). Но в политическом плане, как предполагал Канченнас, вывод войск из Тибета мог иметь тяжелые последствия для страны: страна отнюдь не успокоилась; Далай-

лама был еще слишком молод, а Панчен-лама уже стар; не исчезла пока и джунгарская угроза. В связи с этим Канченнас намеревался просить императора отменить приказ о выводе войск, а до тех пор предлагал одному из цинских командиров остаться в Лхасе. Если же это невозможно, то глава правительства просил хотя бы снабдить его ясными инструкциями, которым он мог бы следовать в будущем. Цинские командиры не дали Канченнасу внятного ответа и увели своих солдат из Тибета.

Вскоре после вывода китайских войск из Тибета, в соседнем Кукуноре вспыхнуло крупное антицинское восстание. Одной из причин восстания явилась китайская колонизация Кукунора, население которого состояло из хошоутов, пришедших из Джунгарии в 30-х гг. XVII в., и тибетоязычных племен, известных в исторической литературе как тангуты (фани). В разгар джунгаро-китайской борьбы за Тибет цинские власти стали основывать в Кукуноре китайские военные поселения, для которых отводились значительные участки земли. Но вскоре выделенной земли не стало хватать, так как в Кукунор стали прибывать китайские крестьяне-переселенцы. В 1720 г. из Пекина в Кукунор был командирован чиновник Лифаньюаня Ба Фушоу, который собрал съезд кукунорских князей и потребовал выделения новых участков земли для китайских колонистов. После съезда у кукунорцев были изъяты пригодные для обработки земли от гор Нань-шань до Цзяюйгуаня и поставлены межевые столбы, означавшие, что земли отошли к Собственно Китаю. В Кукунор были направлены китайские чиновники, вмешивавшиеся в административные дела местных князей, что вызывало протест населения.

Таким образом, уменьшение кочевых территорий в результате китайской колонизации и самоуправство цинских чиновников явились достаточно серьезными причинами для антикитайского выступления. Но еще более веской причиной послужила замена хошоутского протектората в Тибете цинским протекторатом. Как уже говорилось выше, религиозные чувства кукунорцев и их стремление выдворить из Тибета джунгаров, чтобы восстановить там власть потомков Гуши-хана, были умело использованы императором Сюань Е. Однако для управления Тибетом Цины создали прокитайское правительство из тибетцев, а потомков Гуши-хана в Тибете не осталось вообще. Из тибетского похода кукунорские князья вернулись домой с чувством, что их обма-

нули и унизили. Глава хошоутских князей Кукунора, князь Лубсан-Даньцин, решил отомстить китайцам. Установив контакт с главным врагом Китая, джунгарским ханом Цэван-Рабданом, и заручившись его поддержкой, Лубсан-Даньцин созвал съезд кукунорских князей. На съезде он изложил «обиды» кукунорцев в отношении Китая и предложил восстановить независимость Кукунора. Участники съезда, в том числе высшее буддийское духовенство, поддержали Лубсан-Даньцина.

В 1723 г. 200 тыс. тангутов (миряне и ламы) вторглись в Сининский округ, вступили в бой с китайскими войсками, разграбили китайские поселения и угнали скот. Повстанцами руководил крупный монастырь Эргулун, контролировавший 40 дочерних монастырей и, соответственно, верующих в этих районах. Подобные нападения, производившиеся кукунорскими монголами и тангутами при участии духовенства, имели место по всей пограничной линии между Кукунором и китайскими провинциями.

Император Инь Чжэн вынужден был обратить внимание на события в Кукуноре. Наместнику провинций Шэньси и Сычуань, Нян Гэньяо, было приказано срочно собрать провинциальные войска; затем он должен был отправиться в Синин вместе со своим помощником Юэ Чжунци. Цинская армия обладала численным перевесом по сравнению с повстанцами, к тому же вожди племени монголов, оставшихся верными Цинам, оказали китайским карателям неоценимую помощь.

Из Джунгарии на помощь кукунорцам был прислан военный отряд под командованием Сэбтэнчжаба, но заметной роли в восстании он не сыграл.

В конце 1723 г. цинские войска одержали крупную победу в районе Гуйдэ, где были сожжены все монастыри и захвачено 100 тыс. пленных. В январе 1724 г. каратели вторглись в местность Хуанчунь (к северо-востоку от Синина), где находился центр тангутского сопротивления и располагались монастыри Эргулун, Гоман и Цзицзя. Монахи и подвластные монастырям племена храбро сражались, но были побеждены; их монастыри и деревни были полностью уничтожены.

В феврале-марте 1724 г. крупный цинский отряд под командованием Юэ Чжунци напал на ставку Лубсан-Даньцина в местности Хамар-Дабан и нанес ему поражение. Сам Лубсан-Даньцин сумел бежать и нашел убежище в Джунгарии, но его бли-

жайшие родственники и сподвижники были взяты в плен и отправлены в Пекин в клетках.

Цинское правительство серьезно опасалось, что Лубсанданьцинзнь, потомок Гуши-хана и, следовательно, претендент на власть в Кукуноре и в Тибете, может однажды вернуться из Джунгарии в Цинскую империю и причинить много хлопот. В связи с этим цинский двор неоднократно требовал от джунгарских ханов выдать Китаю кукунорского вождя, но те отказывались выполнить требование.

подавив восстание, цинские власти решили покончить с внутренней самостоятельностью Кукунора: была введена знаменная система для хошоутов, установлен более жесткий контроль над тангутами.

Не была забыта Цинами и роль буддийских монастырей в организации антицинского сопротивления. До восстания 1723–1724 гг. в Кукуноре числилось 35 перерожденцев (хутухт), многие из которых получили официальное признание со стороны Китая еще при Минах; существовало много монастырей со штатом лам в 1000 человек. В период восстания монахи превратились в стойких бойцов, а монастыри — не только в командные пункты, но и в своеобразные крепости или склады оружия. В связи с этим было введено положение о монастырях, согласно которому монастырские здания должны были иметь не более 200 келий; штат одного монастыря не должен был превышать 300 человек; в монастырях запрещалось иметь оружие. Тангуты, ранее подчинявшиеся монастырям, передавались в ведение китайских чиновников; доходы, поступающие от монастырских угодий и в виде пожертвований, предписано было передавать в государственную казну, а монахам выдавались из казны провиант и одежда. Хутухты должны были получить от цинских властей подтверждение своего звания.

Кукунорское восстание, происшедшее в непосредственной близости от северо-восточных границ Тибета, вызвало замешательство в Лхасе. На заседании Совета министров было решено, что Далай-лама VII отправит своего уполномоченного Балдана Грагспа к кукунорским князьям, чтобы убедить их прекратить мятеж и оставаться в подданстве Цинской империи. Поездка эта оказалась совершенно бесполезной. Кроме того, тибетское правительство решило обезопасить рубежи страны от возможного

вторжения повстанцев. В качестве руководителя военного отряда был назначен Полханас, незадолго перед этим включенный в состав Кашага и известный своими военными способностями. Осенью 1723 г. военный отряд Полханаса прибыл на берега р. Нагчу, где и оставался до весны 1724 г., усмиряя антицински настроенные племена в этом районе. Вторично такой же отряд был послан на северо-восток Тибета в связи с распространившимся слухом о том, что бежавший от цинских карателей Лубсан-Даньцзинь якобы вступил на территорию Тибета. Слух этот оказался ложным, но он серьезно взволновал и цинское, и тибетское правительства.

В декабре 1725 г., по предложению наместника провинций Шэньси и Сычуань Юэ Чжунци, цинские власти решили реорганизовать систему управления Восточным Тибетом. В этих краях враждебность местного населения к китайцам, природные трудности, огромные расходы на содержание почтовых станций и военных гарнизонов делали прямое управление страной убыточным и крайне неэффективным. Юэ Чжунци предложил вернуть часть отторгнутых ранее тибетских территорий под управление Лхасы (14 округов), а управление оставшимися за Китаем 13-ю округами возложить на туземных вождей (тусы), которые контролировались бы цинскими чиновниками. На случай же волнений в китайской части Восточного Тибета предлагалось основать военную базу в местности Гарта, где мог бы быть размещен сильный китайский гарнизон. Предложение было одобрено императором.

В июле 1726 г. в Тибет прибыло цинское посольство в составе канцлера Государственного секретариата Баньди, бригадного генерала Эци и чжасак-да-ламы Гелега Чосчже. Посольство имело две задачи: сообщить о новой «милости» императора Инь Чжэна, вернувшего Тибету часть территории, отнятой его отцом Сюань Е, и разобраться в ситуации, сложившейся внутри тибетского правительства (поскольку в Пекин поступали взаимные обвинения и жалобы со стороны калонов). Одновременно из Пекина был прислан указ императора Инь Чжэна, предписывавший тибетскому правительству начать репрессии против секты Нинмапа. В указе говорилось, что духовенству Нинмапы запрещается проводить ряд религиозных обрядов: сжигать жертвоприношения, бросать магическое оружие, практиковать экзор-

цизм и т. п. Тем самым подрывалось экономическое могущество секты, значительную часть доходов которой составляла плата, взимаемая за выполнение обрядов. Но главный удар по Нинмапе заключался в требовании, чтобы люди, пожелавшие стать монахами, входили только в монастыри Гелугпы.

В чем же провинилась перед Цинами секта Нинмапа, и без того уже серьезно пострадавшая в период джунгарского правления в Тибете? Вероятно, следует вспомнить, что со времен императора Сюань Е одной из главных задач Цинской династии было подчинение буддизма государственной власти. Эта задача стала еще более актуальной, когда выяснилось, что буддийская церковь может играть не только умиротворяющую роль в отношении монголов, но и стать руководителем антицинского сопротивления (как это было в Кукуноре в 1723–1724 гг.). Местные церкви Северной и Южной Монголии, теоретически подчинявшиеся Лхасе, были фактически автономны и напрямую контролировались Пекином. Жесткие правила, касавшиеся штата монастырей и жалования, выдававшегося духовным лицам из казны, а также обязанности монастырского руководства по отношению к Цинской династии были установлены не только в Кукуноре, но и в Южной и Северной Монголии.

Рассматривая в данном контексте указ, присланный в Тибет в 1726 г., следует признать, что его главной целью была унификация тибетского буддизма: уменьшение или полное уничтожение «лишних» сект, которые к тому же были не ортодоксальными, несомненно, способствовало бы лучшей управляемости, «покорности» Гелугпы. Однако такая религиозная политика противоречила тибетским традициям, тем более, что со времен «Великого Пятого» другие секты не выступали против Гелугпы и пользовались определенной популярностью у тибетского населения. Самого императора Инь Чжэна вряд ли интересовали теологические различия между Гелугпой и Нинмапой, поскольку он, будучи конфуцианцем по воспитанию, в то же время интересовался чань-буддизмом, не имевшим ничего общего с ламаизмом.

Указ о начале репрессий против Нинмапы был встречен в Совете министров враждебным молчанием. Только Полханас выступил с горячей речью в защиту секты, заявив, что секту Нинмапу нельзя считать еретической хотя бы потому, что труды ее основателя Падмасамбхавы изучаются иерархами Гелугпы; что

приверженцы секты совершенно безвредны и часто помогают людям, за что пользуются уважением народа. Императорские послы ничего не возразили по этому поводу, понимая, очевидно, что суть дела заключается не в теологии; с другой стороны, приказ императора не подлежал обсуждению. Позицию Полханаса косвенно поддержал отец Далай-ламы VII, Соднам Доргай, заявивший, что следует отправить человека в Пекин для уточнения смысла данного указа. Никто из членов Кашага отправиться в Китай не рискнул, и тогда был послан специальный гонец. Тем не менее указ был получен, и его следовало выполнять.

Перед отбытием цинского посольства из Тибета Баньди вновь собрал Кашаг и заявил, что в Пекине известно о взаимной неприязни между министрами. Баньди рекомендовал восстановить нормальную рабочую атмосферу в Совете министров, грозя слушникам неминуемым наказанием. Канченнас как глава Кашага заверил цинских послов в лояльности всех министров династии Цин и пообещал неукоснительно выполнять все распоряжения императора.

Свое обещание Канченнас выполнил: он сразу же начал притеснять секту Нинмапа, что вызвало не только усиление раскола в Совете министров, но и резко уменьшило популярность главы правительства в стране. Стремясь усилить народное недовольство действиями Канченнаса, оппозиционные ему министры стали распускать нелепые слухи о том, что планы премьер-министра не ограничатся только сектой Нинмапа, но коснутся также и самой Гелугпы.

Полханас, встревоженный брожением в стране и расколом в Кашаге, сделал несколько попыток добиться какого-либо компромисса между враждовавшими министрами, но противники Канченнаса от примирения отказались. Канченнас же, в ответ на очередное предупреждение Полханаса об опасности сложившейся ситуации, надменно заявил, что никого не боится и уничтожит любого противника. В январе 1727 г. Канченнасу был пожалован из Пекина официальный китайский титул «цзунли» (премьер-министр), ставивший его выше прочих членов Кашага; поэтому он был уверен, что его деятельность полностью одобряется цинским двором.

Между тем в Пекине были обеспокоены продолжавшимися разногласиями в тибетском Совете министров. Генерал Эци, один

из членов китайского посольства, вернувшегося из Тибета, в своем докладе трону сообщал, что ситуацию в тибетских верхах трудно назвать нормальной: Далай-лама VII еще молод и находится под влиянием своего отца Соднама Доргая; Канченнас сам по себе надежный человек, но слишком уверен в собственной непогрешимости, и за это остальные министры его ненавидят; Наподба и Лумпанас – потенциальные мятежники, причем последний связан родством с отцом Далай-ламы VII; Бьярраба – некомпетентный в делах человек. Генерал Эци рекомендовал вывести из Совета министров Лумпанаса и Бьяррабу; тогда Наподба останется без поддержки, а ситуация может измениться в лучшую сторону. Император Инь Чжэн согласился с этими предложениями и в феврале 1727 г. направил в Тибет миссию во главе с чиновниками Сэнгэ и Мала для принятия соответствующих мер.

Информация о предстоявшем прибытии в Тибет цинских чиновников и о порученной им задаче достигла Тибета задолго до приезда миссии. Лумпанасу, Бьяррабе и отцу Далай-ламы VII намеченные в Пекине меры грозили по меньшей мере удалением из столицы, тогда как Канченнас должен был усилить свои позиции. Ничего не проигрывал и помощник Канченнаса, Полханас. Взвесив все плюсы и минусы, оппозиционные Канченнасу министры решили нанести упреждающий удар по своим противникам еще до появления китайской миссии.

В июне 1727 г., когда Полханас, покинувший Лхасу под предлогом болезни его жены, находился в своем родовом поместье Полха в Цзане, он получил из Лхасы письмо от своего друга, предупреждавшего, что, ввиду опасности для его жизни, он не должен приезжать в столицу в июле-августе. Полханас не только прислушался к доброму совету, но и попросил друзей еще раз предостеречь Канченнаса. Премьер-министр, как всегда, отмахнулся от предостережения.

6 августа 1727 г. Совет министров собрался на очередное заседание в храме Чжоканг. Брат Наподбы, мелкий чиновник, вручил Канченнасу деловое письмо; когда премьер-министр углубился в чтение, остальные министры выхватили ножи и закололи Канченнаса. Были убиты телохранители Канченнаса, находившиеся вне зала заседаний; затем убийцы расправились с двумя женами Канченнаса, его секретарем и слугами. Убиты

были также два губернатора, считавшиеся друзьями Канченнаса и Полханаса.

Не вполне ясно, какова была роль во всех этих событиях Далай-ламы VII. Скорее всего, заговорщики не поставили его в известность о своих планах. Тем не менее участие в заговоре его отца, Соднама Доргая, делало Далай-ламу VII в глазах общественного мнения причастным к убийству Канченнаса.

Так закончилось недолгое правление Канченнаса. Являясь потомственным тибетским аристократом, он верно служил сначала хошоуту Лхавзану, затем правителям Цинской империи. Тибетская хроника «Пагсам-джонсан» единственной заслугой Канченнаса считает то, что «на протяжении семи лет в Цзане и Уйе сохранялся мир»⁴. Подчеркнутое благоволение Цинов к Канченнасу, бездумному исполнителю приказов Пекина, свидетельствует о стремлении китайских политиков отодвинуть церковь от управления делами страны, ограничить власть тибетской иерархии чисто религиозными вопросами. Если учесть то обстоятельство, что Цины обязали Далай-лам и Панчен-лам периодически присылать в Пекин дань, то становится ясным, что в тибето-китайских отношениях действовал принцип «вассал — сюзерен», а не «лама — милостынедатель». Разумеется, процесс установления цинского господства в Тибете (иначе говоря, реального вассалитета) был процессом длительным, многолетним и не сводился только к силовым акциям. Наличие во властных структурах таких политических деятелей, как Канченнас, ускоряло процесс подчинения Тибета, делало его более приемлемым для местного населения и более легким для Китая.

В то же время гибель Канченнаса свидетельствовала, что отнюдь не вся тибетская аристократия вступила на путь сотрудничества с Цинами. Тибетское население протестовало против иностранного господства, и верхушечный заговор в какой-то степени отражал настроения народа.

⁴ Пагсам-джонсан. С. 49.

П О Л Х А Н А С

Государственный переворот 1727 г. не мог считаться завершённым, пока заговорщикам не удалось устранить верного сторонника Канченнаса – министра Полханаса.

Полханас происходил из аристократического тибетского рода, члены которого в середине XVII в. занимали посты магистратов в Цане. Один из предков Полханаса получил в качестве награды за службу от хошоутского правителя Далай-хана Ратны поместье Брум Полха (южнее Гьянцзе), откуда и пошла фамилия Полханас.

Полханас, родившийся в 1689 г., получил начальное образование в монастыре Мингрол-глин, затем прошел курс обучения в столичном департаменте финансов и налогов и был назначен магистратом в Гьянцзе. Однако обстоятельства сложились так, что Полханасу пришлось сменить гражданскую карьеру на военную: он дослужился до командующего тибетской пехотой при Лхавзан-хане, участвовал в войне с Бутаном. После гибели Лхавзана от рук джунгаров Полханас был брошен в тюрьму. Да-цзеба, глава марионеточного правительства, созданного джунгарами, освободил его из тюрьмы и предложил пост министра, но Полханас отклонил это предложение и уехал в свое поместье в Цан. Здесь он собрал внушительный военный отряд и двинулся на запад, на соединение с Канченнасом. Но непосредственного участия в антиджунгарских действиях Полханас принять не успел, так как в страну были введены цинские войска.

Полханас формально вошел в состав Кашага в 1723 г., но фактически, как человек, пользовавшийся доверием и Канченнаса, и китайцев, он участвовал в управлении страной с 1721 г. и до государственного переворота 1727 года.

После убийства заговорщиками Канченнаса Полханас, опасаясь, что мятежники сообщат в Пекин искаженную версию событий, поспешил доложить императору Инь Чжэну о восстании в Лхасе и попросил военной помощи. Триумвират заговорщиков – Наподба, Лумпанас и Бьярраба – послал войска для убийства Полханаса, но он был своевременно предупрежден, и вместе со своими сыновьями Чжурмэд-Намчжалом и Ешей-Цэбданом, а также с шестью слугами выехал в Запад-

ный Тибет. По пути он рассылал письма местным чиновникам, извещая их о событиях в Лхасе и призывая собирать войска для отпора триумvirату. Обращение имело успех, и отряд Полханаса стал расти. Но особенно усилились войска Полханаса после перехода на его сторону губернатора провинции Нгари, старшего брата покойного Канченнаса, Цэбдана-Даши. Уже в сентябре 1727 г. армия Полханаса двинулась обратно в Цзан.

Начиная с октября 1727 г. в Тибете велась гражданская война. Военные действия шли с переменным успехом и затрагивали в основном провинцию Цзан, которая подверглась серьезному разорению. Вскоре вмешались высшие религиозные авторитеты: Панчен-лама, Сакья-лама и представитель Далай-ламы VII, которые стали активно посредничать, добиваясь перемирия. 11 апреля 1728 г. перемирие было заключено; по его условиям, освобождались военнопленные с обеих сторон, армии Полханаса и триумvirата распускались, и последнее слово в плане решения конфликта оставалось за цинским императором.

Войска лхасского триумvirата были демобилизованы, но Полханас свою армию не распустил. Вскоре, воспользовавшись мелким инцидентом, Полханас нарушил условия перемирия: он быстро вступил в Дам, собрал 3 тыс. хошоутских конников и двинулся на Лхасу. Одновременно его старший сын с войском в 9 тыс. солдат отвлекал внимание противника на юге провинции Уй. Триумvirат так и не успел собрать войска, распущенные по условиям соглашения, и 3 июля 1728 г. Полханас, не встретив особого сопротивления, вошел в столицу. Наподба, Лумпанас и Бьяраба укрылись в Потале под защитой Далай-ламы VII; там же находились члены китайской миссии, Сэнгэ и Мала, оказавшиеся в Тибете в самый разгар гражданской войны. Войска Полханаса блокировали Поталу, но враждебных действий не предпринимали. Через некоторое время цинские представители, осмелев, вышли из Поталы и устроили свою резиденцию в городе. Осажденные министры, добившись через Далай-ламу VII гарантий Полханаса в том, что их жизни ничто не грозит, покинули Поталу и вернулись в свои дома, где и находились под домашним арестом до прибытия цинских войск.

Какова была позиция пекинского двора по отношению к событиям в Тибете? Благодаря расторопности гонца, отправленного Полханасом, его сообщение об убийстве Канченнаса было

получено в Пекине 4 сентября 1727 года. Поступило также сообщение от цинских эмиссаров Сэнгэ и Мала, которые также просили направить в Тибет войска из Китая. Вопрос о посылке цинских войск был решен уже в конце 1727 г., но сама отправка состоялась лишь 13 июня 1728 г., когда армия выступила из Сицина.

Задолго до прибытия китайской армии Полханас поставил тибетскую столицу под свой контроль и, как и планировал, мог выступить в роли спасителя цинского протектората в Тибете. Он посетил Сэнгэ и Мала в их резиденции, сделал формальный доклад о своих действиях по восстановлению порядка и выразил желание вернуться в Цзан для продолжения там службы. «Скромность» Полханаса вполне соответствовала китайскому этикету, и всерьез его слова никто не принял.

В сентябре 1728 г. цинские войска вошли в Лхасу. Задержка с отправкой цинских войск (400 маньчжурских солдат и 15 тыс. солдат Зеленого знамени, то есть китайцев) объяснялась тем, что цинский двор, вначале опасавшийся вмешательства джунгаров в тибетские дела, пришел затем к выводу, что в данном случае имел место чисто внутренний конфликт. Следовательно, войска могли быть отправлены без особой спешки и составлены отнюдь не из лучших воинов. Командующие экспедиционной армией Чжаланга и Майлу, соединясь с Сэнгэ и Мала, объявили себя имперским трибуналом и начали расследование государственного переворота 1727 года. Три министра отчаянно защищали свою жизнь, выдвинув против покойного Канченнаса 70 обвинений, в числе которых были такие, как неуважение к цинскому императору, надменное поведение, связи с джунгарами и т. п. Следствие продолжалось 7 дней, причем к обвиняемым применяли пытки. Три министра были признаны виновными в стоворе с целью убийства премьер-министра и приговорены к смертной казни. Их сыновья были также убиты, а жены и дочери отправлены в ссылку.

Подозрения, что к событиям в Тибете в какой-либо форме причастны джунгары, в ходе следствия не подтвердились. Тем не менее, когда новый джунгарский хан Галдан-Цэрэн (1727–1745) прислал в Пекин посольство с просьбой пропустить в Тибет джунгарский паломнический караван, император Инь Чжэн не дал на это согласия.

Не могли в Пекине обойти вниманием и вопрос об участии в тибетских событиях 1727–1728 гг. отца Далай-ламы VII, Соднама Доргая. Желал того молодой понтифик или нет, но интриги его отца как бы освящались именем Далай-ламы VII и потому были особенно опасны для Цинов. Но расправиться с главой церкви и его отцом так, как это было сделано с министрами-заговорщиками, было невозможно, поэтому было решено просто удалить их из Лхасы. Далай-лама VII получил приглашение императора посетить Пекин, откуда он (по официальной версии) должен был вернуться в Тибет.

23 декабря 1728 г. Далай-лама VII выехал из Лхасы, а 7 марта 1729 г. прибыл в Литан (в Восточном Тибете), где остановился в местном монастыре. Отец же Далай-ламы VII был вызван в Пекин для расследования. Вероятно, прямых улик против него не было, так как он был прощен при условии, что более не будет вмешиваться в политические дела. Затем он был отправлен в Литан, где находился его сын.

В Литане Далай-лама VII получил послание от императора Инь Чжэна, в котором сообщалось, что, в связи с опасностью заражения оспой, император не может пригласить его в Пекин и встретится с ним позже, во время одной из поездок по империи. Таким образом, удалив иерарха под благовидным предлогом из Лхасы, пекинский двор оставил его на неопределенное время в Восточном Тибете. Но Литан — крупный провинциальный центр, к тому же расположенный на пути из Центрального Тибета в провинцию Сычуань, — казался цинским властям неподходящим местом для ссыльного Далай-ламы VII. Более удобным представлялся маленький городок Гарта (кит. Тайнинь), где имелся китайский гарнизон и где иерарха было легче контролировать. Для проживания главы тибетской церкви и небольшого числа его приближенных в Гарта был выстроен буддийский храм Хуйюань, куда ссыльный иерарх и прибыл 21 марта 1730 года. Тибетцы или иностранные паломники, желавшие попасть к Далай-ламе VII, должны были предъявлять документы с печатями лхасского правительства. Интересно отметить, что осенью 1731 г. у опального Далай-ламы VII побывала калмыцкая паломническая миссия, получившая от него титул хана для тогдашнего наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука.

Цинские власти даже не потрудились объяснить тибетцам или Далай-ламе VII причины его удаления из Лхасы: высылка иерарха, вполне понятная в системе «вассал – сюзерен», никак не укладывалась в формулу «лама – милостынедатель». Более того, перед самым отъездом Далай-ламы VII из столицы Тибета туда был вызван Панчен-лама II, которому цинский эмиссар Чжаланга зачитал императорский эдикт о передаче под его управление территорий к западу от монастыря Ташилунпо до провинции Нгари включительно. Панчен-лама II, опасаясь недовольства главы церкви, отказался от этого «дара»; но, поскольку цинские чиновники настаивали, угрожая гневом императора, Панчен-лама II вынужден был принять под свою юрисдикцию районы Лхарцзе, Намрин и Пунцог-глин. Расширение административных и владельческих прав Панчен-ламы II явилось явной попыткой цинских властей сделать Ташилунпо вторым центром власти в Тибете, «уравнять» Панчен-ламу с Далай-ламой, хотя последний, по тибетской традиции, не мог считаться равным лхасскому первосвященнику. Таким образом, возвышение Панчен-ламы II при одновременной депортации из Центрального Тибета Далай-ламы VII явилось началом долговременной китайской политики, направленной на создание атмосферы конкуренции и вражды между двумя высшими иерархами, что по мнению Пекина сделало бы тибетскую буддийскую церковь более управляемой.

Высылка Далай-ламы VII и попытка изменения традиционного статуса Панчен-ламы II были не единственными цинскими преобразованиями в Тибете. Цины решили несколько изменить систему управления страной, введенную в 1720 году. По предложению Чжаланги, главой тибетского правительства был назначен Полханас, вызывавший в Пекине наибольшее доверие. Ему должны были помогать два министра, причем кандидаты на эти посты рекомендовались самим Полханасом, а затем утверждались Пекином. Таким образом, Полханас, в отличие от Канченнаса, был волен сам подбирать себе сотрудников, которым доверял и на которых мог положиться.

Нововведением в управлении Тибетом было и то, что в Тибете оставались на постоянной основе два цинских резидента (в исторической литературе их традиционно именуют маньчжурским термином «амбани», то есть сановники). Один из них счи-

тался старшим и контролировал провинцию Уй, а второй – младшим и контролировал провинцию Цзан. Первыми резидентами (амбанями) были Сэнгэ и Мала, власть которых подкреплялась китайским гарнизоном в 2000 солдат; особый гарнизон в количестве 1000 воинов размещался в Чамдо.

События, произошедшие в Тибете в конце 20-х гг. XVIII в., то есть после окончания гражданской войны, ознаменовали начало нового этапа цинского господства в Стране снегов. Цины уже не довольствовались созданием в Тибете лояльного прокитайского правительства, как это было во времена Канченнаса; они отнимали или «дарили» тибетскую территорию, возвышали или изгоняли церковных иерархов, и тем самым готовили Тибет к его новой роли в рамках империи. Тибет интересовал Цинов по двум причинам: он, как и другие зависимые территории Цинской империи (Внутренняя и Внешняя Монголия, Маньчжурия, Кукунор), должен был служить «щитом и оградой», то есть своего рода буфером, защищающим Собственно Китай от внешней угрозы; в то же время Тибет был центром северного буддизма (ламаизма), и тибетская церковь должна была стать послушным инструментом «умиротворения монголов» в руках цинских императоров.

О методах, применявшихся цинскими властями в плане превращения буддийской церкви в орудие цинской политики, говорилось выше. Роль же руководителя и организатора процесса превращения Тибета в буферную зону была отведена Полханасу.

В силу своего географического положения Тибет должен был прикрывать китайские провинции Сычуань и Юньнань. Он граничил на западе и юге с Ладаком, Индией, Непалом, Бутаном и Сиккимом, а на севере горный хребет Куэнь-Лунь отделял Тибет от Кашгарии (Восточного Туркестана), входившей в состав Джунгарского ханства. В период правления Полханаса (1728–1747 гг.) реальную опасность для Тибета (следовательно, и для Китая) представляло лишь Джунгарское ханство. Джунгарские правители убедительно доказали, что ни большие расстояния, ни природные трудности не являются помехой для джунгарских воинов, способных совершенно внезапно появиться в Стране снегов. В связи с этим во внешней политике Полханаса ясно просматриваются два направления: отношения с Ладаком и пригималайскими странами и отношения с Джунгарским ханством.

Отношения Тибета с маленьким горным королевством Ладаком были в основном дружественными, что было связано с этнической и языковой близостью двух народов, сходством культуры, быта и даже природных условий. Важное значение имело и то, что оба народа исповедовали буддизм, хотя в Ладаке доминирующие позиции занимала секта Бругпа. В результате единственного за два века столкновения — тибето-ладакской войны 1679–1683 гг. — был установлен номинальный сюзеренитет Тибета над Ладаком. Он сводился к отправке один раз в два года символических даннических караванов (лапчак) из Леха, столицы Ладака, в Лхасу, и ответных караванов (чабба) из Тибета в Ладак. По сути дела, это была «посольская торговля», выгодная обеим странам.

Установление цинского протектората над Тибетом должно было затронуть и Ладак, как номинального вассала Тибета. Первые контакты Ладака и Цинов были установлены во времена Канченнаса, когда Ладаком правил король Нийма-Намчжал (1694–1729). В 1724 г. в Пекине побывали ладакские послы, что, с китайской точки зрения, означало признание Ладаком своего вассалитета в отношении династии Цин. Крошечный по сравнению с Китаем Ладак интересовал Цинов из-за его стратегического положения: Ладак располагался между Восточным Туркестаном и Западным Тибетом; туда приходили караваны из Кашгарии и таким образом в Ладак поступала информация о джунгарских планах и передвижениях. В 1732 г. новый ладакский король Дескион-Намчжал (1729–1739) прислал посольство с подарками Полханасу и иерархам тибетской церкви, а также сообщил цинскому двору о джунгарских передвижениях в Восточном Туркестане. Император Инь Чжэн ответил одобрительным посланием. В 1737 г. ладакский гонец Ноно Соднамкан прибыл в Лхасу, доставив подарки и свежую информацию о джунгарах, что вызвало положительный отклик со стороны очередного цинского императора Хун Ли. Таким образом, установление цинского протектората в Тибете не нарушило сложившихся межгосударственных отношений Ладака и Тибета: и Лхаса, и Пекин считали Ладак своим вассалом, причем в обоих случаях вассалитет был номинальным.

Примерно такие же отношения складывались у Тибета с маленьким пригималайским государством Сиккимом, где население было обращено в буддизм тибетскими ламами секты Нин-

мапа в 30-х гг. XVII века. Правителем страны был король, носивший титул Чосгьяла, то есть защитника веры. Глава местной буддийской церкви имел титул Скьябс Мгон Римпоче (Драгоценный покровитель). В Сиккиме было установлено правление по формуле «лама – милостынедатель», при некотором преобладании светской власти. Маленький Сикким, расположенный между двумя воинственными соседями – Непалом и Бутаном, – часто подвергался нападениям с их стороны. В этих случаях правители Сиккима обращались за помощью к Тибету, и оттуда посылались войска или приезжали посредники.

Вассалитет Сиккима по отношению к Тибету в Лхасе считали фактом, не требующим доказательств. Действительно, обычной практикой была посылка из Тибета специальных лиц, которые исполняли обязанности регентов при малолетних сиккимских королях. Так, в 1740 г., по просьбе сиккимской знати, регентом при малолетнем сиккимском короле Намгьяле Пунцоке стал тибетец Рабтен Шарпа.

Гораздо сложнее складывались отношения Тибета с Бутаном. Бутан представлял собой теократическое государство, весьма напоминавшее по своему государственному устройству Тибет времен «Великого Пятого»: наличие сильной церковной власти в лице местного иерарха секты Бругпа, носившего титул Шабсдрун Римпоче, и зависимого от церкви светского правителя, известного под титулом Деб-Раджа. Несмотря на сходство государственного устройства, культуры и религии Тибета и Бутана, между двумя странами сохранялась постоянная напряженность, зачастую переходившая в военные столкновения. По мнению некоторых историков, можно даже говорить о 75-летней тибето-бутанской войне, то затухавшей, то вспыхивавшей снова. Причинами напряженности являлись, с одной стороны, попытки тибетских лидеров поставить Бутан под свой контроль, а с другой – воинственность бутанских правителей, довольно часто нападавших на более слабых соседей (в том числе и на тех, кого Лхаса считала своими вассалами). Бутанские представители присутствовали на церемонии интронизации Далай-ламы VII, но, если не считать этого формального знака уважения, отношения между двумя странами не улучшились.

В 1730 г. в Бутане вспыхнула гражданская война, в основе которой лежал спор двух претендентов на пост местного церков-

ного первосвященника – Шабсдруна Римпоче. Одного из претендентов выдвинул тогдашний Деб-Раджа Ванпачжо; но большая часть клира отвергла нового иерарха как «неистинного» перерожденца Наропы, и начался вооруженный конфликт. Правитель был вынужден бежать из своей столицы Ташисудзона и обратился за помощью к Полханасу. Полханас, помня о том, что в период тибето-бутанской войны 1714 г. именно Деб-Раджа Ванпачжо был его противником, предпочел не вмешиваться в борьбу двух бутанских фракций. Деб-Раджа, не получив помощи из Тибета, потерпел поражение и был убит.

Победители сделали новым Деб-Раджой Лхопьог-Ринчена, а новым верховным иерархом – Бадана Дкарпо. Но вскоре в Бутане возникла новая оппозиция во главе с ламой Донгруб Каспе, и начался второй тур гражданской войны. Донгруб Каспе обратился за помощью к Полханасу; но не успел последний еще принять окончательного решения, как пограничные тибетские войска без приказа выступили на помощь бутанским оппозиционерам. Теперь Полханас был вынужден вмешаться: он послал на помощь тибетскому отряду, действовавшему в Паро, дополнительные войска, которые потеснили армию Деб-Раджи. Тем не менее, исходя из опыта прежних лет, тибетские руководители весьма сомневались в возможности решить проблему военным путем, и потому было решено прибегнуть к религиозному посредничеству. Представители Панчен-ламы II, настоятеля монастыря Сакья и верховного ламы секты Кармапа выступили в качестве посредников и договорились о перемирии и обмене пленных. Затем был заключен мир на следующих условиях: светский правитель и верховный иерарх Бутана оставались на своих постах, но должны были присылать даннические посольства в Лхасу. Такие же обязательства принимал на себя лама Донгруб Каспе, глава оппозиционной группировки: тем самым он ставился на один уровень с официальной властью. Центральная власть в Бутане оказалась ослабленной и расколотой, причем руками самих бутанцев, а Тибет установил свой сюзеренитет над Бутаном.

Но поскольку Тибет сам находился под протекторатом Цинской династии, в начале 1731 г. из Лхасы в Пекин был отправлен гонец, который вез отчет Полханаса о бутанской кампании и «прошение» бутанских иерархов о «подчинении» Бутана Цинской империи. Цинский император охотно согласился принять

«подчинение» бутанцев, послал подарки бутанским лидерам и направил им письмо, составленное в обычных высокопарных выражениях. В том же году, в знак признания заслуг Полханаса и императорского благоволения к нему, Полханасу был пожалован цинский титул «бэйлэ».

Отношения Тибета с Непалом развивались в основном как торговые и религиозные. Непал, в отличие от прочих пригималайских стран, был буддийским лишь частично; тем не менее, Непал занимал в тибетской истории такое же важное место, как и Индия, поскольку именно из Непала в Тибет проникли некоторые течения буддизма, отсюда приезжали знаменитые проповедники, там было немало буддийских святынь. Интересно отметить, что даже в период гражданской войны в Тибете Полханас нашел время и средства, чтобы направить своих представителей в Непал, где они восстановили разрушенную буддийскую ступу Бьярун-Касор.

В этот период Непал не представлял собой единого государства: он был разделен на ряд княжеств, среди которых были Бхатгаон (тиб. Коком), Катманду (тиб. Ямбу) и другие. В 1732 г. из княжества Катманду в Лхасу прибыло посольство, чтобы известить о вступлении на трон князя Джая Пракаш Малла. В китайских же исторических документах было записано, что данное посольство прибыло для того, чтобы выразить от имени трех княжеств свою «верность» Цинам. Император Инь Чжэн поспешил послать в адрес непальских князей подарки и инвеституры. В 1734 г. представители непальских князей вновь явились в Тибет; они просили разрешения отправиться в Пекин, что им и было позволено. В Пекине новым «вассалам» оказали хороший прием, и император даже обратился к ним с наставлениями по поводу того, как должны вести себя новые вассалы. Вероятно, эти наставления мало повлияли на внутреннюю жизнь Непала, поскольку оттуда поступали известия о частых войнах между княжествами.

Таким образом, в период правления Полханаса с государствами, прилегающими к западным и южным рубежам Тибета, были установлены добрососедские отношения. Сюзеренитет Тибета по отношению к перечисленной группе стран не предполагал никаких обременительных или унижительных обязанностей со стороны стран-вассалов и сводился в основном к стабильности границ и — для

буддийских стран – к признанию религиозного доминирования тибетских иерархов. Однако Тибет являлся частью Цинской империи и, хотя он пользовался пока что довольно широкой автономией, для Тибета была уготована роль «внешнего владения», то есть буферной зоны. Правители Тибета имели статус «внутренних вассалов», или «внутренних варваров», что отнюдь не препятствовало им иметь «внешних» (по отношению к Китаю) вассалов. Таким образом, отношения Тибета с пограничными странами вполне вписывались в традиционную китайскую схему взаимоотношений с внешним миром. Для Пекина «двойной» вассалитет пригималайских стран и Ладака просто не существовал, так как Цины рассматривали указанные страны в качестве своих номинальных вассалов.

Наиболее серьезной проблемой для правительства Полхана-са являлись отношения с Джунгарским ханством.

После смерти цинского императора Сюань Е и смерти джунгарского хана Цэван-Рабдана в джунгаро-китайских отношениях наступило некоторое затишье. Но приход к власти новых лидеров – хана Галдан-Цэрэна в Джунгарии и императора Инь Чжэна в Китае – отнюдь не означал, что джунгаро-цинские отношения будут пересмотрены. Оба правителя выступили как продолжатели политики своих отцов и тщательно готовились к новой войне. Джунгарский хан имел виды на монгольские земли, китайский император надеялся разгромить и покорить Джунгарию.

17 марта 1729 г. был издан указ Инь Чжэна о начале войны с Джунгарским ханством. В указе говорилось: «Начиная с Галдана, джунгарские племена превратились в изменников. Цэван-Рабдан также показал себя высокомерным и наглým, совершал убийства. Теперь Галдан-Цэрэн совершает еще большее зло. Если оставить в живых этого последыша, он непременно разорит Халху, Кукунор и Тибет»⁵. В том же году цинские войска сделали попытку вторгнуться в Джунгарию из Халхи, но получили серьезный отпор близ р. Кобдо. Другая часть цинских войск была вытеснена из княжества Турфан и района Баркуля.

Эти поражения заставили императора Инь Чжэна более тщательно готовиться к войне: в Халхе было введено военное положение, постоянным явлением стали поборы, связанные с вой-

⁵ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 кн. Кн. 1. М., 1989. С. 271.

ной, реквизиции скота и лошадей у монгольского населения. Кроме непосредственных военных действий, цинское правительство предприняло значительные усилия на дипломатическом фронте: была реанимирована идея императора Сюань Е о возможности нанесения удара по Джунгарскому ханству с двух сторон – со стороны Цинской империи и с запада – силами российских калмыков или даже русских войск. Но китайское посольство, побывавшее весной 1731 г. на Нижней Волге, не добились согласия калмыцкого хана Церен-Дондука на вступление в войну с Джунгарией.

Цинские власти вполне допускали, что джунгары способны повторить свое вторжение в Тибет; однако держать там значительный воинский контингент было бы слишком накладно для Китая и разорительно для Тибета. В связи с этим начиная с 1728 г. был взят курс на создание небольшой, но хорошо вооруженной и обученной тибетской армии, которая могла бы сдерживать натиск джунгаров до подхода крупных китайских сил (в чем, собственно, и заключалась главная функция любой буферной зоны). Тибетские войска, находившиеся в провинции Уй, были снабжены хорошим оружием и лошадьми, и летом 1729 г. они были направлены в северные пограничные районы, в места, доступные для джунгарского проникновения. Одновременно у тибетского гражданского населения было изъято огнестрельное оружие, которое складировали в тщательно охраняемом месте: вероятно, власти не были уверены, что в Тибете нет проджунгарски настроенных людей. С другой стороны, изъятое оружие могло использоваться для вооружения вновь создаваемой тибетской армии, в которую на первом этапе вошли в основном ветераны гражданской войны 1727–1728 годов.

Летом 1730 г., когда до Тибета дошел слух о предстоявшем вторжении джунгаров и якобы готовившемся захвате ими пограничного пункта Паликун, цинский амбань Сэнгэ вывел китайские и тибетские войска из Лхасы и занял оборонительные позиции в Даме и близ оз. Тэнгри-нор. Место для возможной обороны оказалось настолько удачным, что Сэнгэ направил в Пекин специальный доклад, предлагая создать целую оборонительную систему. Оборонительная система должна была прикрывать Лхасу с севера и состояла бы из четырех аванпостов; их задачей должна была стать охрана укрепленного лагеря с гарнизоном,

состоявшим из 1500 китайских и 1000 тибетских солдат. Оборонительная система должна была использоваться только в летнее время; зимой же пребывание солдат в Даме, насквозь продуваемом ледяными ветрами, было бы затруднительно, и потому они должны были отводиться на зимние квартиры в столицу. 24 августа 1730 г. проект Сэнгэ был официально утвержден в Пекине, причем для оплаты китайских солдат из цинской казны выделялись 10 тыс. таэлей, а содержание тибетских войск возлагалось на правительство Полханаса.

Летом 1731 г. джунгарская армия вторглась в западную Халху и нанесла поражение цинским войскам близ крепости Кобдо.

В Тибете же летом 1731 г. пограничные войска под командование амбана Сэнгэ вновь заняли свои позиции в Даме. Хотя джунгары и не сделали в этом году попытки захватить Тибет, но до Лхасы дошел слух, что джунгарские власти намерены вернуть в Тибет Сурчжу, сына Лхавзан-хана, в свое время угнанного в плен в Джунгарию. Сурчжа при хане Галдан-Цэрэне уже не был пленником: он получил небольшой удел и вел жизнь владетельного тайчи. Согласно поступившим сведениям, джунгары собирались отправить Сурчжу в Тибет в сопровождении джунгарского отряда в количестве 5 тыс. воинов. Сообщение об этом, сделанное Полханасом, весьма встревожило пекинский двор: не только дамские хошоуты (дамсоки), этнически родственные Сурчже, но и многие тибетцы могли предпочесть «законного» наследника Лхавзан-хана китайскому ставленнику Полханасу.

16 сентября 1631 г. император издал указ, в котором напомнил Полханасу о коварстве джунгаров и о том, что похожий предлог был использован джунгарами для вторжения в Тибет в 1717 году. Полханасу предписывалось подготовиться к отпору джунгарам. В случае же, если бы Сурчжа прибыл в Тибет один или с малым эскортом, его следовало встретить благожелательно и сообщить в Пекин. Но слух оказался ложным; не исключено, что джунгары просто прощупывали настроения в Тибете. Полханас же в качестве награды за верную службу получил серебряную печать, надпись на которой гласила, что он является «администратором Тибета».

В августе 1732 г. джунгарские войска двинулись вглубь Халхи, громя войска местных феодалов и захватывая богатую добычу. Постепенно джунгарская армия, обремененная добычей, ут-

ратила подвижность, и в районе монастыря Эрдэни-цзу потерпела поражение от войск монгольского князя Церена. Бросая по дороге трофеи, захватчики ушли через Монгольский Алтай на родину.

В том же году пронесся новый слух о том, что джунгары подготовили сильную армию для захвата Тибета. В связи с этим император решил направить 3 тыс. солдат из Чамдо для усиления китайских войск в Центральном Тибете. Между тем пребывание в столице даже 2 тыс. китайцев было для тибетцев тяжелым бременем: вьючные и верховые животные нуждались в стойлах и фураже, солдатам необходимо было жилье, топливо (что в безлесном Тибете представляло серьезную проблему) и т. п. Полханас решил обратиться к императору с просьбой отменить решение о переброске дополнительного воинского контингента в столицу; он переговорил с китайскими амбанями, и те, после некоторых колебаний, признали обоснованность его доводов. В декабре 1732 г. перевод дополнительных войск был отменен, что, вероятно, было связано с ослаблением джунгаров после их поражения в Халхе.

Уменьшение джунгарской угрозы Тибету было использовано Полханасом для того, чтобы несколько облегчить бремя, которое несли тибетцы в связи с пребыванием в столице цинского гарнизона (с 1728 г. цены в столице выросли на 50 %). В 1733 г. Полханас подал петицию на имя императора, предлагая уменьшить цинский гарнизон в Лхасе до 500 человек и разместить его вне города, на равнине Гвабжи, в специально построенных казармах. Министры тибетского правительства очень опасались, что петиция вызовет подозрение у императора, поскольку Инь Чжэн должен был помнить, что вывод китайских войск из Лхасы в 1723 г. благоприятствовал возникновению в Тибете гражданской войны. Вопреки этим опасениям, император одобрил предложения Полханаса. В октябре 1733 г. казармы в Гвабжи были заселены китайскими солдатами. Жители Лхасы очистили город от мусора и навоза (китайцы держали в столице стадо скота, предназначенного для питания солдат).

По распоряжению из Пекина, гарнизоны Лхасы и Чамдо были уменьшены до 500 человек в каждом, а лишние китайские солдаты и офицеры репатриированы в Китай. Для скорейшего восстановления тибетского хозяйства, подорванного китайской оккупацией, Полханас осуществил уменьшение налогов по всей стране.

В 1734 г. цинские войска из Чамдо были полностью выведены, а гарнизон в Литане уменьшен с 1000 до 600 человек. Нет сомнения, что эти мероприятия были связаны, с одной стороны, со спокойной ситуацией в Тибете, а с другой – с затишьем в джунгаро-китайской войне. Официально война Цинской империи с Джунгарским ханством продолжалась, поскольку, по выражению А. Позднеева, «требовать мира маньчжуры не хотели, а чжунгары не искали его»⁶.

Ослабление джунгарской угрозы означало также, по мнению пекинских политиков, ослабление тех церковных кругов в Тибете, которые были настроены антикитайски и делали ставку на помощь из Джунгарии. В этой связи дальнейшее пребывание Далай-ламы VII в Гарта не имело смысла. 18 августа 1734 г. император Инь Чжэн издал указ, в котором высылка Далай-ламы VII из Лхасы объяснялась угрозой джунгарского рейда; теперь же, говорилось далее в указе, когда благодаря стараниям Полханаса в Тибете создана сильная армия, эта угроза уже не столь значительна. К тому же Панчен-лама II слишком стар и ему трудно одному заниматься делами церкви, поэтому присутствие Далай-ламы VII в столице необходимо. Этот указ был оставлен в Гарта принцем Юн Ли, сыном императора Инь Чжэна, и зачитан опальному иерарху.

В апреле 1735 г. Далай-лама VII вместе со своим двором выехал из Гарта и медленно стал двигаться в сторону Лхасы, принимая по пути поздравления, подарки и разного рода петиции от местных аристократов и простонародья. Наконец, в начале сентября 1735 г. он торжественно въехал в Лхасу. Несмотря на то, что его возвращение в столицу напоминало въезд в Лхасу в 1720 г., разница была очень существенной: Далай-лама был полностью отстранен от решения государственных дел и должен был заниматься исключительно религиозными вопросами. Его отец Соднам Доргай обязан был проживать в деревне, в трех днях пути от столицы, и только раз в год он мог посещать Лхасу.

В октябре того же года умер цинский император Инь Чжэн. Его преемником стал четвертый сын Хун Ли (девиз годов правления Цянь Лун, 1736–1795), энергичный и амбициозный прави-

⁶ Позднеев А. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». СПб., 1883. С. 360.

тель. После смерти отца он получил в наследство не только огромную Цинскую империю, но также ряд нерешенных проблем и полупустую казну (по оценке китайских историков, бесконечная война с Джунгарским ханством обошлась Китаю в 70 млн таэлей). В этой связи Хун Ли, как и его отец Инь Чжэн в свое время, решил на первых порах проводить политику экономии государственных средств, в том числе за счет ликвидации некоторых воинских формирований. Таким формированием, совершенно излишним в спокойном Тибете, показался ему лхасский гарнизон в 500 человек. Для рассмотрения этого вопроса применительно к местным условиям в Тибет был направлен крупный чиновник Хань Илу, который пришел к выводу, что цинский гарнизон может быть выведен в Китай без ущерба для безопасности Тибета. Однако к тому времени император Хун Ли пересмотрел свои планы и решил, что символическое китайское военное присутствие в Тибете гораздо важнее той незначительной экономической выгоды, которую можно получить от ликвидации лхасского гарнизона. Проект был отложен, а затем забыт.

Во время возвращения Далай-ламы VII из Гарта в Лхасу его сопровождал по поручению императора глава Пекинского буддийского центра Чжанчжа-хутухта II Рольба-дордже. Ознакомившись во время своего путешествия с состоянием церковных дел в Тибете, Чжанчжа-хутухта II представил трону доклад о финансовых трудностях, переживавшихся тибетской церковью в связи с отторжением от Тибета Батана и Литана (Восточный Тибет). Он просил императора вернуть эти территории под управление Лхасы, однако в просьбе было отказано; впрочем, император приказал ежегодно отчислять в казну Далай-ламы VII 5 тыс. таэлей из таможенных поступлений г. Дацзяньлу (на границе Восточного Тибета и провинции Сычуань).

В июле 1737 г. скончался Панчен-лама II. Его перерожденец был найден в Цзане в следующем году.

В начале 1740 г. кабинет министров, подчинявшийся Полханасу, был расширен: на посты министров (калонов) были назначены Доринг Пандита (племянник Полханаса) и некий Бронцзан. Таким образом, число членов Кашага достигло традиционной цифры — четырех человек. Полханас удостоился от нового императора титула цзюньвана (князя 2-й степени), что свидетельствовало о высоком уровне доверия к нему со стороны Цинов. Полханас пре-

вратился фактически в единоличного правителя Тибета, заслужив в народе прозвище «Миванг» («Могучий»). Совет министров был подчинен ему лично; власть Далай-ламы VII ограничивалась церковными делами; Панчен-лама III был еще младенцем; китайские амбани не вмешивались в административную деятельность Полханаса, выполняя роль наблюдателей.

Широкая автономия, предоставленная Цинами Тибету, не означала изменения его статуса «внешнего владения», то есть буферной территории. Следовательно, одной из главных обязанностей тибетского правительства оставалась обязанность давать отпор джунгарским проискам, в какой бы форме они ни проявлялись.

Во второй половине 30-х гг. XVIII в. между правителями Цинской империи и Джунгарского ханства происходили переговоры по поводу заключения мира. После долгих и трудных переговоров соглашение было достигнуто: границей между Джунгарским ханством и Халхой (то есть Цинской империей) стал горный хребет Монгольский Алтай, превращенный в нейтральную зону, недоступную для цинских и джунгарских подданных. Тем самым Джунгарское ханство теряло некоторые районы в западной части Халхи, которые считало своими. Был решен также вопрос о приходе джунгарских торговых караванов в Китай.

Положительно был решен и вопрос о посещении джунгарскими паломниками тибетских святынь. Китайская сторона брала на себя заботу об их охране, обеспечении питанием, жильем, средствами передвижения. Однако появление каждого паломнического каравана в Тибете должно было предварительно согласовываться с Пекином; это означало, что приход таких караванов полностью зависит от доброй воли императора.

Первый джунгарский паломнический караван появился в Тибете в ноябре 1743 года. Джунгарские богомольцы побывали на аудиенции у Далай-ламы VII и на приеме у Полханаса, которому попытались передать ценные подарки от Галдан-Цэрэна, формально предназначенные для реставрации одного из буддийских храмов. Но Полханас отказался принимать подарки без разрешения цинского императора. Несколькими днями позже джунгары попросили Полханаса сообщить им о нуждах тибетской церкви, которой, по их словам, Галдан-Цэрэн желал оказать помощь. Но Полханас отверг любую помощь, полученную не из Китая. За день до отъезда джунгарские паломники еще раз посе-

тили Полханаса и завели с ним беседу о джунгаро-китайских отношениях. Полханас в разговоре высказал похвалы императору и привел факты, доказывавшие выгоду цинского протектората для Тибета. Когда же джунгары стали расхваливать боевые качества новой тибетской армии, Полханас с иронией заметил, что она была создана благодаря джунгарскому вторжению и заботе цинского императора. Лхасский амбань Сопай, разумеется, доложил в Пекин о поведении Полханаса во время встреч с джунгарами, и позиция тибетского правителя встретила при дворе полное одобрение.

Кроме того, Полханас, действуя по собственной инициативе, принял беспрецедентные меры предосторожности во время пребывания джунгарского каравана в Тибете: столица была окружена сетью военных постов, которыми руководил его старший сын Ешей-Цэбдан.

В декабре 1743 г. джунгарский паломнический караван отправился в обратный путь, хотя и в несколько уменьшенном составе. Среди паломников, прибывших в Тибет с джунгарским караваном, было несколько лам, выходцев из Тибета и Ладака, которые много лет провели в Джунгарии, а теперь решили вернуться на родину. В Пекине подозревали, что эти ламы были специально посланы Галдан-Цэрэном в Тибет, чтобы вести разведывательную или антикитайскую деятельность. В связи с этим император Хун Ли приказал отправить подозрительных священнослужителей в Пекин. Полханас, возражая против этого решения, сообщил в Китай, что ладакские ламы хорошо известны в монастыре Ташилунпо; что высылка ладакских лам может быть негативно воспринята в Ладаке, откуда идет чрезвычайно полезная информация о передвижениях джунгаров в Восточном Туркестане. Ознакомившись с докладом Полханаса, император Хун Ли приказал оставить ладакских лам в монастыре Ташилунпо, но под надежным присмотром.

В феврале 1745 г. в Пекин прибыло джунгарское посольство. Послы передали императору Хун Ли благодарность за помощь, оказанную джунгарским паломникам на пути следования в Тибет и обратно, но одновременно выразили недовольство самовольными и недоброжелательными действиями Полханаса. Император Хун Ли отверг обвинения в «самовольстве»: он заявил, что Полханас следовал предписаниям из Пекина, и не более

того. Просьба Галдан-Цэрэна о присылке из Тибета нескольких ученых лам для поддержания в Джунгарии буддизма вызвала у подозрительного монарха раздражение: он заявил, что ни один тибетский лама не желает ехать в Джунгарию после того погрома монастырей, какой учинили джунгары в Тибете в 1717–1720 годы. При этом император Хун Ли сослался на официальное заявление Полханаса по данному вопросу.

Полханас, несмотря на наличие мирного договора между Цинской империей и Джунгарским ханством, продолжал демонстрировать Цинам свою неприязнь к джунгарам и готовность дать им отпор. В 1745 г. он выдвинул проект строительства укрепления на севере Тибета, в районе Хаджир. Император усомнился в целесообразности создания новой крепости, но приказал Полханасу отправить офицера с 15-ю солдатами в район р. Муруй-усу (Бричу), где они должны были в течение лета собирать информацию о джунгарских передвижениях.

Другой задачей Цинов в Тибете (а следовательно, и правительства Полханаса) было превращение тибетской буддийской церкви в инструмент «умиротворения варваров», то есть прежде всего монголов. Но, если в сфере внешней политики личные интересы Полханаса и интересы Цинской династии безусловно совпадали, то во втором случае процесс носил не столь явный характер, был более сложным.

Полханас, несомненно, верующий человек, считался приверженцем Гелугпы; в то же время он, как говорилось выше, получил начальное образование в монастыре Мингрол-глин, относившемся к секте Нинмапа, и всю жизнь симпатизировал этой секте. Во времена джунгарского террора в Тибете он, рискуя головой, спас от ареста одного из иерархов монастыря Дорсже-браг. Полханас был единственным, кто выступил в 1726 г. на заседании Кашага против указа императора Инь Чжэна о начале репрессий против секты Нинмапа. Вполне понятно, что его откровенные симпатии к Нинмапе вызывали определенную настороженность со стороны иерархов Гелугпы, и прежде всего – со стороны Далай-ламы VII. Эта идейная неприязнь между главой церкви и руководителем государства переросла в личную неприязнь после ссылки Далай-ламы VII в Гарта. Полханас не был виновен в изгнании иерарха из столицы, более того, он просил цинских представителей не делать этого; но объективно устрани-

ние главы церкви и его вездесущего отца помогало Полханасу сосредоточить власть в своих руках.

В связи со ссылкой Далай-ламы VII одной из главных задач внутренней политики Полханаса стало установление дружественных отношений с буддийским духовенством, и прежде всего с великими монастырями Гелугпы. Полханас был прекрасно осведомлен о той роли, какую сыграли монастыри Гелугпы в появлении джунгаров в Тибете в 1717–1720 гг., и не хотел ссориться с духовенством. В 1729 г. он передал монастырю Дрепунг богатые земли с зависимым населением в долине Тодлун; щедрое земельное пожертвование получил и монастырь Сэра. Ряд монастырей в Цзане, пострадавших от джунгарского нашествия и гражданской войны, были отреставрированы. Полханас делал щедрые денежные пожертвования монастырям, субсидировал из казны проведение буддийских праздников и т. п. Щедрость нового правителя в отношении церкви отмечена во многих тибетских источниках. Не забывал Полханас и об официальных визитах к Далай-ламе VII и Панчен-ламе II (а после 1737 г. — к Панчен-ламе III); эти посещения, сопровождавшиеся богатыми дарами, должны были свидетельствовать об уважении главы правительства к руководителям церкви. Для кукурнорских князей, приезжавших в Лхасу и Ташилунпо в качестве паломников, Полханас устраивал пышные приемы и красочные представления.

Несомненно, что Полханасу удалось добиться если не дружественного, то, по крайней мере, уважительного отношения к себе со стороны тибетского духовенства. Это отношение клира к главе правительства еще более укрепилось, когда Полханас приступил к грандиозному, дорогостоящему и, с точки зрения буддистов, святому делу — изданию канонического свода религиозной литературы и толкований к нему — «Ганьчжура» и «Даньчжура». Изготовление деревянных блоков для печатания «Ганьчжура» было начато в 1730 г. и закончено в 1732 г.; блоки были освящены Панчен-ламой II и помещены в монастырь Нартанг (западнее Шигадзе). Блоки для «Даньчжура» были закончены в 1742 г. и освящены Далай-ламой VII.

Полханас, как и его первый покровитель Лхавзан-хан, был весьма терпим к другим религиям; так, во время его правления в Тибете свободно действовала католическая миссия (орден ка-

пуцинов). В 1707 г. капуцины впервые появились в Тибете; они несколько раз прекращали свою работу и выезжали из страны, но затем возвращались. Им удалось обратить небольшую группу тибетцев в католическую веру, что вызвало враждебность к миссионерам со стороны буддийского монашества. Полханас, не желая ссориться с тибетским духовенством, уступил его требованиям: новообращенные тибетцы были арестованы и подвергнуты телесным наказаниям, а для миссионеров созданы столь жесткие условия, что они были вынуждены покинуть страну в 1745 г., на этот раз окончательно.

Проводившаяся Полханасом политика сближения с буддийским духовенством, задаривания его, ничем не отличалась от аналогичной политики цинских императоров. В то же время щедрость Полханаса не могла скрыть того факта, что церковь все более оттесняется от решения общегосударственных дел. И в этой ситуации многое зависело от позиции Далай-ламы VII, за которым послушно следовало духовенство Гелугпы.

Далай-лама VII, большую часть своей жизни проведший вне Лхасы, считал несправедливым свое отстранение от государственных дел; но, не рискуя сопротивляться цинскому двору, он обратил свой гнев против Полханаса. По его мнению, Полханас старался урезать даже ту скромную автономию, какая была оставлена Далай-ламе VII Цинами: он открыто возмущался тем, что Полханас следит за каждым его шагом, ограничивает его свободу, наказывает его подчиненных и т. п. С течением времени взаимная неприязнь нарастала, и глава церкви, не имея другой возможности бороться с главой правительства, стал обращаться с жалобами на него в Пекин.

В столице империи конфликт между двумя крупнейшими деятелями Тибета был воспринят с большой тревогой, поскольку он ставил под вопрос проведение цинской политики не только в Тибете, но и во всей Центральной Азии. В китайской внешней политике было принято уделять огромное внимание историческим прецедентам; данная ситуация сразу же вызывала аналогию со «Смутным временем» начала XVIII в., когда противостояние церковной и светской власти в Тибете привело к джунгарской интервенции. Император Хун Ли направил личное послание Полханасу, призывая его наладить отношения с Далай-ламой VII ради спокойствия в стране.

Между тем многолетняя тишина в Тибете стала нарушаться мелкими, но досадными для Пекина инцидентами. В 1745 г. произошло локальное восстание в Гьянцзе, где был убит местный администратор; восстание было быстро подавлено, а его участники наказаны. Постепенно стали опасными коммуникации между Центральным Тибетом и провинцией Сычуань, так как в Восточном Тибете появилось множество разбойничьих шаек. Предводитель одной из таких шаек, некто Пань-гунь, будучи разгромлен китайскими карательными войсками, бежал в Тибет в поисках убежища. Когда Полханас попытался заступиться за беглеца, император Хун Ли в своем послании сурово отчитал его. С точки зрения императорского двора попытка «мятежников» укрываться в Тибете могла стать чрезвычайно опасным прецедентом, тем более, что в 1747 г. в западной части провинции Сычуань произошло знаменитое Цзиньчуаньское восстание.

Таким образом, налицо было нарушение спокойствия в Тибете, что, вероятно, при цинском дворе относили к последствиям разлада между Полханасом и Далай-ламой VII.

Неизвестно, чем завершился бы конфликт Полханаса и Далай-ламы VII, так как 12 марта 1747 г. правитель Тибета скончался.

Рассматривая деятельность Полханаса в качестве администратора Тибета, следует отметить, что он сделал немало полезного для своей страны: хозяйство страны, дезорганизованное в результате джунгарской оккупации и гражданской войны, было восстановлено; вновь воцарились закон и порядок; торговля стала безопасной; из страны было выведено большое количество цинских войск. Во времена Полханаса в стране была создана небольшая тибетская армия, способная охранять свои границы. Успешно развивались отношения Тибета с южными и западными соседями.

В то же время нельзя не видеть, что вся деятельность Полханаса, в какой бы сфере она ни осуществлялась, соответствовала планам и целям Цинской династии: создание тибетской армии означало сопротивление Тибета любому нападению извне, что уменьшало опасность для Собственно Китая; более тесные связи с пригималайскими государствами означали создание особого пояса из стран — «внешних вассалов», что опять-таки укладывалось в китаецентристскую схему взаимоотношений с внешним миром. Установление Полханасом нормальных личных от-

ношений с тибетской церковью в целом (несмотря на личную неприязнь к Далай-ламе VII) также означало добросовестное выполнение курса Пекинского двора на подчинение и использование в имперских целях духовного авторитета церкви.

Цинские императоры в период правления Полханаса вели себя в Тибете как хозяева: аннексировали значительную часть тибетской территории, отправили в ссылку главу тибетской церкви и, в противовес ему, попытались возвысить Панчен-ламу II, установили в Тибете должности наблюдателей-амбаней, обязали Далай-ламу и Панчен-ламу, равно как и Полханаса, посылать в Пекин дань один раз в два года и т. п. Несмотря на частое упоминание в императорских указах буддийской религии и обещаний покровительства ей со стороны династии Цин, можно с полной уверенностью утверждать, что в период правления Полханаса между цинскими монархами и тибетскими иерархами не сложились отношения «лама – милостынедатель», зато налицо были отношения типа «вассал – сюзерен».

В том, что тибето-китайские отношения развивались именно таким образом, была немалая заслуга Полханаса. В характере Полханаса можно отметить такие черты, как личную смелость, веротерпимость, верность долгу (понимаемую как преданность сюзерену); в то же время этот тибетский аристократ был готов служить иностранцам – сначала хошоутам, а затем китайцам, стремясь прежде всего к личной власти. Несмотря на широкую автономию, предоставленную Цинами Тибету, деятельность Полханаса объективно способствовала дальнейшему усилению китайского протектората.

СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТИБЕТА В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Правление Полханаса, длившееся почти два десятилетия, способствовало стабилизации тибетского общества и развитию его экономики.

Социальная структура тибетского общества к середине XVIII в. имела все основные черты феодализма. Общество подразделялось на два класса: класс феодалов (светских и духовных) и класс феодально-зависимого трудового населения. К светским феодалам относились аристократические семейства, преобладавшие в той или иной провинции, которым подчинялись средние и мелкие феодалы. Аристократические дома владели наследственными землями и замками, передававшимися из поколения в поколение; часть принадлежавшей этим семействам земли передавалась в качестве награды за службу вассалам из числа мелких и средних феодалов. Начиная с момента образования тибетского централизованного государства в XVII в., мелкие и средние феодалы, назначенные на какой-либо государственный пост, стали получать поместья как натуральную плату за чиновничью службу.

Феодально-зависимое население Тибета делилось на несколько категорий (сословий) по роду занятий: крестьяне (земледельцы и скотоводы), ремесленники, купцы, воины, духовенство и т. д.

Основным занятием тибетского крестьянства было земледелие: выращивались ячмень, гречиха, пшеница, бобовые овощи; в некоторых горных долинах, наиболее укрытых от ветров, выращивались яблоки, груши, грецкий орех и виноград. Земледелие было богарным; земля обрабатывалась при помощи плуга, который тянули два быка. Земля в верховном смысле принадлежала государству, но фактически аристократические кланы считали ее своей собственностью и распоряжались по своему усмотрению. Такую землю государство могло конфисковать только в случае серьезных преступлений (измены, мятежа и т. п.).

Крестьяне, сидевшие на казенной земле или земле местного феодала, обычно передавали свой надел по наследству и были фактически прикреплены к земле. В каждом районе (дзоне) име-

лись списки крестьян с указанием обрабатывавшихся ими земель и взимавшегося с этих земель налога.

Как отмечает побывавший в Тибете С.Ч. Дас, «в самые благоприятные годы государство берет две трети всей жатвы – максимум, который только допускается»⁷. Крестьяне должны были также выполнять разного рода повинности в пользу государства, среди которых одной из самых тяжелых была «ула» (поставка верхового и вьючного скота для перевозки чиновников и правительственных грузов). На особенно трудных участках горных дорог, где не могли пройти ни лошади, ни яки, грузы доставлялись с помощью носильщиков, причем оплата их труда возлагалась на окрестных крестьян.

Вторым по степени важности занятием крестьянства было скотоводство. Оно имело экстенсивный характер: на высокогорных пастбищах разводились яки, лошади, овцы, ослы, козы. Як давал тибетцам мясо и молоко, кожу и шерсть, и даже топливо (сушеный помет); як использовался и как тягловое, и как вьючное животное; ячьи хвосты пользовались спросом в Индии и Китае. Правительство не взимало со скотоводов особого налога, но заставляло пастухов пасти стада, принадлежавшие государству.

Другим занятием тибетцев было ремесло: обработка кожи и шерсти, изготовление тканей, ковров, одежды, посуды, кузнечных и ювелирных изделий, обработка дерева и камня и др. Ремесленники, изготовлявшие и сами продававшие свои товары, объединялись в цехи; они, как и прочие горожане, платили посемейный налог и несли повинности. Ремесленники, чья деятельность была связана с убийством животных и изготовлением орудий убийства (кожевники, кузнецы), считались людьми низких профессий и не пользовались в обществе уважением.

В Тибете, несмотря на крайне трудные дороги, существовала развитая внутренняя и внешняя торговля. Скотоводы нуждались в продуктах земледелия, и наоборот; и те, и другие в равной степени испытывали потребность в товарах, производившихся городскими или монастырскими ремесленниками. Торговля носила как меновой, так и денежный характер: валютой слу-

⁷ Дас С.Ч. Путешествие в Тибет. СПб., 1904. С. 240.

жили золотой песок, китайское весовое серебро, непальские монеты. В столице и других крупных городах имелись рынки или торговые ряды.

Внешняя торговля велась с пригималайскими странами и Китаем; из Китая ввозили чай, сахар, фарфор, шелк и хлопчатобумажные ткани; из пригималайских стран доставлялись рис, пряности, предметы роскоши и т. п. Иностранцы и местные купцы должны были платить определенные пошлины («мостовую», годовую, с лавки).

Значительная часть тибетского населения была связана с монастырями. По данным К.В. Кюнера, общая численность тибетского населения составляла в середине XVIII в. 1,5 млн человек; если взять для примера Центральный Тибет, то соотношение лам и мирян было следующим: в Уе — 302 500 и 602 190 человек, а в Цзане соответственно 13 700 и 33 700 человек.

Основной формой организации тибетского духовенства (независимо от принадлежности к той или иной секте) была монашеская община. В Тибете имелись сотни монастырей, в основном мужских, хотя было небольшое количество и женских. Настоятель монастыря был лицом выборным, но итоги выборов утверждались главой секты. Настоятель имел в своем подчинении ряд монастырских чиновников: руководителя религиозного обучения, руководителя церемоний, духовного судью, казначея, двух экономов. Рядовое монашество было многослойным: ниже всех располагались кандидаты в послушники, затем кандидаты в монахи (то есть принявшие небольшое число обетов) и, наконец, полноправные монахи (принявшие максимальное число обетов).

Будущий монах начинал курс монастырского обучения обычно в возрасте 5–6 лет: он получал новое имя, учился писать, читать и запоминать наизусть религиозные тексты. Пройдя этот элементарный курс обучения, послушник принимал обет гэцула (неполноправного монаха) и переходил на более высокую ступень обучения. Достигнув совершеннолетия (18–20 лет), он принимал обет гэлуна (полноправного монаха). Большинство монахов на этой ступени останавливались, но особо талантливые или честолюбивые могли изучать дополнительные религиозные дисциплины, осваивать тексты философского и теологического содержания. Такой монах мог получить степень

мастера метафизики (лхарам геше) и встать во главе дацана или даже монастыря.

Обязанности монашества не сводились лишь к богослужениям: они могли заниматься преподавательской деятельностью в монастырских университетах, проповедовать буддизм в качестве миссионеров, играть роль дипломатов, выполняя поручения главы секты в других странах, заниматься хозяйственной, административной и даже военной деятельностью. В каждом большом монастыре имелись военизированные отряды монахов, выполнявших обязанности сторожей, надзиравших за порядком во время религиозных празднеств и т. п. Монахам не возбранялось заниматься мелкой торговлей, гаданием, лечением, изготовлением скульптур буддийских божеств и так далее, но в любом случае часть своего дохода или выручки монах должен был передавать монастырю. В старых сектах, где монашеская дисциплина была не слишком строгой, монахи могли жениться, жить в деревне и заниматься сельским хозяйством.

Доходы, поступавшие в результате деятельности каждого монаха, пожертвования богомольцев и паломников, равно как и субсидии со стороны местных и центральных властей, скапливались в монастырях в виде огромных богатств. Разумеется, особо богатыми были так называемые «великие» монастыри: Галдан, Сэра, Дрепунг, Ташилунпо. Но и менее значительные монастыри имели земельные владения с приписанными к ним крестьянами, которые обрабатывали монастырскую землю, пасли монастырский скот и обязаны были отдавать монастырю определенное количество ячменя, масла, шерсти и т. п. Как отмечает один из историков, «на обязанности монастырских крепостных лежат и другие работы в пользу монастыря: они вырабатывают шерстяные материи, производят серебряные и горшечные изделия, работают в качестве плотников, каменщиков, кузнецов, ходят с монастырскими караванами»⁸.

Монастыри занимались также торговой и ростовщической деятельностью (за предоставление ссуды под залог земельной собственности монастыри взимали до 30 % годовых). При этом

⁸ Сувиоров Н.И. Тибет. СПб., 1905. С. 61.

они еще получали субсидии из государственной казны и были освобождены от уплаты общегосударственных налогов.

Несмотря на определенные различия, существовавшие между сектами тибетского буддизма, светское население, слабо разбиравшееся в тонкостях догматики, относилось ко всем монахам с одинаковым уважением. В стране существовал обычай отдавать в монахи младших сыновей, поэтому почти каждая семья была связана с тем или иным монастырем. Хотя настоятелями монастыря становились, как правило, выходцы из аристократических родов, а положение рядового монаха мало чем отличалось от положения мирянина-простолюдина, тем не менее, талантливый человек «низкого» происхождения мог здесь добиться многого.

Китайское господство, установившееся в Тибете с 1720 г., абсолютно не затронуло и не изменило тибетскую экономику (не считая, разумеется, того, что значительная часть тибетской территории была аннексирована Китаем и, таким образом, налоги с этой территории не поступали в государственную казну Тибета). Изменения, совершенные Цинами в Тибете, относились к сферам государственного управления, армии и средств связи.

ЦИНСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ В ТИБЕТЕ (1720—1750 гг.)

ИМПЕРСКИЕ РЕЗИДЕНТЫ (АМБАНИ)

Начиная с 1723 г. в Тибете появились имперские представители (амбани). В отдельные периоды амбаней было двое (старший и младший), иногда имперский резидент не имел коллеги. Как правило, амбани находились в Тибете около трех лет, после чего возвращались на родину, а на их место присылались другие. Задачами амбаней в период правления Полханаса, а затем и его сына, было наблюдение за деятельностью тибетской администрации (с точки зрения лояльности тибетского чиновничества цинскому правительству) и выполнение роли дипломатического посредника между Пекином и Лхасой. Правом прямого вмешательства во внутритибетские события амбани в период 1723—1751 гг. не обладали.

Штат амбаней в Лхасе был невелик: при них имелось два старших клерка (цзаргучи), задачей которых было посещать те места Тибета, куда по каким-либо причинам не мог поехать амбань (например, монастырь Ташилунпо в Цзане). Имелось также несколько писарей (бичачи), составлявших доклады на имя цинского императора, адъютантов и слуг. В штат входил также военный помощник амбаней, который управлял китайским военным гарнизоном в Центральном Тибете.

КИТАЙСКИЙ ГАРНИЗОН

Китайский гарнизон в Лхасе появился в 1720 г., сразу же после изгнания джунгаров из Тибета, и был на время выведен в 1723 году. Однако после гражданской войны 1727—1728 гг. постоянный китайский гарнизон вновь появился в Центральном Тибете.

Цинский гарнизон состоял из маньчжурских и китайских солдат общей численностью до 1500 человек и до 1733 г. находился в Лхасе. В 1733 г. он был переведен за пределы города и размещен в казармах, построенных на равнине Гвабжи. Тогда же количество цинских солдат в Лхасе и Чамдо

было уменьшено до 500 человек. Амбани должны были периодически инспектировать гарнизонные войска, где бы они ни находились – близ столицы или в северном укрепленном районе.

Почтовая служба

Сразу же после захвата Тибета в 1720 г. китайцы создали почтовую службу того типа, который употреблялся в других частях Цинской империи (например, в Монголии). По маршруту Дацзяньлу – Литан – Батан – Лхари – Лхаса, через равные промежутки пути, были созданы почтовые станции, на которых путешественники могли получить кров, топливо, еду и свежих животных (вьючных и верховых). Охранялись станции китайскими солдатами, приписанными к гарнизонам Лхари и Чамдо. Однако в период гражданской войны 1727–1728 гг. китайская почтовая служба перестала действовать, а после войны Полханас создал собственную почтовую службу, действовавшую на основе повинности «ула». Эта новая почтовая служба контролировалась тибетскими властями и просуществовала до 1750 г. включительно.

Ч Ж У Р М Э Д – Н А М Ч Ж А Л

Вопрос о новом администраторе Тибета был решен цинскими властями еще при жизни Полханаса, который оставил после себя двух сыновей. Старший сын, Ешей-Цэбдан, занимал пост губернатора провинции Нгари; младший, Чжурмэд-Намчжал, избрал карьеру военного. Незадолго до смерти Полханаса Цины в качестве награды за особые заслуги предложили ему самому определить наследника, надеясь, вероятно, что он изберет самого достойного. Полханас выбрал младшего сына.

Старший сын, Ешей-Цэбдан, занимавший с 1729 г. пост губернатора Нгари, был опытным администратором, уважал духовенство и прислушивался к его мнению. Его младший брат Чжурмэд-Намчжал имел характер гордый, решительный и воинственный; занимая пост командующего северным укрепленным районом, он постоянно общался с дамскими хошоутами, перенял от них страсть к верховой езде и охоте, что в Тибете считалось грехом. Он мало обращал внимания на духовенство, проявляя лишь внешнюю почтительность. Полханас, избрав его своим преемником, аргументировал это тем, что Ешей-Цэбдан слаб здоровьем (он действительно страдал от ревматизма). Но, вероятно, на выбор Полханаса повлияло опасение, что старший сын может стать безвольным орудием в руках духовенства. Чжурмэд-Намчжал, разделявший неприязнь своего отца к Далай-ламе VII, казался Полханасу более подходящей кандидатурой.

Император Хун Ли согласился с выбором Полханаса. После смерти Полханаса император подтвердил свое решение: в июле 1747 г. в Лхасе было получено официальное сообщение о назначении Чжурмэд-Намчжала администратором Страны снегов. Одновременно с этим лхасскому амбаню Фусиню (с 1734 и по 1748 г. в Лхасе находился только один цинский резидент) было направлено письмо императора Хун Ли, в котором выражалось сомнение в административных способностях Чжурмэд-Намчжала. Фусинь должен был рекомендовать новому правителю оставить на постах министров прежних коллег Полханаса (Сригскод-Цэбдана, Цэрэн-Бангьяла, Доринга Пандиту и Бронцзана) ради сохранения преемственности в управлении страной. В Пекине также сочли необходимым командировать в Тибет второго амбана; на

этот пост был назначен уже служивший ранее в Тибете чиновник Сопай.

Довольно скоро цинскому императору стало известно, что отношения Чжурмэд-Намчжала с главой церкви столь же враждебны, как и во времена его отца. Амбань Сопай сообщил в Пекин, что, когда Далай-лама VII пожелал исполнить заупокойные молитвы в память о Полханасе, то Чжурмэд-Намчжал не дал на это согласия; лишь после того, как амбань Фусинь разъяснил Чжурмэд-Намчжалу неверность его поступка, последний принял предложение Далай-ламы VII. Но это было чисто внешнее, формальное примирение, на которое Чжурмэд-Намчжал пошел из тактических соображений.

После окончания длительных церемоний, связанных с похоронами отца и своим вступлением в должность, новому правителю пришлось заняться государственными делами, которые, как и во времена Полханаса, включали две главные задачи: укрепление обороноспособности страны и контроль за деятельностью буддийской церкви.

С проблемой обороны Тибета Чжурмэд-Намчжал был знаком в достаточной мере, поскольку провел немало времени на северных оборонительных рубежах. В связи с его отъездом в Лхасу, руководителем войск в районах Кара-усу и Тэнгри-нора был назначен зайсан Нагбан-Гэдун. Северная оборонительная система по-прежнему была предназначена для отражения возможного джунгарского вторжения: хотя после заключения мирного договора 1740 г. джунгары не тревожили границы Китая, тем не менее, Джунгарское ханство считалось потенциальным источником военной опасности.

Между тем ситуация в Джунгарском ханстве кардинально изменилась. После смерти Галдан-Цэрэна в 1745 г. в стране началась длительная феодальная междоусобица. На ханский престол вступил один из сыновей покойного Галдан-Цэрэна, Цэван-Дорджи Намчжал; но его жестокость и сумасбродство привели к тому, что джунгарские феодалы организовали заговор и в 1750 г. убили его. Ханом Джунгарии стал побочный сын Галдан-Цэрэна, Лама-Дорджи.

Однако и новый джунгарский хан не сумел стабилизировать политическую ситуацию в стране. Поскольку Лама-Дорджи был сыном наложницы Галдан-Цэрэна, джунгарские нойоны

считали для себя зазорным подчиняться человеку «низкого» происхождения. Возник новый заговор в пользу третьего сына, Цэвана-Даши, однако он оказался неудачным. Интриги феодалов, борьба за власть и неизбежно сопряженные с ними военные действия серьезно ослабили Джунгарское ханство, лишив его возможности заниматься внешней экспансией.

Вступив на престол после смерти своего отца, джунгарский хан Цэван-Дорджи Намчжал прислал в Пекин посольство с извещением о своем воцарении и с просьбой о пропуске в Тибет джунгарского паломнического каравана. Паломники должны были совершить обряды в связи с кончиной хана Галдан-Цэрэна и преподнести подарки тибетским монастырям. Император дал разрешение на посещение Тибета, одновременно приказав своим чиновникам принять необходимые меры предосторожности по пути следования паломнической миссии, а также в самом Тибете. Разумеется, в Пекине понимали, что 300 человек, входивших в состав миссии и обслуживающего персонала каравана, не представляют военной угрозы для Цинской империи; но каждое посещение джунгарами районов, населенных буддистами (монголами, тибетцами или фанями), предпринималось, по мнению Цинов, либо с подстрекательскими, либо с разведывательными целями.

Джунгарская миссия прибыла в Лхасу в январе 1748 года. В ее составе, помимо паломников-мирян и служителей, было несколько лам, из которых двое остались в Лхасе для расширения религиозного образования. Члены миссии были весьма радушно встречены Чжурмэд-Намчжалом, который устроил для них пышный прием во дворце Галдан-Кангсар. Джунгары приняли участие в религиозном празднике Монлам, были приняты Далай-ламой VII и Панчен-ламой III и преподнесли ценные подарки.

Поведение Чжурмэд-Намчжала в отношении джунгаров, столь разительно отличавшееся от поведения его отца, не вызвало никаких подозрений в Пекине. Возможно, это было связано с жалобами Чжурмэд-Намчжала, что прибытие джунгарского каравана было разорительным для Тибета в финансовом смысле. Император Хун Ли с готовностью отреагировал на эту жалобу: приход джунгарских караванов в Тибет впредь запрещался, а Чжурмэд-Намчжал и его министры в благодарность за хлопоты с караваном получили из Китая ценные подарки.

В том же 1748 г. Чжурмэд-Намчжал обратился в Пекин с просьбой о выводе из Лхасы цинского гарнизона ради облегчения тяжелого финансового положения Тибета. Император Хун Ли, видя, что Тибет находится в спокойном состоянии, несмотря на происходившее совсем рядом, в Западной Сычуани, восстание, решил удовлетворить просьбу Чжурмэд-Намчжала. Он приказал вывести из Тибета 400 солдат, оставив лишь 100 человек в качестве личной охраны цинских резидентов в Лхасе.

В 1747–1749 гг. в Западной Сычуани, в районе, населенном этническими тибетцами, произошло антицинское восстание. Здесь местные тибетские племена Цзучин и Цзуаньла проживали по берегам рек Дацзиньчуань и Сяоцзиньчуань (обе реки представляют собой верхнее течение р. Дадухэ, которая, в свою очередь, является левым притоком р. Янцзы); китайцам эти племена были известны по названиям рек. Вождь племени Цзучин (кит. Дацзиньчуань) по имени Солопан постепенно подчинил себе ряд племен, находившихся под юрисдикцией властей г. Дацзяньлу, и, усилившись, отказался подчиняться цинским властям. Он неоднократно разбивал цинские войска, отправленные для его «усмирения», и даже сумел внедрить в состав китайского карательного отряда своего человека, который сообщал повстанцам о планах цинского командования.

В 1748 г. командующим карательными войсками был назначен генерал Фу Хэн, который вызвал из отставки Юэ Чжунци, отличившегося в период подавления Кукунорского восстания 1723–1724 годов. Тусы Солопан, лишившийся к тому времени своего информатора в цинском лагере, стал испытывать сомнения в исходе борьбы. Он послал Юэ Чжунци просьбу о прощении, на что из Пекина последовал положительный ответ, при условии, что Солопан принесет присягу на верность Цинам. Солопан согласился, и борьба была временно прекращена.

В 1749 г. правитель Тибета Чжурмэд-Намчжал обратился в Пекин с просьбой разрешить отправку в Восточный Тибет, подпадавший под юрисдикцию сычуаньских властей, нескольких лам из секты Гелугпа. Он мотивировал необходимость этого шага желанием распространить «истинное» учение в районах с преобладающим влиянием «красных» сект. Вполне понятно, что проект Чжурмэд-Намчжала показался в Пекине странным: сам он никогда не был религиозным фанатиком, выступал на стороне

своего отца в ссоре с Далай-ламой VII, и естественно было ожидать от него такой же веротерпимости, какой отличался Полханас. С другой стороны, в Пекине было известие, что в период Цзиньчуаньского восстания местные ламы сыграли такую же антикитайскую роль, как и кукунорские ламы в 1723–1724 годы. Естественно, что у Хун Ли возник вопрос: какие скрытые цели преследует Чжурмэд-Намчжал, организовав эту «миссионерскую» экспедицию? Можно было предположить, что такими целями являются установление контактов с тибетскими повстанцами в Цзиньчуани, обещание им поддержки или убежища и т. п.

Правда, такие подозрения не были высказаны открыто, но император насторожился.

В 1749 г. в Тибет прибыл чиновник Цишань, сменивший на посту амбана Лабдона. Цишаню, наряду с прочими заданиями, было поручено следить за действиями молодого правителя и обо всем докладывать в Пекин. Цишань вскоре сообщил императору, что Чжурмэд-Намчжал по характеру горд и упрям, склонен к деспотическим методам правления и его подданные им недовольны. Даже с министром Дорингом Пандитой, женатым на дочери Полханаса, у Чжурмэд-Намчжала плохие отношения. Цишань предлагал вызвать из Нгари Ешей-Цэбдана, ввести его в правительство для ослабления практически единоличной власти Чжурмэд-Намчжала, но император счел эти действия поспешными и приказал продолжать наблюдение.

Вероятно, для Чжурмэд-Намчжала не являлось секретом то, что цинский резидент посылает о нем в Пекин весьма не лестные отзывы. Он довольно просто решил эту проблему, передав Цишаню большое количество ценных «подарков». После этого отзывы Цишаня о тибетском правителе принципиально изменились. Однако в Пекине заподозрили неладное, и Цишань, обвиненный в получении взяток и упущениях по службе, был смещен со своего поста. Его заменил на посту амбана Лабдон, а вторым амбанем был назначен Фусинь.

Тем временем Чжурмэд-Намчжал начал борьбу за установление своего единоличного правления в Тибете. Соратники Полханаса, лояльные, как и их покойный начальник, к династии Цин, мешали ему в борьбе за ликвидацию цинского протектората. Амбаны сообщали в Пекин, что молодой правитель проводит репрессии в отношении тех, кто в прошлом служил Полханасу:

их лишали имущества, смещали с постов, бросали в тюрьму, а то и убивали. Члены Совета министров, назначенные еще Полханасом, были недовольны поведением правителя, но молчали, опасаясь за свою жизнь.

Даже Ешей-Цэбдан, старший брат Чжурмэд-Намчжала, казался правителю препятствием на пути к авторитарной власти. В 1749 г. в Пекине была получена жалоба Чжурмэд-Намчжала, в которой говорилось, что Ешей-Цэбдан притесняет монастыри в провинции Нгари, разоряет торговцев, перекрывает дороги, связывающие запад с Центральным Тибетом. В связи с этим, писал Чжурмэд-Намчжал, он уже начал собирать войска для защиты населения Нгари. Но император помнил неблагоприятные отзывы амбаней о тибетском администраторе и не спешил с выводами. Он приказал вызвать губернатора Ешей-Цэбдана в Лхасу для дачи объяснений, а в Нгари велел отправить специального человека для расследования дела на месте.

Такой ответ императора, разумеется, не устраивал Чжурмэд-Намчжала, поскольку его наветы в адрес старшего брата могли быть легко разоблачены. Понимая, что в случае смерти брата надуманные обвинения опровергнуть будет сложнее, Чжурмэд-Намчжал направил своих людей с приказом убить Ешей-Цэбдана. Приказ был выполнен 25 января 1750 г., хотя тибетскому населению и цинскому императору было сообщено, что Ешей-Цэбдан скончался от болезни. Неизвестно, поверили ли в эту версию церковные иерархи Тибета и светские аристократы, знавшие об отношениях между братьями, но открытых разоблачений с их стороны не последовало.

Поскольку провинция Нгари осталась без губернатора, Чжурмэд-Намчжал направил туда своего сына Даргьяс-Церина и установил над ней свой контроль.

Информация, поступавшая из Тибета, убедила императора Хун Ли, что политическая ситуация в Стране снегов осложнилась. Лхасским амбаням Фусиню и Лабдону было приказано внимательно следить за развитием событий и «действовать по обстоятельствам». Это неопределенное указание означало, что амбани получали весьма широкие полномочия, фактически карт-бланш в своих действиях.

Начиная с апреля 1750 г. Чжурмэд-Намчжал провел ряд мероприятий, имевших ярко выраженный военный характер: он

посетил северный район Садга, находившийся примерно на середине пути между Лхасой и Нгари, а затем район Кара-усу. Затем он побывал в Гьянцзе (провинция Цзан). В июне 1750 г. амбани Фусинь и Лабдон сообщили в Пекин, что Чжурмэд-Намчжал вывел войска и артиллерию из Лхасы, затем перебросил 1500 солдат из Конпо в Уй, подготовил большое количество пороха. Разумеется, вся эта военная активность могла рассматриваться в Пекине как укрепление обороны Тибета, однако внутренняя ситуация в Джунгарском ханстве в тот момент исключала нападение на Тибет. Император приказал амбаням расследовать суть дела после возвращения правителя в столицу.

Между тем Чжурмэд-Намчжал явно избегал появления в столице, предпочитая находиться с крупным войском в Цзане. Осенью 1750 г. власти провинции Сычуань сообщили в Пекин о поступивших из Тибета слухах, будто Чжурмэд-Намчжал открыто похвалялся вырезать всех китайцев, находившихся в Лхасе. Затем связь с Тибетом была полностью прервана, так как система почтовых станций, подведомственная тибетскому правительству, была закрыта по приказу Чжурмэд-Намчжала.

Между тем развитие событий в Тибете достигло критической черты. 11 ноября 1750 г. Чжурмэд-Намчжал вернулся, наконец, в Лхасу, и был сразу же приглашен амбаниями в их резиденцию (якобы на совещание). Захватив с собою несколько человек, Чжурмэд-Намчжал явился к амбаням, был проведен во внутренние покои и там убит Фусинем и Лабдоном. Сопровождавшие его люди были также перебиты, за исключением мелкого чиновника по имени Лобцзан-Даши, которому удалось бежать из резиденции. Он собрал в городе толпу тибетцев и призвал отомстить китайцам за смерть правителя; резиденция амбаней была окружена, подверглась обстрелу, а затем подожжена.

Амбани Фусинь и Лабдон послали своего чиновника к калону Дорингу Пандите, предлагая ему временно взять на себя руководство страной и восстановить порядок. Но Доринг Пандита оказался не готов к такой роли: он отправился за советом к Далай-ламе VII, который послал своих приближенных успокоить разъяренную толпу. Однако все усилия усмирить восставших были напрасны. Тогда Далай-лама VII приказал развесить по стенам домов прокламации, гласившие, что Чжурмэд-Намчжал был казнен за свои прегрешения, а те, кто поднял руку на китайцев,

не избегнут сурового наказания. Затем он вышел из Поталы и обратился к толпе со словами умиротворения. Но результат был плачевным: негодующие тибетцы сорвали со стен прокламации и, угрожая самому главе церкви, вынудили его укрыться в Потале. Амбани были обречены: они погибли вместе с 50 военными и 77 гражданскими китайцами. Казна амбаней была разграблена повстанцами.

На другой день Лобцзан-Даши, не чувствуя за собой никакой реальной силы, решил укрыться от мести Цинов в Джунгарии. Он собрал наиболее активных участников восстания и двинулся с ними на север. После их ухода из столицы Далай-лама VII взял власть в свои руки: он назначил министра Доринга Пандиту временным главой правительства (до прибытия китайских чиновников), приказал объявить по всей стране, что Лобцзан-Даши и его сторонники являются мятежниками и им нельзя предоставлять помощь или убежище. В конце ноября Лобцзан-Даши и другие участники восстания были схвачены и посажены в тюрьму. Большая часть разграбленных из резиденции амбаней денег была возвращена.

В Пекине об убийстве Чжурмэд-Намчжала и амбаней стало известно 12 декабря 1750 г. из доклада сычуаньских властей. В докладе сообщалось также о назначении Далай-ламой VII министра Доринга Пандиту временным главой правительства, о присяге на верность, принесенной ему тибетским чиновничеством, и о приказе Далай-ламы VII служителям почтовых станций сотрудничать с китайцами по-прежнему. Поначалу император Хун Ли решил отправить в Тибет довольно значительный (по тибетским меркам) воинский контингент численностью в 5 тыс. человек; однако через некоторое время, взвесив финансовые последствия такой экспедиции, император отменил первоначальный приказ. Антидинское восстание, занявшее всего один день, закончилось поражением и восстановлением процинского режима, поэтому задача заключалась всего лишь в наказании явных «бунтовщиков» и реорганизации системы управления страной. По рекомендации генерал-губернатора провинции Сычуань Цэрэна было решено уменьшить военный отряд, направлявшийся в Тибет, до 800 человек. Принято также решение создать чрезвычайную комиссию из четырех человек (Цэрэн, Намчжал, Чао Хуй и Баньди), которая должна была наказать участников бунта и пере-

смотреть систему управления Тибетом. Об этих решениях цинского двора было сообщено сычуаньским и тибетским властям.

Получив приказ, генерал-губернатор Сычуани Цэрэн двинулся с отрядом в Тибет. Но еще до его прибытия в Лхасу, в тибетской столице 19 января 1751 г. появился цинский чиновник Баньди, который был послан осенью 1750 г. для расследования деятельности Чжурмэд-Намчжала. Ничего не зная о проекте создания комиссии из четырех человек, Баньди провел собственное расследование, применяя пытки во время допросов. 25 января 1751 г. состоялась казнь горожан, участвовавших в коротком лхасском восстании.

В феврале 1751 г. в Тибет прибыли остальные члены цинской комиссии, и началось более детальное расследование событий, приведших к восстанию в Лхасе. Была доказана полная невиновность и лояльность Цинам Ешей-Цэбдана. Следствие обнаружило факт переписки Чжурмэд-Намчжала с правителем Джунгарского ханства и взаимного обмена подарками. Глава тибетского правительства обращался к джунгарам с просьбой прислать некоторое количество джунгарских войск, снабженных артиллерией, в Тибет; они должны были находиться там под видом местных жителей до решающего момента. Гонимые Чжурмэд-Намчжала были схвачены на обратном пути их в Тибет.

Таким образом, доказательства джунгаро-тибетского сговора были налицо. Впрочем, Чжурмэд-Намчжал был плохим конспиратором и не раз публично хвастался обещанной джунгарами помощью. Неизвестно, действительно ли джунгарские феодалы намеревались участвовать в антицинском движении в Тибете: в 1750 г. в результате государственного переворота новым ханом стал Лама-Дорчжи (1750–1753), которому было явно не до Тибета. Но в любом случае связи Чжурмэд-Намчжала с джунгарами вызвали гнев цинского императора, который, вероятно, в душе винил себя за недалекость. Император Хун Ли приказал казнить жену Чжурмэд-Намчжала и его сына, конфисковать его родовые поместья; доходы от этих поместий были переданы в качестве платы солдатам и офицерам тибетской армии. Владения местной знати, отобранные бывшим правителем и розданные им своим сторонникам, были возвращены законным владельцам.

После завершения следствия по делу о мятеже встал вопрос о реорганизации системы управления Тибетом. 23 апреля 1751 г.

император получил доклад, в котором были изложены предложения комиссии. Комиссия рекомендовала сохранить Совет министров (Кашаг) в составе четырех человек; Совет министров должен был подчиняться Далай-ламе VII, а пост правителя («администратора Тибета») следовало упразднить. Губернаторы провинций должны были назначаться лично Далай-ламой VII и действовать в соответствии с указаниями министров и амбаней. Назначение глав монастырей относилось исключительно к компетенции Далай-ламы VII. Он же ведал состоянием государственных зернохранилищ и казной. Почтовая служба Тибета переходила в ведение китайских амбаней. Комиссия предложила распространить на дамских хошоутов (дамсоков) знаменную систему и передать их также под управление амбаней.

Император в целом одобрил проект, предложенный комиссией.

Итак, попытка Чжурмэд-Намчжала вернуть Тибету независимость закончилась полным провалом. Тибетская аристократия его не поддержала, что свидетельствовало, во-первых, об отсутствии в стране серьезной антицинской оппозиции, а во-вторых, о неумении правителя сплотить даже верхушечные слои тибетского общества. В немалой степени провалу намечавшегося переворота способствовала и позиция Далай-ламы VII, враждебно относившегося как к Полханасу, так и к его преемнику. Население страны в целом осталось равнодушным к смерти правителя, а однодневный бунт в Лхасе был, скорее, эмоциональной реакцией горожан на предательское убийство, чем антицинским восстанием.

В целом заговорщическая деятельность Чжурмэд-Намчжала принесла Тибету больше вреда, чем пользы: в результате проведенных Цинами реформ китайский протекторат в Тибете укрепился, и страна еще на шаг приблизилась к полной потере независимости.

В первый период цинского протектората в Тибете (1720–1750) Пекин делал ставку на сотрудничество с процински настроенными аристократами, оттесняя церковь в сферу чисто религиозной деятельности. В 1751 г. оказалось, однако, что Цины более не могут опираться на светскую аристократию, и в стране было восстановлено теократическое правление. Но Далай-лама VII недолго оставался номинальным главой тибетского государства: 22 марта 1757 г. он скончался.

Кончина Далай-ламы VII означала немедленный переход религиозных обязанностей главы церкви в руки Панчен-ламы III Балдан-Ешея (1738–1780). Он организовал поиск и проверку перерожденца покойного иерарха, лично санкционировал его избрание и дал ему имя Далай-лама VII Чжампал Чжамцо. Но, приняв на себя обязанности временного главы церкви, Панчен-лама III не считался главой государства: эту функцию, на период несовершеннолетия Далай-ламы VII, министры Кашага возложили на регента, носившего титул Демо Трулку Чжампал Делег.

1757 г. – год смерти Далай-ламы VII – был поворотным моментом для нескольких соседей Тибета: в этом году было практически закончено покорение Цинами Джунгарского ханства; в том же году начался процесс «самоизоляции» Китая от внешнего мира. В 1757 г. состоялась знаменитая битва при Плесси в Бенгалии. Каждое из этих событий оказало косвенное влияние на развитие Тибета: разгром Джунгарии означал, что северные рубежи Тибета более не нуждаются в защите; напротив, победа англичан в Бенгалии в 1757 г. привела к изменению международной обстановки к югу от Тибета. С точки зрения Цинов, с уничтожением Джунгарского ханства Тибет превратился в юго-западный форпост Цинской империи, призванный сдерживать любую угрозу, которая могла бы исходить со стороны пригималайских государств и Индии.

Формально пригималайские государства считались вассалами Тибета, а следовательно, и вассалами цинского императора. В реальной жизни этот вассалитет был чистой формальностью и нисколько не мешал «вассалам» воевать между собой и заключать мир, устраивать государственные перевороты, торговать и т. п.

Гораздо важнее были традиционные связи Тибета с этими государствами: культурные, торговые и религиозные.

Между тем политическая картина на территории к югу от Гималаев – привычная для тибетских иерархов и цинских императоров – во второй половине XVIII в. начала меняться. К югу от Тибета появились политические и военные силы, пока что прямо не угрожавшие благополучию Страны снегов, но заявившие о себе достаточно твердо.

Одной из этих сил было непальское княжество Горкха, правитель которого, Притхви Нараян, выступил в качестве объединителя страны. Он подчинил себе ряд независимых княжеств, в том числе и те, которые в Пекине продолжали числить в своих «данниках», и в 1769 г. перенес свою столицу в Катманду, став основателем шахской династии. Притхви Нараян был правителем всего Непала с 1769 по 1775 г.; при нем и его преемниках территория Непала неуклонно расширялась.

Другой силой была английская Ост-Индская компания, которая после 1757 г. захватила территорию Бенгалии и стала постепенно ставить под свой контроль другие индийские земли. Когда владения Ост-Индской компании приблизились к границам Непала, между англичанами и непальцами произошли столкновения. В 1767 г. непальцы нанесли поражение английской военной экспедиции, выдворили из страны торговцев и миссионеров, связанных с компанией, и прервали с ней торговые связи.

Изменение политической ситуации в странах южнее Гималаев заставляло тибетских руководителей, хотели они того или нет, определить роль и место своей страны в меняющемся мире. В этом вопросе между двумя центрами власти – Лхасой и Ташилунпо – обнаружились серьезные разногласия, которые ярко проявились к середине 70-х гг. XVIII века.

Регент Чжампал Делег, слепо повиновавшийся любым указаниям из Пекина, вполне разделял китайскую подозрительность ко всем иностранцам и стремление «изолироваться» от внешнего мира. Его, как и цинских амбаней, вполне устраивал мнимый вассалитет пригималайских стран по отношению к Тибету, а изменения на международной арене мало интересовали. Панчен-лама III, проживавший в Южном Тибете и лучше представлявший ситуацию к югу от Гималаев, напротив, считал, что Тибет не должен замыкаться в своих границах и утрачивать вли-

яние на страны, по отношению к которым он считался сюзереном. Не имея легальной возможности установить прямые контакты с правителями южных стран, Панчен-лама III избрал традиционную и неподконтрольную Лхасе форму общения с зарубежными государствами – паломнические миссии. Эти миссии, отправленные в 1771 и 1773 гг., помогли установить связь между Ташилунпо и правителями Непала, и индийского княжества Бенарес. Кроме того, случай помог установить контакты с английской администрацией Бенгалии.

В 1771 г. бутанский правитель Деб-Раджа Шидар (он же Деб-Джудхур) напал на маленькое индийское княжество Коч-Бихар, располагавшееся к югу от Бутана, взял в плен местного правителя Гхатику-раджу и отправил его в Бутан. Семейство свергнутого правителя обратилось за помощью к англичанам.

Узнав о бутанском набеге на Коч-Бихар, Панчен-лама III обратился с посланием к бутанскому правителю, настоятельно советуя ему освободить пленного раджу. В декабре 1771 г. Деб-Раджа Шидар прислал в Тибет гонцов с подарками и сообщением, что знатный пленник получил свободу.

Бутанский правитель, выполняя просьбу Панчен-ламы III, очевидно, полагал, что территория Коч-Бихара все равно останется за Бутаном. Но это княжество прилегало к владениям английской Ост-Индской компании, и англичане вовсе не собирались иметь у себя под боком агрессивного соседа. Генерал-губернатор Британской Индии У. Гастингс решил выполнить просьбу семейства Гхатики-раджи и направил сипайские войска для освобождения Коч-Бихара. Освободив княжество, английские войска захватили также значительную часть Бутана. Испуганный Деб-Раджа, не надеясь справиться с противником сам, обратился к Панчен-ламе III с просьбой о посредничестве. Такое же пожелание высказал непальский правитель Притхви Нараян, имевший дружественные отношения с бутанским правителем.

Посредничество являлось одним из традиционных приемов тибетской внешней политики и осуществлялось, как правило, высшими иерархами. К тому же о посредничестве просил вассал Тибета; отказ в просьбе мог привести к нежелательным для Тибета последствиям. Поэтому Панчен-лама III направил в Калькутту письмо, которое было доставлено адресату в марте 1774 года. Обращаясь к У. Гастингсу, тибетский иерарх просил не захваты-

вать Бутан, поскольку эта страна находилась в зависимости от Тибета, и гарантировал, что правитель Бутана не будет более проводить агрессивную политику.

Английская администрация в Индии не имела ни желаний, ни возможности для полного подчинения Бутана. 25 апреля 1774 г. между Бутаном и Ост-Индской компанией был заключен мирный договор на условиях, продиктованных англичанами (отказ от набегов на Коч-Бихар, выплата небольшой дани, установление торговых отношений между Бенгалией и Бутаном). Действия английской администрации, наиболее выгодные для нее в тот момент, внешне выглядели как ответный шаг на просьбу Панчен-ламы III.

Англичане были заинтересованы в том, чтобы их договор с Бутаном восприняли в Тибете именно в таком свете, поскольку хотели установить отношения с Тибетом.

Английская Ост-Индская компания ввозила из Индии в Китай некоторые местные товары: хлопок, слоновую кость и т. д. В 1773 г. она получила монопольное право на торговлю бенгальским опиумом и начала регулярно ввозить его в Китай. Однако, в связи с проведением Цинами политики «самоизоляции», торговля европейцев в Китае была ограничена пределами лишь одного южнокитайского порта Гуанчжоу (Кантона). Вполне естественно, что руководители Ост-Индской компании искали возможность установить торговые связи между Индией и Цинской империей по суше, а Тибет был ближайшей к Индии частью Цинской империи.

Письмо Панчен-ламы III оказалось на редкость удачным поводом для установления контактов англичан с Тибетом, и генерал-губернатор У. Гастингс не замедлил воспользоваться им. Он написал ответное письмо Панчен-ламе III, предлагая заключить договор о дружбе и торговле между Ост-Индской компанией и Тибетом. Для заключения этого договора из Калькутты в Тибет была направлена специальная миссия во главе с Джорджем Боглем.

В октябре 1774 г. миссия Дж. Богля вступила в Тибет. С декабря 1774 по апрель 1775 г. в монастыре Ташилунпо (близ г. Шигацзе) проходили переговоры между Дж. Боглем и тибетскими представителями. Главным вопросом, обсуждавшимся на переговорах, был вопрос о торговле между Бенгалией и Тибетом. Представители лхасского правительства отказались от заключения англо-тибетского договора, заявив, что такой вопрос не может

быть решен без санкции императора. Панчен-лама III горячо поддерживал идею установления торговых связей, но, не обладая светской властью, не мог реализовать ее. В то же время тибетский иерарх не считал положение совершенно безнадежным. Он полагал, что немедленное решение вопроса о торговле невозможно; но через несколько лет, по достижении Далай-ламой VIII совершеннолетия, регент будет отстранен от власти; и тогда, пользуясь своим духовным влиянием на Далай-ламу VIII, Панчен-лама III убедит Лхасу поставить этот вопрос перед императором. Согласие императора, как считал Панчен-лама III, будет получено благодаря влиянию на него главы Пекинского буддийского центра Чжачжа-хутухты II, с которым тибетский иерарх поддерживал дружеские отношения.

В апреле 1775 г. Дж. Богль и его спутники покинули Тибет. Миссия не выполнила поставленную перед ней задачу, но и не получила прямого отказа. Английская администрация в Индии уяснила, что зависимость тибетских властей от Пекина намного больше, чем полагали в Калькутте до 1775 года.

В 1777 г. умер регент Чжампал Делег. Далай-лама VIII принял религиозную власть над страной, но от выполнения светских обязанностей отказался под тем предлогом, что еще не завершил религиозного образования. В связи с этим был назначен второй регент, Нгаван Цултрим, связанный с монастырем Сэра.

Английская администрация в Индии полагала, что хорошие отношения, сложившиеся между Дж. Боглем и Панчен-ламой III, следует поддерживать и развивать, и 19 апреля 1779 г. генерал-губернатор У. Гастингс вторично назначил Дж. Богля главой миссии, направлявшейся в Тибет. Однако вскоре в Калькутту поступили известия об отъезде тибетского иерарха в Пекин, и отправка миссии была отменена.

Официальным поводом для поездки Панчен-ламы III в Китай было приглашение, присланное императором Хун Ли в связи с празднованием в 1780 г. 70-летия монарха. Далай-лама VIII, глава церкви, подобного приглашения не получил, поэтому логично предположить, что Цины продолжали свою политику противопоставления одного высшего тибетского иерарха другому.

В июле 1779 г. Панчен-лама III отправился в путешествие в сопровождении 500 монахов, 800 слуг, 100 солдат и 100 чиновников. Эта огромная экспедиция, сопровождавшаяся большим

обозом, медленно, с долгими остановками, двигалась через Ку-кунор, китайские провинции Шэньси и Шаньси, а затем по Внутренней Монголии. По пути следования Панчен-лама III принимал всевозможные знаки внимания и дары как от местных буддистов, так и от местной цинской администрации, обеспечившей путешественников всем необходимым. В июне 1780 г. в Жэхэ, в день, когда императору исполнилось 80 лет, произошла первая встреча тибетского иерарха с цинским монархом.

Во время пребывания в Жэхэ и в Пекине гости поднесли императору подарки и получили в ответ еще более ценные дары; банкеты и развлечения сменяли друг друга. Император вручил Панчен-ламе III диплом и печать, то есть выдал инвеституру как цинскому вассалу.

Таким образом, во время приезда Панчен-ламы III в Китай, как и во времена императора Фу Линя и «Великого Пятого», произошло совмещение двух подходов к международным отношениям: китайского, когда прибывший в Китай гость рассматривался как вассал, данник, что закреплялось вручением инвеституры, и тибетского, предусматривавшего установление отношений типа «лама – милостынедатель» – конкордата, не означавшего вассальной зависимости. Разумеется, конкордат времен Далай-ламы V и Фу Линя отличался от конкордата Панчен-ламы III и Хун Ли как небо от земли, и обе стороны это прекрасно сознавали. Панчен-лама III был действительно вассалом и ехал в Пекин как проситель.

Просьбы, высказанные Панчен-ламой III в беседах с императором, сводились к расширению автономии Тибета в рамках империи: он просил о расширении полномочий Далай-ламы, удалении из Тибета амбаней, разрешении въезда в Тибет иностранцев. Не была забыта и просьба Дж. Богля об установлении связей между Индией и Цинской империей через Тибет. Император как будто бы не возражал против предложений гостя; однако следует учесть, что меры, предлагавшиеся Панчен-ламой III, абсолютно не вписывались ни в общую политику «самоизоляции» империи, ни в тибетскую политику Цинов. Желание тибетского иерарха установить регулярные связи с английской администрацией в Индии при одновременном уменьшении цинского влияния в Тибете могло быть расценено в Пекине как попытка избавиться от китайского протектората вообще.

Неизвестно, какой выход нашел бы из этой ситуации император, но 12 ноября 1780 г. Панчен-лама III умер от оспы.

Возможно, что это и был тот самый выход, который наиболее устраивал цинского императора: ряд историков убежден, что смерть тибетского иерарха в 1780 г. — это политическое убийство. Правда, можно считать установленным, что Панчен-лама III скончался действительно от оспы, но заразить этой болезнью человека было не так уж сложно.

Как бы то ни было, смерть Панчен-ламы III снимала многие проблемы, вставшие перед императором Хун Ли в связи с Тибетом. Останки иерарха были помещены в золотой гроб и, после совершения многодневных заупокойных обрядов в Пекине, отправлены в Тибет вместе с огромным количеством подарков, полученных иерархом в период путешествия в Китай.

Панчен-лама III возглавлял буддийскую церковь Тибета в период, когда международная обстановка к югу от Тибета начала существенно меняться. Появление новых военных и политических сил южнее Гималаев могло привести к тому, что вся система номинального вассалитета близ южных границ Тибета могла быть нарушена. Панчен-лама III первым осознал эту опасность и попытался нейтрализовать ее дипломатическими мерами. Однако не только он, но даже и Далай-лама VIII не имел права заниматься внешнеполитическими вопросами без санкции китайского императора. Попытка же получить эти права и расширить автономию Тибета закончилась для Панчен-ламы III трагически.

ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ XVIII ВЕКА

Смерть Панчен-ламы III надолго затормозила развитие тибето-английских отношений. Кроме того, она вызвала раскол в семействе, к которому принадлежал покойный иерарх. Старший брат Панчен-ламы III, Чжунба, при жизни иерарха был администратором его владений и главным казначеем Ташилунпо. Он же стал регентом при малолетнем Панчен-ламе IV, сосредоточив в своих руках большие богатства (в том числе и подарки, полученные покойным иерархом в период поездки в Китай). Младший брат покойного иерарха, Шамарба, который был крупным перерожденцем секты Кармапа, счел себя обделенным, и в гневе отправился в Непал, где стал подстрекать непальцев к нападению на Тибет.

Отношения Непала и Тибета в 80-х гг. XVIII в. были довольно напряженными. Непал постоянно пытался подчинить себе пригималайские государства, традиционно находившиеся в сфере влияния Тибета. Помимо политических причин, вызывавших ухудшение тибето-непальских отношений, существовали и причины экономические.

Тибет с давних пор употреблял в качестве валюты непальскую серебряную монету, расплачиваясь за нее весомым серебром. Но начиная с середины XVIII в. непальские правители стали добавлять в серебро слишком много примесей, что вызвало в 1751 г. официальный протест тибетских властей. Когда в 1769 г. к власти в Непале пришел Притхви Нараян, он стал чеканить собственную монету с высоким содержанием серебра; он потребовал от Тибета, чтобы старые низкопробные монеты прежнего выпуска, имевшие хождение в Тибете, были обменены на новые по невыгодному для тибетцев курсу. Переговоры об обмене монеты тянулись более 10 лет, но результата достигнуто не было.

Приезд «обиженного» Шамарбы в Непал явился очень удобным поводом для предъявления Тибету новых претензий. Момент для нажима на Тибет был очень удобным: регент Нгаван Цултрим, человек хотя и пожилой, но очень энергичный, несколько лет уже находился в Китае, а Далай-лама VIII без него чувствовал себя беспомощным. Кашаг был устроен так, что ре-

шения в нем принимались только совместно, но большинство министров были людьми слабыми и нерешительными. Калон Доринг Тензин Пальчжор, самый молодой и энергичный, не мог в одиночку влиять на ход событий.

Шамарба и непальский правитель Бахадур-шах прекрасно поняли друг друга и стали действовать совместно. В 1788 г. непальцы направили тибетскому правительству послание, в котором потребовали изъять из обращения старую (низкопробную) непальскую монету и ввести новую, поставлять в Непал соль более высокого качества и т. п. В случае отказа непальцы угрожали захватить пограничные тибетские районы, а также задержать Шамарбу в качестве заложника.

Получив отказ на все свои требования, непальцы вторглись в Тибет; общее число непальцев достигало 8 тыс. человек, и в 1788 г. они быстро захватили три пограничных района. Небольшое тибетское войско под командованием калона Ютхока преградило захватчикам путь на Шигацзе. По просьбе лхасских амбаней, из Китая в Тибет были направлены войска под общим командованием вице-министра Лифаньюаня Ба Чжуна. Однако, придя в Тибет, китайцы провели восемь месяцев в полном бездействии, настаивая, чтобы тибетцы вступили в переговоры с врагом. Эта позиция китайцев вынудила тибетское правительство в конце концов вступить в переговоры с непальцами.

2 июня 1789 г. в Кийронге был подписан тибето-непальский договор, по которому испорченная монета изымалась из обращения; непальцы в Тибете получали серьезные торговые и юридические привилегии. За возвращение захваченных непальцами тибетских районов Тибет должен был платить ежегодную дань в 9600 тазлей серебра. Тибето-непальский договор 1789 г. был скреплен печатью Ба Чжуна, который убедил непальского правителя послать «данническую» миссию в Пекин. Ба Чжун фактически обманул императора, скрыв от него истинное содержание договора, унижительного для Цинской империи.

Для Тибета пункт о выплате громадной ежегодной дани был просто невыполнимым. Правительство с трудом собрало средства для выплаты первой дани, прибегнув к займам у монастырей и частных лиц, после чего непальцы ушли из страны, оставив после себя ограбленные и разрушенные районы. По просьбе

тибетских властей, из Китая вернулся регент Нгаван Цултрим, который стал готовить страну для отпора врагу. Но в апреле 1791 г. он умер, и страна вновь осталась без лидера (Далай-лама VIII по складу своего характера таковым считаться не мог).

Когда непальцы в очередной раз потребовали выплатить условленную дань, Совет министров отправил калонов Ютхока и Доринга Тензина Пальчжора для переговоров об уменьшении размера дани. Но когда тибетские представители прибыли на границу в июле 1791 г., они были внезапно схвачены непальцами и уведены в Непал. Это событие явилось началом второй непало-тибетской войны (1781–1793).

Захватчики не встретили особого сопротивления. 19 сентября 1791 г. непальские войска подошли к Шигацзе, центру провинции Цзан, близ которого располагается монастырь Ташилунпо. Монастырь был разграблен, но Панчен-лама IV успел бежать в Лхасу. В конце 1791 г. в армии захватчиков началась эпидемия, и непальцы, обремененные богатыми трофеями, стали отходить в южном направлении.

Император Хун Ли воспринял известие о новом нападении непальцев на Тибет очень серьезно: Тибет подвергся нашествию как часть империи, к тому же явно пострадала буддийская церковь. В таком состоянии Тибет не мог выполнять ни одну из функций, отведенных ему в рамках империи. К этому времени императору стало известно точное содержание непало-тибетского договора 1789 г., унижительного для Цинов. Император заявил в своем указе, что захват непальцами Тибета является серьезный ударом по интересам Цинской империи, поскольку через тибетскую церковь осуществляется влияние на монголов. Была собрана армия численностью в 17 тыс. солдат, во главе которой был поставлен опытный генерал Фу Канъань. Тибетских ополченцев набралось около 10 тыс. человек.

Китайско-тибетское войско не смогло сразу двинуться за ушедшими непальцами, поскольку горные перевалы были покрыты глубоким снегом. Зимой 1791–1792 гг. генерал Фу Канъань использовал для отправки писем в Бутан, Сикким и Индию; в письмах содержался призыв выступить совместно с цинскими войсками против непальцев. В Калькутту, помимо письма от Фу Канъаня, поступили также послания от Далай-ламы VIII и Панчен-ламы IV, в которых англичане предостерегались от оказания

помощи непальцам. Генерал-губернатор Индии Ч. Корнуоллис, не заинтересованный в участии в китайско-непальском конфликте, ответил нейтральным письмом.

В мае 1792 г. началось цинское вторжение в Непал. Несмотря на трудные условия горной войны, китайско-тибетская армия одержала ряд побед, быстро продвигаясь к непальской столице Катманду. В августе 1792 г., потеряв веру в успех, непальский правитель обратился с просьбой о помощи к британской администрации Индии. Узнав об этом, Далай-лама VIII еще раз попросил Ч. Корнуоллиса не помогать непальцам. Ч. Корнуоллис в ответ предложил конфликтующим сторонам свое посредничество, но оно оказалось ненужным.

30 сентября 1792 г. был подписан мирный договор между Цинской империей и Непалом. Согласно договору, Непал и Тибет не должны были впредь воевать друг с другом; между двумя странами устанавливалась четкая граница. Непал более не имел претензий, связанных с тибетской валютой или договором 1789 г., должен был вернуть ценности, захваченные в Ташилунпо. Непал признавал себя вассалом Цинов и должен был периодически посылать в Пекин даннические миссии.

После окончания непальского похода цинские власти решили наказать тех тибетцев, которые, по их мнению, были виновны в двукратном непальском вторжении в Тибет: таковыми были признаны Чжунба и Шамарба, а также два министра Кашага. Были наказаны и китайские амбани в Лхасе. Гнев императора вызвало то обстоятельство, что Тибет не справился со своей функцией «внешнего владения» и не смог дать отпор агрессору. Между тем виноваты в этом были цинские власти: небольшая, но боеспособная тибетская армия, созданная еще Полханасом, из-за безразличия амбаней постепенно развалилась. Император пришел к выводу, что Тибет нуждается в реформах.

Нововведения в Тибете начались с реформирования административной системы. Амбани получили самые широкие полномочия в управлении страной: они были приравнены к высшим церковным иерархам, в то время как остальные тибетские чиновники рассматривались как их подчиненные. Все чиновники, кроме самых низших, назначались Далай-ламой и Панчен-ламой совместно с амбанями; члены Совета министров назначались указом из Пекина по рекомендации амбаней.

Все контакты с иностранными государствами были поставлены под строгий контроль амбаней: Далай-лама не мог ни принять, ни отослать каких-либо писем или подарков без санкции амбаней. То же относилось и к министрам Кашага. Даже связи религиозного характера с пригималайскими государствами были поставлены под контроль имперских резидентов.

Было решено наладить в Тибете выпуск китайской валюты, а старые непальские монеты собрать и переплавить в новую валюту. Для устранения экономических причин непало-тибетских разногласий было решено не допускать более непальских торговцев в Тибет.

Тибето-непальские войны показали неэффективность тибетского ополчения. Вследствие этого было решено создать регулярное тибетское войско численностью в 3 тыс. человек, из которых половина вооружалась огнестрельным оружием, а другая половина – традиционным. Обучение тибетских воинов боевому искусству возлагалось на китайских и маньчжурских офицеров из гарнизонов, расквартированных в Тибете. Офицеры тибетского войска были тибетцами по происхождению, но подчинялись они китайским полковникам.

Рядовые воины получали натуральное довольствие, младшие и средние офицеры – жалованье серебром, старшие офицеры (дайбуны) – участки пахотной земли. В случае войны на помощь регулярной армии должно было прийти тибетское ополчение (около 64 тыс. человек).

Таким образом, административная, военная и прочие реформы должны были помочь Тибету выполнять одну из главных функций – защищать Собственно Китай. Что же касается второй важной функции Тибета – функции послушного Цинам идеологического центра, то здесь, по мнению императора, было далеко не все в порядке. Деятельность Панчен-ламы III и подстрекательство Шамарбы, родственные отношения между крупными иерархами Тибета – все это могло стать основой для антикитайского заговора.

В связи с этим в Пекине было решено поставить под свой контроль процедуру нахождения и избрания перерожденцев. В феврале 1793 г. император Хун Ли издал эдикт, в котором объявлялось, что, для пресечения в будущем возможных злоупотреблений при выборе перерожденцев, из Пекина в Лхасу будет дос-

тавлена золотая урна, которая должна быть использована для избрания перерожденца из нескольких заранее намеченных кандидатов. Кандидатуры перерожденцев заранее согласовывались с амбаниями; затем имена кандидатов, написанные на полосках бумаги, опускались в урну; тот кандидат, чье имя будет извлечено из урны первым, становится перерожденцем.

Новая система избрания перерожденцев, конечно, не являлась прямым назначением иерарха на его пост Цинами, но была весьма близка к этому. Новые правила, введенные в Тибете в начале 90-х гг. XVIII в., ставили главу тибетской церкви на вполне определенное место. Схематично систему управления Тибетом можно изобразить следующим образом: цинский император – Лифаньюань – амбани в Лхасе – Далай-лама – Кашаг – тибетский чиновничий аппарат.

Таким образом, к концу XVIII в. Тибет был полностью включен в состав империи Цин на правах «внешнего владения» (буферной территории). Он управлялся согласно особому своду законов («Уложению») и при помощи особого правительственного органа (Лифаньюаня); маньчжурские резиденты, ранее выполнявшие функции наблюдателей, превратились в имперских наместников в Тибете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К моменту установления межгосударственных отношений, то есть к середине XVII в., Тибетское государство и Цинская империя имели уже многовековой опыт общения. У этих государств был собственный взгляд на принципы внешней политики, задачи и приемы дипломатии, свой взгляд на будущее Центральной Азии. К началу тибето-китайских контактов в Центральной Азии произошли серьезные политические изменения: после установления в Тибете хошоутского протектората возродилось централизованное Тибетское государство (в форме теократии Гелугпы); в Китае воцарилась маньчжурская династия Цин, потенциальным соперником которой в регионе выступало Джунгарское ханство. Перемены, происходившие в Центральной Азии, побуждали руководителей Тибета и Китая к установлению межгосударственных отношений, в чем были заинтересованы обе стороны.

Китайская система внешнеполитических представлений не допускала в принципе равных межгосударственных отношений Китая с другими странами, народы которых считались «варварами». Поэтому тибето-китайские отношения могли быть установлены лишь по схеме «вассал – сюзерен», даже если вассалитет был чисто номинальным. При этом согласия партнера по контактам на принятие им вассалитета даже не требовалось.

Тибет, заинтересованный в нормальных отношениях с Цинской империей, мог противопоставить китайской дипломатической ловушке лишь схему «лама – милостынедатель», с успехом применявшуюся тибетцами в отношениях с Китаем и в юаньское, и в минское время. Эта схема, переводившая политические вопросы в религиозную плоскость, позволяла объявлять любого иностранного правителя «милостынедателем», и тем самым снимать вопрос о политической зависимости Тибета от иностранной державы. Схема «лама – милостынедатель» не влекла за собой политических обязательств (кроме добровольных) и не предполагала элемента подчиненности.

Таким образом, установление в начале 50-х гг. XVII в. отношений между Тибетом и Цинским Китаем воспринималось сторонами совершенно различно: по мнению тибетцев, были установлены отношения по типу «лама – милостынедатель», с ки-

тайской же точки зрения – по типу «сюзерен – вассал». Два принципиально различных подхода – тибетский и китайский – существовали до начала 90-х гг. XVII в. как бы параллельно, не противореча друг другу. Обе стороны, исходя из своих интересов, предпочитали не замечать некоторые неувязки в своих отношениях.

Для Цинов, еще не захвативших Халху и Кукунор, очень важна была хотя бы нейтральная, посредническая позиция тибетской церкви в китайско-монгольских отношениях. Однако в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в., в связи с началом джунгаро-цинской борьбы за гегемонию в регионе, нейтралитет Тибета уже не устраивал Цинов. Они намеренно обострили тибето-китайские отношения, что привело к ряду политических потрясений в Стране снегов и в конечном счете к ликвидации хошутского протектората над Тибетом и связанного с ним теократического режима Гелугпы.

В начале XVIII в. Тибет был на короткое время захвачен джунгарами, а затем китайцами. Китайский протекторат, установленный в 1720 г. в Тибете, действовал по схеме «вассал – сюзерен»: марионеточные правительства, созданные Цинами в Тибете, имели светский характер; церковь была отстранена от государственных дел, а ее глава даже побывал в ссылке. В середине XVIII в., в связи с антикитайским заговором, возникшим в Тибете, цинские правители решили восстановить теократию Гелугпы. Но возрожденный теократический режим не был аналогом теократии XVII в.: глава церкви, формально считавшийся и руководителем страны, должен был всемерно содействовать интеграции Тибета в систему Цинской империи. Тибет должен был стать буферной территорией, выполняющей строго определенные идеологические и военные функции.

Тибето-непальские войны конца XVIII в. показали цинскому правительству, что тибетская администрация с поставленными задачами не справилась. В связи с этим в начале 90-х гг. XVIII в. был проведен ряд реформ, означавших полное включение Тибета в состав Цинской империи. Теократический режим был сохранен, но тибетские иерархи стали вассалами династии Цин, со всеми присущими им обязанностями. Тем не менее они продолжали рассматривать себя партнерами цинских императоров по схеме «лама – милостынедатель», что позволяло им сохранять

престиж в глазах тибетского населения. Цины не отвергали признания тибетских иерархов, поскольку положение «защитников буддизма» было для них весьма выгодно.

Роль тибетских лидеров в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. далеко не однозначна. Из числа рассмотренных в пособии лидеров двое были церковными иерархами, и их деятельность на международной арене была, несомненно, связана с существованием в тот момент в Тибете теократического режима. У пяти светских лидеров в ходе их политической деятельности возникали определенные проблемы с буддийской церковью. Эти трения в отношениях между церковной и светской властью были выгодны цинским императорам, использовавшим их для усиления своего влияния в Тибете. Большинство тибетских лидеров стремилось сделать Тибет независимым государством; но, выражая интересы определенных тибетских кругов, религиозных или политических группировок, они были вынуждены ориентироваться на сильную иностранную державу, что неминуемо вело Тибет к потере независимости.

С П И С О К
РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бичурин, Н. Я. Статистическое описание Китайской империи / Н. Я. Бичурин. – М. : Восточный дом, 2002. – 464 с.

Богословский, В. А. Очерк истории тибетского народа / В. А. Богословский. – М. : Вост. лит., 1962. – 87 с.

Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Буддизм Тибета. – М. ; Рига : Нартанг, 1991. – 104 с.

Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Свобода в изгнании. – СПб. : Нартанг, 1992. – 134 с.

Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Моя страна и мой народ. – СПб. : Нартанг, 2000. – 147 с.

Дугаров, Р. Н. Кукунорские ханства в XV–XVIII вв. / Р. Н. Дугаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 79 с.

История Китая. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 736 с.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М. : Вост. лит., 1986. – 584 с.

Кычанов, Е. И. Люди и боги Страны снегов / Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий. – М. : Вост. лит., 1975. – 304 с.

Мартынов, А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений / А. С. Мартынов. – М. : Вост. лит., 1978. – 283 с.

Молодцова, Е. Н. Тибет: сияние пустоты / Е. Н. Молодцова. – М. : Вост. лит., 2001. – 320 с.

Тайны Тибета. По ту сторону. – Минск : Плопресс, 2002. – 400 с.

Цендина, А. Д. ...И страна зовется Тибетом / А. Д. Цендина. – М. : Вост. лит., 2002. – 304 с.

Шакабла, В. Д. Тибет: политическая история / В. Д. Шакабла. – СПб. : Нартанг, 2003. – 428 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И ТИБЕТА	6
1. Внешняя политика Китая	6
Концепция «Китай – варварь»	6
«Мироустроительная» монархия	6
Приезд «варваров» к императорскому двору	7
Вассалитет	7
Дань и торговля (внешнеполитический аспект)	8
Пограничная политика Китая	9
2. Внешняя политика Тибета	9
Международные договоры Тибета	10
Междинастические браки	10
Посредничество	11
Религиозно-политические отношения «лама – милостынедатель»	11
Религиозно-политические процессы в Тибете и отношения Тибета с Китаем и Монголией (вторая половина XIV – начало XVII в.)	12
ДАЛАЙ-ЛАМА V НГАГБАН ЛОВЗАН ЧЖАМЦО	19
ДЭСРИД САНЧЖАЙ ЧЖАМЦО	28
ЛХАВЗАН-ХАН	36
КАНЧЕННАС	45
ПОЛХАНАС	61
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТИБЕТА В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА	84
ЦИНСКИЕ НОВОВВЕДЕНИЯ В ТИБЕТЕ (1720–1750 гг.)	89

Имперские резиденты (амбани)	89
Китайский гарнизон	89
Почтовая служба	90
ЧЖУРМЭД - НАМЧЖАЛ	91
ПАНЧЕН-ЛАМА III БАЛДАН-ЕШЕЙ	101
ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ XVIII ВЕКА	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	114
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	117

Учебное издание

Беспрозванных Евгений Леонидович

ТИВЕТО–КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В XVII–XVIII ВЕКАХ

Учебное пособие

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *С.А. Астахова*
Технический редактор *Л.С. Сморгалова*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 10.03 2005 г. Формат 60S84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ . «С» 19.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.